

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
...
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
...
КАФЕДРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА, ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА
...
КЛУБ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА, ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
(ежегодник)

ВЫПУСК 7

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПРОЕКТНОГО ОФИСА ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ПГНИУ

Пермь 2024

УДК 347.4+347.9

ББК 67.400

A43

Главный редактор

В. Г. Голубцов, заместитель председателя Семнадцатого арбитражного апелляционного суда,
доктор юридических наук, профессор

A43 **Актуальные** проблемы предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса : сборник научных статей (ежегодник) / гл. ред. В. Г. Голубцов ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2024. – 188 с.

ISBN 978-5-7944-3108-7

ISBN 978-5-7944-4129-1 (вып. 7)

В сборник входят работы молодых ученых (студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей), представленные на ежегодной всероссийской научной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса». Мероприятие организовано кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ.

К публикации в сборнике принимаются оригинальные исследовательские работы по актуальным проблемам предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, одобренные научными руководителями авторов статей.

УДК 347.4+347.9

ББК 67.400

*Печатается по решению кафедры
предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ*

Рецензенты: доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Пермского филиала РАНХиГС при Президенте РФ, канд. юрид. наук *Ж. В. ЭСТЕРЛЕЙН*;

старший преподаватель кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета, канд. юрид. наук *Н. Н. МАКОЛКИН*

ISBN 978-5-7944-3108-7

ISBN 978-5-7944-4129-1 (вып. 7)

© Пермский государственный
национальный исследовательский университет, 2024

PERM STATE UNIVERSITY

• • •

FACULTY OF LAW

• • •

DEPARTMENT OF ENTREPRENEURSHIP LAW, CIVIL LITIGATION AND ARBITRATION

• • •

THE CLUB OF ENTREPRENEURSHIP LAW

URGENT ISSUES

OF THE ENTREPRENEURSHIP LAW, CIVIL LITIGATION AND ARBITRATION

ISSUE 7

WITH THE SUPPORT OF
PROJECT OFFICE OF THE FACULTY OF LAW AT PERM STATE UNIVERSITY

Perm 2024

UDC 347.4+347.9

LBC 67.400

Chief Editor

V. G. GOLUBTSOV, Head Deputy Chairman of the Seventeenth Commercial Court of Appeal,
Doctor of Law, Professor

Urgent issues of the entrepreneurship law, civil litigation and arbitration: collection of academic articles (annual issue). Ed. by V. G. Golubtsov; Perm State University. – Perm, 2024. – 188 p.

ISBN 978-5-7944-3108-7

ISBN 978-5-7944-4129-1 (issue 7)

The collection includes the articles of young scientists (undergraduates, graduate students, postgraduates and professors) presented at the scientific conferences organized by the Department of Entrepreneurship Law, Civil and Arbitration Process, Perm State University. Original research papers focused on current issues of the law of obligations, arbitration process are accepted after they are approved by the scientific supervisors of the authors.

This publication is recommended for scholars and practitioners. The main goal of the collection is to popularize the studies of young lawyers.

UDC 347.4+347.9

LBC 67.400

*The proceedings is published according to the decision
of the Department of Entrepreneurship Law, Civil and Arbitration, Perm State University*

Reviewers: Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines at Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Perm branch), Candidate of Law *ZH. V. ESTERLEYN*;

Senior Lecturer of the Department of Environmental, Labor Law and Civil Process at Kazan Federal University, Candidate of Law *N. N. MAKOLKIN*

ISBN 978-5-7944-3108-7

ISBN 978-5-7944-4129-1 (issue 7)

© Perm State University, 2024

Редакционная коллегия

- О. А. Кузнецова** заместитель декана юридического факультета по науке, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ, доктор юридических наук, профессор
- Д. Н. Латыпов** профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ, доктор юридических наук, доцент
- А. В. Сятчихин** руководитель проектного офиса юридического факультета, доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ, кандидат юридических наук, доцент

Editorial Board

- O. A. KUZNETSOVA** Vice Dean for Scientific Affairs of the Faculty of Law,
Professor of the Department of Entrepreneurship Law,
Civil Litigation and Arbitration at Perm State University,
Doctor of Law, Professor
- D. N. LATYPOV** Professor of the Department of Entrepreneurship Law,
Civil Litigation and Arbitration at Perm State University,
Doctor of Law, Docent
- A. V. SYATCHIKHIN** Head of the Project office of the Faculty of Law,
Associate Professor of the Department of
Entrepreneurship Law, Civil Litigation and Arbitration at
Perm State University, Candidate of Law, Docent

Содержание

Антонян А. К. К вопросу о гражданско-правовой природе некоторых принципов контрактной системы в сфере закупок России	11
АРСА А. М., БОРЗОВА Е. С. Экономически обоснованный план по делам о несостоятельности (банкротству)	16
БЕЛЬКЕВИЧ А. В. Правовая природа платы за отказ от договора	20
БЕЛЯЕВА М. В. Правовая характеристика соглашения об участии в промышленной деятельности промышленного кластера	24
БИСС А. Р. История развития риска как правовой категории	28
БУЛДЫГЕРОВ М. Н. Товарный знак на маркетплейсах. Гражданско-правовая охрана товарного знака	32
ГАВРЮСОВ А. В. Альтернативность правовых последствий генерального бездействия ответчика, связанных с формой судебной процедуры, как проблема гражданского процесса России	38
ГОРШКОВА П. А. Исполнительная надпись нотариуса как альтернатива приказному производству в арбитражном процессе	42
ГРАЧЕВ Е. С. Финансовые инструменты и цифровые акции через призму философского аспекта денег и собственности	48
ГУСЕЙНОВА А. А. Принцип добросовестности в обязательственном праве	52
ГУЩИН М. В. К вопросу о возникновении проблем при применении статьи 178 УК РФ «Ограничение конкуренции»	56
ДРАЧЕВА Е. И. Применение принципа добросовестности при разделе имущества в процедуре банкротства одного из супругов	62
ДЯТЛОВ К. В. О целесообразности введения договора социального банковского вклада и социального банковского счета	67
ЕВЛАМПЬЕВА А. В. Сочетание устности и письменности в гражданском судопроизводстве..	70
ЕФИМОВ К. А. Соотношение категорий «форма» и «вид» в контексте института злоупотребления правом.....	74
ЖУЙКОВА А. И. Использование веб-конференции в гражданском и арбитражном процессе	78
ЗАРИВЧАЦКИЙ И. А. Исследование причин законодательного закрепления обжалования решения собрания в качестве самостоятельного способа защиты права	82
ЗГОГУРИН Д. А. К вопросу о представительских полномочиях, вытекающих из обстановки.....	86
КАРАВАЕВ Д. Д. Аномия института несостоятельности	90
КОРЕШКОВА В. А., ТОПОРКОВА А. В. Проблема кодификации российского предпринимательского законодательства	94
ЛЕБЕДИК Д. В. Пределы осмотрительности лица, полагающегося на заверения об обстоятельствах	98

Лобанова П. С. Проблемные вопросы процедуры банкротства наследственной массы должника-гражданина	102
Машинская Н. А. Извещение о возбуждении группового иска в гражданском процессе: проблемы реализации	106
Мерзлякова Е. С. Лицензирование деятельности по обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, культивированию наркосодержащих растений	110
Минеева А. И. Электронные документы как средство доказывания в гражданском и арбитражном процессе	114
Мишин Я. К. Совершенствование законодательства в сфере транспортно-экспедиторской деятельности: обеспечение баланса интересов сторон	119
Назаров М. Ю. Перевозка груза беспилотным транспортом: субъект гражданско-правовой ответственности	122
Паначева Т. В. К вопросу об определении понятия имущественного комплекса как объекта недвижимости	126
Пачин Г. А. К вопросу об отказе прокурора от административного иска	131
Плотникова А. А., Рыбакова Е. С. Государственная поддержка малого и среднего бизнеса посредством цифровых платформ	135
Поварницын А. С. К вопросу об общих и специальных способах защиты корпоративных прав участников коммерческих корпораций	138
Повышева А. А. Соотношение административной ответственности должностного и юридического лица	143
Полякова Ю. А. Соотношение договоров счета эскроу и номинального счета	147
Самкова П. Ю. К вопросу о признании иностранных юридических лиц несостоятельными (банкротами) на территории Российской Федерации	151
Саргсян Д. Г. Иммунитет денежных средств на залоговом счете от взыскания: возможные проблемы	154
Тюленев И. П. К вопросу о некоторых проблемах правового регулирования транснациональных корпораций в Российской Федерации	157
Федотовская А. Е. Правовое понимание понятия «реклама» в сети «Интернет»	161
Францева А. А. Разглашение врачебной тайны по запросу коммерческих организаций: подходы в судебной практике	165
Хафизов А. М. Особенности распределения бремени доказывания по спорам о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве	169
Чижов А. Д. Процессуальные права контролирующих должника лиц	173
Шмырина А. А. К вопросу о привлечении участников общества с ограниченной ответственностью к ответственности за доведение его до банкротства	177
Эйриян Г. Н. О надлежащем способе защиты при разделе земельного участка, находящегося в общей собственности	180
Юсупова С. Ш. Отказ от исполнения договора при банкротстве	184

Content

ANTONYAN A. K. On the Issue of the Civil Nature of Some Principles of the Contract System in the Field of Procurement in Russia	11
ARSA A. M., BORZOVA E. S. Economically Soundable Insolvency (Bankruptcy) Plan	16
BELKEVICH A. V. The Legal Nature of the Fee for Canceling the Contract	20
BELYAEVA M. V. Legal Characteristics of an Agreement on Participation in the Industrial Activities of an Industrial Cluster	24
BISS A. R. Historical Formation of the Legal Category 'Risk'	28
BULDYGEROV M. N. Trade Mark on Marketplaces. Civil Law Protection of a Trade Mark	32
GAVRYUSOV A. V. The Alternative of the Legal Consequences of the Defendant's General Inaction Related to the Form of Judicial Procedure as a Problem of the Russian Civil Procedure.....	38
GORSHKOVA P. A. Notary's Executive Inscription as an Alternative to Writ Proceedings in the Arbitration Process	42
GRACHEV E. S. Financial Instruments and Digital Stocks through the Prism of the Philosophical Aspect of Money and Property	48
GUSEYNOVA A. A. The Principle of Fairness in the Law of Obligations	52
GUSHCHIN M. V. On the Issue of Problems Arising in the Application of Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation "Restriction of Competition"	56
DRACHEVA E. I. Application of the Principle of Fairness in the Division of Property in the Bankruptcy Procedure of One of the Spouses	62
DYATLOV K. V. On the Expediency of Introducing a Social Bank Deposit Agreement and a Social Bank Account	67
EVLAMPEVA A. V. The Combination of Oral and Written Language in Civil Proceedings	70
EFIMOV K. A. Relationship of the Categories «Form» and «Type» in the Context of the Institution of Abuse Of Right.....	74
ZHUYKOVA A. I. Using A Web Conference In Civil and Arbitration Proceedings	78
ZARIVCHATSKII I. A. Investigation of the Reasons for the Legislative Consolidation of the Appeal against the Decision of the Assembly as an Independent Way of Protecting the Right	82
ZGOGURIN D. A. On the Issue of Representative Powers Arising from the Situation	86
KARAVAEV D. D. Anomie of the Insolvency Institution	90
KORESHKOVA V. A., TOPORKOVA A. V. The Problem of Codification of Russian Business Legislation	94
LEBEDIK D. V. The Limits of Discretion of a Person Relying on Assurances about the Warranties and Representations	98

LOBANOVA P. S. Problematic Issues of the Bankruptcy Procedure of the Hereditary Mass of the Debtor-Citizen	102
MASHINSKAYA N. A. Notification of the Initiation of a Class Action in Civil Proceedings: Problems of Implementation	106
MERZLYAKOVA E. S. Licensing of Activities Related to the Trafficking of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances and Their Precursors, Cultivation of Narcotic Plants.....	110
MINEEVA A. I. Electronic Documents as a Means of Proof in Civil and Arbitration Procedures.....	114
MISHIN IA. K. Improvement of Legislation in the Field of Freight Forwarding Activities: Ensuring a Balance of Interests of the Parties	119
NAZAROV M. YU. Transportation of Cargo by Uncrewed Vehicle: Subject of Civil Liability	122
PANACHEVA T. V. On the Issue of Defining the Concept of a Property Complex as a Real Estate Object	126
PACHIN G. A. On the Issue of the Prosecutor's Refusal from an Administrative Claim.....	131
PLOTNIKOVA A. A., RYBAKOVA E. S. Government Support of Small and Medium Businesses through Digital Platforms	135
POVARNITSYN A. S. To the Question of General and Special Methods of Protection of Participants' Corporate Rights in Commercial Corporations.....	138
POVYSHEVA A. A. The Ratio of Administrative Responsibility of an Official and a Legal Entity... ..	143
POLYAKOVA YU. A. Relationship of Escrow Account and Nominal Account Agreements	147
SAMKOVA P. Y. On the Issue of Recognizing Foreign Legal Entities as Insolvent (Bankrupt) on the Territory of the Russian Federation.....	151
SARGSYAN D. G. Immunity of Money on Pledge Bank Account Against Recovery: Possible Problems	154
TIULENEV I. P. To The Question of Some Problems of the Legal Regulation of Transnational Corporations in the Russian Federation.....	157
FEDOTOVSKAYA A. E. Legal Understanding of the Concept of "Advertising" on the Internet ...	161
FRANTSEVA A. A. Disclosure of Medical Secrecy at the Request of Commercial Organizations: Approaches in Court Practice	165
KHAFIZOV A. M. Peculiarities of Distribution of the Burden of Proof in Disputes on Bringing a Person Controlling the Debtor to Subsidiary Liability in Bankruptcy Cases.....	169
CHIZHOV A. D. Procedural Rights of Persons Controlling the Debtor	173
SHMYRINA A. A. On the Issue of Holding Participants of a Limited Liability Company Liable for Bringing It to Bankruptcy.....	177
EYRIAN G. N. On the Appropriate Method of Protection for the Division of Land in Common Ownership	180
Yusupova S. Sh. Repudiation of a Contract in Bankruptcy	184

А. К. Антонян

Магистрант ПГНИУ

Научный руководитель: Д. А. Формакидов

К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПОВ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ В СФЕРЕ ЗАКУПОК РОССИИ

Рассматривается соотношение принципов открытости информации о контрактной системе в сфере закупок и обеспечения конкуренции в сфере закупок. На основе анализа правоприменительной практики и доктринальных источников установлена взаимосвязь указанных принципов, основанная на их гражданско-правовой природе.

Ключевые слова: принцип открытости, принцип обеспечения, конкуренции, равенство, добросовестность.

A. K. Antonyan

Master's student, Perm State University

Supervisor: D. A. Formakidov

ON THE ISSUE OF THE CIVIL NATURE OF SOME PRINCIPLES OF THE CONTRACT SYSTEM IN THE FIELD OF PROCUREMENT IN RUSSIA

The correlation between the principles of openness of information about the contract system in the field of procurement and ensuring competition in the field of procurement is considered. The interrelation of these principles is established, based on their civil law nature based on the analysis of law enforcement practice and doctrinal sources.

Keywords: the principle of openness, the principle of security, competition, equality, integrity.

Контрактная система в сфере закупок основывается, в том числе на принципах открытости, прозрачности информации о контрактной системе в сфере закупок и обеспечения конкуренции (ст. 6 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе, Закон № 44-ФЗ [1]). В судебно-арбитражной практике чаще всего принцип открытости рассматривается в системной связи с принципом обеспечения конкуренции. Взаимосвязь указанных принципов отражена в определении Верховного Суда РФ от 23.03.2022 № 304-ЭС22-1824 по делу № А46-5508/2021, постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20.05.2019 № Ф01-1997/19 по делу № А43-27419/2018; постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.12.2023 по делу № А46-5508/2021 и других судебных актах [2].

Анализ приведенных судебных актов показывает, что суды при рассмотрении споров в сфере осуществления закупок неизменно указывают на одновременное нарушение как принципа открытости, так и принципа обеспечения конкуренции на торгах, несмотря на то, что данные принципы имеют самостоятельное законодательное значение и содержание, находятся в отдельных статьях Закона о контрактной системе. Почему в таком случае судебная практика зачастую смешивает их применение? Одновременное применение двух принципов контрактной системы в сфере закупок судами представляется неслучайным.

В. Г. Голубцов полагает, что из положений статьи 8 Закона № 44-ФЗ остается не до конца ясным содержание как в целом принципа обеспечения конкуренции, так и, в частности, принципа добросовестной ценовой и неценовой конкуренции. Запрет на совершение действий, ограничивающих конкуренцию, являющийся гарантией указанного принципа, фактически заимствован из Федерального закона «О защите конкуренции». Таким образом, как сам принцип обеспечения конкуренции, так и его гарантии, предусмотренные Законом № 44-ФЗ, следует признать весьма размытыми и условными, что не способствует качественной реализации соответствующих нормативных положений [3, с. 232]. М. В. Шмелева считает, что в настоящее время принцип конкуренции носит лишь декларативный характер [4, с. 88].

Между тем, представляется, что установление содержания принципов обеспечения конкуренции и открытости информации о контрактной системе в сфере закупок определяется в системной связи с принципами гражданского права.

О. А. Кузнецова указывает, что одним из императивов принципа равенства участников гражданских правоотношений являются равные правовые возможности при вступлении в гражданско-правовые отношения, при приобретении гражданских прав и обязанностей [5, с. 79]. Именно в таком понимании принцип равенства участников гражданского оборота и преломляется при установлении специального правового регулирования контрактных отношений, получая свое раскрытие в содержании нормы-принципы обеспечения конкуренции между участниками закупок.

В соответствии со статьей 8 Закона о контрактной системе контрактная система в сфере закупок направлена на создание равных условий для обеспечения конкуренции между участниками закупок. Любое заинтересованное лицо имеет возможность в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок стать поставщиком (подрядчиком, исполнителем) (ч. 1 ст. 8 Закона № 44-ФЗ).

В рассматриваемых отношениях по обеспечению публичных нужд наиболее важным представляется обеспечение равенства заинтересованных лиц для их участия в конкурентной процедуре, что является необходимым условием для вступления таких лиц в контрактные правоотношения. Таким образом, создание равных правовых возможностей для участия в закупке для всех заинтересованных

лиц, конкурирующих между собой за право заключить контракт, является дополнительным нормативным закреплением гражданско-правового принципа равенства участников оборота, закрепленного в статье 1 ГК РФ, в сфере правового регулирования контрактных отношений.

Создание равных условий для обеспечения конкуренции во многом зависит от действий заказчика по соблюдению принципа открытости путем размещения полной, достоверной и объективной информации о проводимой закупке в единой информационной системе в сфере закупок (далее – ЕИС) (то есть для всех заинтересованных лиц) на всех стадиях ее осуществления (планирование, размещение извещения, рассмотрение заявок с последующим определением победителя, заключение и исполнение контракта).

В литературе также отмечается, что принцип равноправия субъектов гражданских правоотношений реализуется и в отношении участников закупки и коррелирует с принципом открытости и прозрачности информации о контрактной системе в сфере закупок. Например, намереваясь осуществить закупку открытым конкурентным способом, заказчик размещает в ЕИС извещение об осуществлении закупки. Использование сайта www.zakupki.gov.ru, а также сайтов электронных торговых площадок ставит желающих принять участие в объявленной заказчиком конкурентной процедуре в равное положение, независимо от их фактического нахождения, позволяет потенциальным участникам узнать о закупке и оперативно принять решение об участии в соответствующем электронном аукционе или ином конкурентном способе определения поставщика [6, с. 7]. При этом осуществление закупки открытым конкурентным способом с использованием ЕИС служит целям привлечения широкого круга лиц для участия в закупке и является тем самым реализацией и принципа обеспечения конкуренции в сфере закупок.

Кроме того, обеспечение правовой возможности подачи заявки каждому заинтересованному лицу так же напрямую зависит от объективности, полноты и достоверности описания объекта закупки, что способствует честной и добросовестной конкуренции между потенциальными поставщиками (подрядчиками, исполнителями). Таким образом, принцип открытости информации о контрактной системе в сфере закупок не просто имеет связь с принципом обеспечения конкуренции, а является необходимой гарантией, предпосылкой для должной реализации принципа обеспечения конкуренции.

Конкуренция при осуществлении закупок должна быть основана на соблюдении принципа добросовестной ценовой и неценовой конкуренции между участниками закупок в целях выявления лучших условий поставок товаров, выполнения работ, оказания услуг. Запрещается совершение заказчиками, иными субъектами контрактной системы любых действий, которые противоречат требованиям Закона о контрактной системе, в том числе приводят к ограничению конкуренции, в частности к необоснованному ограничению числа участников закупок (ч. 2 ст. 8 Закона № 44-ФЗ).

В данном положении законодатель пошел еще дальше, установив, что всякое нарушение норм Закона о контрактной системе автоматически нарушает принцип обеспечения конкуренции. Таким образом, применение судами во многих спорах по соответствующей категории дел принципа конкуренции обусловлено, в том числе прямой волей законодателя.

Более того, в рассматриваемой норме получает развитие принцип добросовестности участников гражданского оборота, закрепленный в пункте 3 статье 1 ГК РФ, путем установления требования к участникам закупки о соблюдении последними принципа добросовестной ценовой и неценовой конкуренции, что направлено на борьбу со злоупотреблениями со стороны самих участников торгов.

В этой связи в цивилистической теории обоснованно утверждается: «гражданско-правовое требование добросовестного поведения явно прослеживается при обосновании такого специального принципа, как принцип обеспечения конкуренции. Именно в результате конкурентной борьбы между поставщиками (подрядчиками, исполнителями) формируется наиболее выгодное для государства предложение о закупе товаров, работ или услуг. Если при проведении закупок конкуренция добросовестная, то стороны учитывали интересы общего блага и других участников (п. 3 ст. 1 ГК РФ), не допускали заведомого злоупотребления своими правами (ст. 10 ГК РФ)» [7, с. 78].

Е. Е. Степанова также полагает, что принцип обеспечения конкуренции наряду с принципом открытости информации о контрактной системе в сфере закупок явно связаны с цивилистическим принципом добросовестности поведения субъектов гражданских правоотношений [6, с. 9].

Представляется, что группы нарушений, связанные с предоставлением участникам закупки ненадлежащей информации с точки зрения ее полноты, объективности и достоверности должны относиться первично только к сфере применения принципа открытости. Безусловно, такого рода нарушения ограничивают количество возможных участников торгов, однако такое ограничение имеет вторичный, производный характер, поскольку порождено именно изначальным игнорированием заказчиком требований информационной открытости. Недобросовестные действия участников закупки образуют самостоятельный состав правонарушения принципа добросовестной ценовой и неценовой конкуренции.

Учитывая изложенное, между принципом открытости и обеспечения конкуренции имеется симбиотическая правовая связь, обусловленная их гражданско-правовой природой, поскольку в основании указанных принципов контрактной системы в сфере закупок лежат общегражданские принципы равенства участников гражданского оборота и их добросовестности. Несоблюдение принципа открытости (исходное нарушение) влечет за собой, как правило, ненадлежащую реализацию принципа обеспечения конкуренции путем ограничения количества потенциальных участников закупки (производное нарушение).

Литература

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652.
2. Определение Верховного Суда РФ от 23.03.2022 № 304-ЭС22-1824 по делу № А46-5508/2021. URL: <https://kad.arbitr.ru/>; Постановления: Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20.05.2019 № Ф01-1997/19 по делу № А43-27419/2018. URL: <https://kad.arbitr.ru/>; Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.12.2023 по делу № А46-5508/2021. URL: <https://kad.arbitr.ru/>.
3. Голубцов В. Г. Российская Федерация как субъект гражданского права. М.: Статут, 2021. 272 с.
4. Шмелева М. В. Принцип конкуренции контрактной системы в сфере закупок // Вестник Московского университета. 2018. № 1. С. 86–91.
5. Кузнецова О. А. Принцип равенства участников гражданских правоотношений: правоприменительный аспект // Российский юридический журнал. 2004. № 3 (43). С. 78–86.
6. Степанова Е.Е. Роль принципов гражданского права в регулировании контрактных отношений в сфере публичных закупок // Хозяйство и право. 2022. № 8. С. 3–11.
7. Парфенюк Н. В. Законодательство о контрактной системе в соприкосновении с принципом добросовестности // Ex jure. 2019. № 4. С. 76–87.

А. М. Арса, Е. С. Борзова
Студенты ТулГУ (г. Тула)
Научный руководитель: А. Г. Богомолова

ЭКОНОМИЧЕСКИ ОБОСНОВАННЫЙ ПЛАН ПО ДЕЛАМ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВУ)

В статье анализируется сущность экономически обоснованного плана как важного инструмента при доказывании принятия руководителем должника своевременных мер по предупреждению банкротства организаций. Анализ действующего законодательства РФ позволяет сделать вывод о том, что отсутствуют нормы, регламентирующие сущность изучаемой меры и ее особенности. Вывод о сущности экономически обоснованного плана основывается на позиции судов при разрешении дел о признании юридического лица несостоятельным (банкротом).

Ключевые слова: экономически обоснованный план, несостоятельность, субсидиарная ответственность, антикризисные меры.

A. M. Arsa, E. S. Borzova
Students, Tula State University
Supervisor: A. G. Bogomolova

ECONOMICALLY SOUNDABLE INSOLVENCY (BANKRUPTCY) PLAN

In this article, analysis of the essence of a justified plan is an important guiding tool in proving that the debtor has taken timely measures to prevent bankruptcy of organizations. An analysis of the current legislation of the Russian Federation allows us to conclude that there are no rules regulating the components of the measure under consideration and its features. The conclusion of a reasonable plan is based on the positions of the courts when resolving cases of a legal entity declared insolvent (bankrupt).

Keywords: economically justified plan, insolvency, subsidiary liability, anti-crisis measures.

В настоящее время в России прослеживается неустойчивость финансово-экономической системы, которая сопровождается развитием кризиса. В связи с этим, наблюдается негативная тенденция к увеличению числа физических и юридических лиц, признанных несостоятельными (банкротами). Специфика функционирования института несостоятельности (банкротства) в нашей стране определяется исторически сложившимися условиями хозяйствования предприятий, а также продолжающимся процессом трансформации экономической системы [1].

Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ- №127) [2] определяет несостоятельность (банкротство) как признанную арбитражным судом или наступившую в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном

объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

Рассмотрев определение термина несостоятельность (банкротство), следует охарактеризовать антикризисные меры, направленные на недопущение такого состояния предприятия, которое может повлечь за собой банкротство.

Согласно части 2 статьи 30 ФЗ-№127 учредители (участники) должника, собственник имущества должника – унитарного предприятия, федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления в случаях, предусмотренных федеральным законом, обязаны принимать своевременные меры по предупреждению банкротства организаций.

На сегодняшний день некоторые проблемные вопросы вызывает такая мера, как составление и реализация экономически обоснованного (антикризисного) плана выхода из кризиса. Исходя из п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. №53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее Постановление Пленума №53) [3], если руководитель должника докажет, что само по себе возникновение признаков неплатежеспособности не свидетельствовало об объективном банкротстве и он, несмотря на временные финансовые затруднения, добросовестно рассчитывал на их преодоление в разумный срок и приложил необходимые усилия для достижения такого результата, выполняя экономически обоснованный план, – то такой руководитель может быть освобожден от субсидиарной ответственности на тот период, пока выполнение его плана являлось разумным с точки зрения обычного руководителя, находящегося в сходных обстоятельствах.

Также следует отметить, что сегодня существует позиция, согласно которой руководитель не будет привлечен к субсидиарной ответственности, если он не обратился в арбитражный суд с заявлением о банкротстве, но предоставил экономически обоснованный план, предполагающий краткосрочные и исправимые финансовые трудности. Данный план должен быть обоснованным и предполагать преодоление кризисной ситуации при усилиях руководителя.

Термин «экономически обоснованный план» в рамках законодательства о банкротстве используется для демонстрации учредителем или собственником юридического лица всевозможного применения меры для выхода из кризиса, чтобы в дальнейшем быть освобожденным от дополнительной ответственности. Однако, законодательство РФ не закрепляет данное понятие, поэтому на практике часто у судей арбитражного суда возникают вопросы: какие действия, предпринятые учредителем или собственником должника, признаются экономически обоснованными для спасения предприятия от банкротства?

Для решения данного вопроса необходимо обратиться к судебной практике. Постановление Пленума ВС РФ №53 не разъясняет понятие «экономически обоснованный план». При этом, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 20.07.2017 №309-ЭС17-1801 [4] экономически обоснованный план определяется как заранее продуманные действия руководителя предприятия (или собственников), направленные на добросовестное преодоление временных финансовых затруднений юридического лица в разумный срок.

В каждом конкретном случае, судья арбитражного суда должен самостоятельно определить относятся или не относятся действия учредителя или собственника юридического лица к экономически обоснованному плану, чтобы последний избежал субсидиарной ответственности. Так, например, в «Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018)» содержатся перечень обстоятельств, подлежащих выяснению судом при определении относимости и эффективности плана: 1) являлся ли план экономически обоснованным, 2) до какого момента выполнение этого плана являлось разумным, 3) какие причины привели к возникновению кризисной ситуации, ее развитию и переходу в стадию объективного банкротства).

К экономически обоснованному плану можно отнести следующие действия:

1) продолжение деятельности организации с постепенным снижением размеров кредиторской задолженности. В данном случае под экономически обоснованным планом понимались разумные меры к преодолению временных финансовых трудностей и погашению кредиторской задолженности за счет поступлений денежных средств от собственников (пользователей) жилыми помещениями, в отношении которых должником осуществлялись мероприятия по обслуживанию и текущему ремонту[5];

2) планы по увеличению производства или снижению текущих расходов. В данном случае под экономически обоснованным планом понималась производственная программа по изготовлению и реализации буровых установок, реализация которой позволяла погасить кредиторскую задолженность [6].

Таким образом, в законодательстве РФ о банкротстве отсутствуют нормы, устанавливающие понятие «экономически обоснованный план»; какие черты характерны для действий, подходящих под реализацию экономически обоснованного плана; примерный перечень действий, которые должен предпринять учредитель или собственник юридического лица, в рамках экономически обоснованного плана. Для защиты прав и законных интересов не только кредиторов, но и должников, необходимо внести изменения в ФЗ-№ 127, добавив новую статью «Экономически обоснованный план», которая отразит в себе вышеуказанные положения.

Литература

1. Львова О. А. Антикризисный потенциал банкротства // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2016. № 4. С. 79–03.
2. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 28.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.04.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.
3. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 // Российская газета, № 297, 29.12.2017.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.07.2017 № 309-ЭС17-1801 по делу № А50-5458/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/WITceny6Zv1P/>.
5. Определение Верховного Суда РФ от 23.04.2018 № 301-ЭС17-15220 по делу № А31-4988/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 от 14.11.2018) (ред. от 26.12.2018) п. 29 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 6.

А. В. Белькевич

Студент ПГНИУ

Научный руководитель: А. В. Сятчихин

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПЛАТЫ ЗА ОТКАЗ ОТ ДОГОВОРА

Новая редакция статьи 310 ГК РФ позволила сторонам договора предусмотреть односторонний отказ при условии выплаты определенной денежной суммы. И если раньше обсуждалось лишь само право на отказ от договора, то после указанного нововведения наиболее обсуждаемым стал вопрос именно о квалификации платы за отказ. В статье рассматриваются позиции судов и ученых-цивилистов по вопросам, связанным с правовой сущностью института платы за односторонний отказ от договора.

Ключевые слова: правовая природа, односторонний отказ от договора, плата за отказ от договора, прекращение обязательства, секундарное право.

A. V. Belkevich

Student, Perm State University

Supervisor: A. V. Syatchikhin

THE LEGAL NATURE OF THE FEE FOR CANCELING THE CONTRACT

The new version of Article 310 of the Civil Code of the Russian Federation allowed the parties to the contract to provide for a unilateral refusal on condition of payment of a certain amount of money. Previously, only the right to withdraw from the contract itself was discussed, but after this innovation, the most discussed issue was precisely the qualification of the fee for refusal. The article deals with the positions of courts and civil scientists on issues related to the legal essence of the institution of payment for unilateral withdrawal from the contract.

Keywords: legal nature, unilateral withdrawal from the contract, payment for withdrawal from the contract, termination of the obligation, second law.

В юридическом лексиконе часто можно встретить термин «правовая природа», однако до сих пор в теории права не сформулировано единого мнения относительно содержания данного понятия.

В настоящей статье будем придерживаться позиции С. С. Алексеева, в соответствии с которой правовая природа определяется через юридические характеристики правового явления, позволяющие увидеть его структуру, роль и место среди других правовых явлений в соответствии с его социальной природой [1, с. 227].

Действующее законодательство не вносит определенности в решение вопроса о квалификации уплаты определенной денежной суммы стороной, отказав-

шейся от исполнения договора. В исследовании данной проблемы можно выделить несколько позиций: уплачиваемая сумма рассматривается как отступное, неустойка, возмещение убытков или как плата за реализацию секундарного права.

Нередко в договоре условие об уплате определенной денежной суммы стороной, отказавшейся от исполнения договора, именуется как неустойка. Действительно, как и неустойка, этот платеж фиксируется в виде денежной суммы, в то же время, неустойка является мерой ответственности за нарушение договора и требует установления вины нарушителя. При этом право реализовать одностороннее прекращение обязательства может быть установлено законом или договором. Таким образом, можно согласиться с точкой зрения отрицания сложившейся практики отождествления правовой природы неустойки и платежа при одностороннем отказе от договора [2].

Обусловленный платеж квалифицировался судами также как отступное. В соответствии со статьей 409 ГК РФ кредитор соглашается на получение денежных средств или иного имущества в целях прекращения обязательства. Следует заметить, что сходство между отступным и платой за отказ от договора проявляется только во внешней форме, т. е. «откупающаяся» сторона прекращает обязательство посредством уплаты денежных средств. В то же время, существует и ряд различий. Так, например, в отличие от отступного, плата за отказ от договора это не способ, а последствие прекращения обязательства [2, с. 120–121]. Иными словами, данный платеж является условием действующего договора, тогда как соглашение об отступном заключается после совершения сделки. Во-вторых, судебная практика сложилась таким образом, что в отношении платы при одностороннем отказе от исполнения договора обязательство прекращалось с момента получения стороной уведомления об отказе [3]. Прекращение обязательства в случае заключения соглашения об отступном происходит в момент предоставления отступного. Кроме этого, необходимо отметить, что при одностороннем отказе от договора, все обязательства должника будут считаться прекращенными, в то время как последствием отступного будет прекращение какого-либо определенного обязательства. Таким образом, необоснованно ставить знак равенства между этими институтами.

Законодательные формулировки в статьях 717 и 782 ГК РФ позволяют определить правовую природу платы за отказ от договора как возмещение убытков. Указанные нормы, закрепляющие право заказчика на односторонний отказ от договора, в обоих случаях предусматривают имущественные последствия, которые нередко именуется в современной цивилистике убытками. Но необходимо помнить, что возмещение убытков является мерой гражданско-правовой ответственности, что затрудняет такую квалификацию исследуемой платы. Некоторые исследователи называют односторонний отказ от исполнения обязательства правонарушением, с чем трудно согласиться, так как указанными нормами ГК РФ сторонам

предоставляется диспозитивное право отказа от исполнения договора. Также существует позиция, согласно которой понятие «убытки» толкуется расширительно, т.е. односторонний отказ от договора признается правомерным действием [4, с. 189–190]. Вероятно, законодатель не желал называть отказ от договора в вышеуказанных нормах правонарушением, а преследовал цель в поддержании баланса интересов сторон договора, предусматривая компенсацию имущественных потерь как способ восстановления экономического положения терпящей убытки стороны. Таким образом, можно согласиться с мнением о том, что плата за односторонний отказ от договора является компенсационной мерой, но необоснованно квалифицировать ее как способ возмещения убытков, являющегося последствием неправомерных действий [5].

А. Г. Карапетов указывает, что плата за выход из договора относится к числу вторичных прав [6, с. 13]. Реализация вторичного права заключается в возможности одной из сторон договора своей односторонней сделкой изменить или прекратить существующее обязательство. Для рассмотрения условий внесения платы в таком качестве необходимо ответить на вопрос: уплата денежных средств является следствием реализации права на односторонний отказ от договора или же внесение денежной суммы — это необходимое условие для реализации этого права? Исходя из принципа свободы договора, только в случае уплаты определенной денежной суммы право на односторонний отказ будет считаться состоявшимся. Т.е. необходимым элементом прекращения договора является уплата согласованных денежных средств. Но следует оговориться, что судебная практика ВАС РФ и ВС РФ сформировалась в противоположном направлении.

Так, позиция судебных инстанций основана на том, что обязанность по уплате денежных средств является именно следствием реализации права на односторонний отказ от договора [7]. Представляется, что именно эта позиция является верной, т.к. предыдущий подход может подвергнуть потерпевшую сторону остаться в так называемом «подвешенном» состоянии. Иными словами, должник может не торопиться с оплатой, нарушая принцип добросовестности.

Проанализировав эти подходы, можно предположить, что законодатель в целях минимизации недобросовестности участников гражданского оборота рассматривает плату за отказ от договора именно как плату за реализацию вторичного права.

В результате исследования позиций относительно правовой природы платы за отказ от договора, в заключение можно сказать, что формулировку пункта 3 статьи 310 ГК РФ следует понимать как плату за реализацию вторичного права, имеющего целью вознаграждение претерпевающей неудобства стороны в случае отказа контрагента от исполнения обязательства.

Литература

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и запреты в советском праве. М., 1998.
2. Краснова С. А. Платеж в связи с односторонним отказом от исполнения договора: правовая природа, соотношение со смежными правовыми категориями // Закон. 2016. Вып. 7. С. 119–128.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (утв. Президиумом ВС РФ 04.03.2015) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Верховец Д. И. К вопросу о правовой природе платы за односторонний отказ от исполнения обязательства // Вестник Томского государственного университета. Юридические науки. 2017. Вып. 419. С. 186–192.
5. Сятчихин А. В. Возмещение заранее оцененных убытков: анализ развития отечественной судебной практики // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 2. С. 104–108.
6. Карапетов А. Г. К вопросу о снижении платы за отказ от договора // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. Вып. 8.
7. Определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 28.06.2017 № 309-ЭС17-1058 по делу № А07-27527/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОГЛАШЕНИЯ ОБ УЧАСТИИ В ПРОМЫШЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО КЛАСТЕРА

В статье дается правовая характеристика соглашения об участии в промышленной деятельности промышленного кластера. Раскрываются особенности данного договора, его правовая природа, специфика субъектного состава и содержания. Особое внимание уделяется проблемам законодательного регулирования соглашения, обосновывается необходимость его более детальной регламентации. На основе проведенного исследования формулируются конкретные предложения по совершенствованию правовых норм, регулирующих отношения по созданию и деятельности промышленных кластеров.

Ключевые слова: промышленный кластер, соглашение об участии в промышленной деятельности, организационный договор, существенные условия договора, специализированная организация кластера, участники кластера, координация деятельности, совместные проекты, правовое регулирование.

M. V. Belyaeva
Student, Perm State University
Supervisor: A. V. Syatchikhin

LEGAL CHARACTERISTICS OF AN AGREEMENT ON PARTICIPATION IN THE INDUSTRIAL ACTIVITIES OF AN INDUSTRIAL CLUSTER

The article provides a comprehensive analysis of the legal characteristics of an agreement on participation in the industrial activities of an industrial cluster. The essential features of this agreement, its legal nature, specifics of the subject composition and content are revealed. Particular attention is paid to the problems of legislative regulation of the agreement, and the necessity of its more detailed regulation is substantiated. Based on the conducted research, specific proposals are formulated to improve the legal norms governing relations concerning the creation and activity of industrial clusters.

Keywords: industrial cluster, agreement on participation in industrial activities, organizational agreement, essential terms of the agreement, specialized organization of the cluster, cluster participants, coordination of activities, joint projects, legal regulation.

Одним из ключевых направлений развития и модернизации промышленного сектора экономики России на современном этапе является создание промышленных кластеров. Кластерная форма организации предпринимательской деятельности позволяет обеспечить эффективное взаимодействие, координацию усилий и

консолидацию ресурсов предприятий, работающих в единой производственной цепочке. Стимулирование образования кластеров рассматривается как одна из приоритетных задач государственной промышленной политики.

Ключевым юридическим инструментом, опосредующим создание промышленного кластера, выступает соглашение об участии в его промышленной деятельности. Именно этот договор закрепляет основы организационного единства самостоятельных хозяйствующих субъектов, составляющих кластер, определяет общие условия и порядок их кооперации в рамках совместных проектов. От того, насколько полно и точно будут урегулированы в данном соглашении права, обязанности и ответственность сторон, во многом зависит успешность дальнейшего функционирования и развития всего кластера [1, с. 35].

Вместе с тем, приходится констатировать, что в настоящее время правовому регулированию соглашения об участии в промышленной деятельности кластера не уделяется должного внимания на законодательном уровне. Нормы о промышленных кластерах, содержащиеся в Федеральном законе «О промышленной политике в Российской Федерации» [2] и принятых в его развитие подзаконных актах, носят самый общий характер и не раскрывают всех существенных аспектов данного договора. Гражданский кодекс РФ [3] также не упоминает соглашение о кластере в числе поименованных видов гражданско-правовых договоров.

Такое положение дел порождает высокую степень правовой неопределенности в вопросах заключения и исполнения соглашений о промышленной деятельности кластера. Стороны вынуждены самостоятельно восполнять пробелы нормативного регулирования при формировании условий договора, что повышает риски несбалансированности их прав и обязанностей, возникновения конфликтов и споров. Отсутствие единообразного подхода к пониманию правовой природы и характеристики данного соглашения в доктрине также не способствует эффективному использованию этого инструмента на практике, что можно продемонстрировать и на примерах правового регулирования иных правовых институтов [4; 5; 6].

Все это обуславливает высокую актуальность и значимость научного осмысления правовой характеристики соглашения об участии в промышленной деятельности кластера.

В первую очередь следует определиться с правовой природой рассматриваемого соглашения. Большинство исследователей справедливо относят его к категории непоименованных договоров, прямо не предусмотренных гражданским законодательством, но заключаемых в силу принципа свободы договора (п. 2 ст. 421 ГК РФ) [3].

При этом анализ цели и природы складывающихся между сторонами правоотношений позволяет квалифицировать соглашение об участии в промышленной деятельности кластера как разновидность организационного договора. Его основное назначение заключается не в непосредственном установлении конкретных

имущественных прав и обязанностей контрагентов, а в создании общей организационно-правовой базы их дальнейшего сотрудничества в рамках кластера. Как отмечает М. Ф. Казанцев, организационные договоры направлены на упорядочение взаимосвязанной деятельности участников в их общих интересах, определяют процедурные вопросы их взаимодействия, формируют единую систему внутренних норм и правил [7].

Как было отмечено выше, законодательство не устанавливает каких-либо специальных требований к существенным условиям соглашения о промышленной деятельности кластера. Восполняя этот пробел, мы полагаем, что в качестве таких должны рассматриваться: условие о предмете, то есть о создании кластера для осуществления совместной промышленной деятельности; условие о сроке действия соглашения; права и обязанности сторон по участию в промышленной деятельности кластера; условия о порядке управления кластером, формировании и компетенции его органов; порядок принятия решений в рамках кластера.

При этом условия об ответственности участников за нарушение обязательств из соглашения носят факультативный характер. Это объясняется общей направленностью данного договора на организацию взаимодействия сторон, а не на установление конкретных имущественных санкций. Впрочем, ничто не мешает сторонам включить в соглашение те или иные меры ответственности, руководствуясь принципом свободы договора.

Переходя к вопросам управления промышленным кластером, нужно подчеркнуть, что он не обладает статусом самостоятельного юридического лица. Это не организация, а именно объединение организаций и других хозяйствующих субъектов, связанных общими бизнес-процессами. Поэтому в кластере складывается специфическая система органов, основанная не на нормах корпоративного права, а на положениях заключенного между участниками соглашения [8, с. 62].

Высшим органом управления выступает общее собрание участников кластера, к компетенции которого относятся наиболее важные вопросы его деятельности. При этом характерной особенностью является рекомендательный характер решений, принимаемых общим собранием. Они становятся обязательными только в случае единогласного одобрения всеми участниками, поскольку последние не связаны императивными корпоративными нормами и сохраняют автономию воли.

Текущую координацию деятельности кластера, как уже отмечалось, осуществляет специализированная организация. Она призвана обеспечить эффективное информационное и организационное взаимодействие участников при реализации совместных проектов, представлять интересы кластера во взаимоотношениях с государственными органами и иными внешними контрагентами. Вместе с тем, специализированная организация не имеет распорядительных полномочий в отношении участников и действует на принципах равноправного сотрудничества с ними.

Таким образом, можно сделать вывод, что соглашение об участии в промышленной деятельности кластера представляет собой непоименованный гражданско-правовой договор организационного характера. Его основное назначение состоит не столько в непосредственном возникновении имущественных прав и обязанностей, сколько в создании общих рамочных условий взаимодействия участников кластера как единого производственного комплекса.

Действующее законодательство о промышленных кластерах характеризуется высокой степенью «пробельности» в части регламентации данного вида договора, что существенно снижает эффективность его применения на практике. В этой связи представляется необходимой разработка специальных правовых норм, детально определяющих понятие, форму, существенные условия, механизмы заключения и исполнения соглашений об участии в промышленной деятельности кластера. Соответствующие дополнения целесообразно внести как в базовый Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации», так и в отдельные подзаконные нормативные акты.

При этом важно обеспечить необходимый баланс между диспозитивным и императивным элементами в правовом регулировании кластерных соглашений. С одной стороны, нормы закона должны четко устанавливать права и обязанности участников кластера, гарантировать защиту их законных интересов, не допускать злоупотреблений и недобросовестных практик. С другой стороны, нужно сохранить для сторон достаточную степень свободы договорного усмотрения, возможность выстраивать отношения с учетом специфики конкретного вида экономической деятельности и реализуемых проектов. Только в этом случае удастся придать соглашению об участии в промышленной деятельности кластера необходимую юридическую определенность, превратить его в действенный инструмент модернизации отечественной промышленности на основе кластерного подхода.

Литература

1. Акопян О. А. Правовая природа соглашения об осуществлении промышленно-производственной деятельности в промышленных кластерах // Юрист. 2017. № 10. С. 32–37.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32.
3. О промышленной политике в Российской Федерации: Федер. закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ (ред. от 12.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 1 (часть I).
4. Сятчихин А. В. Возмещение заранее оцененных убытков: анализ развития отечественной судебной практики // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 2. С. 104–108.
5. Сятчихин А. В. Заранее оцененные убытки в современном праве Англии и США: избранные материалы шестого Пермского конгресса ученых-юристов (Пермь, 16–17 октября 2015 г.). М.: Статут, 2016.
6. Сятчихин А. В. Криптовалюта как объект конкурсной массы // Ex iure. 2019. № 1. С. 80–90.
7. Казанцев М. Ф. Концепция гражданско-правового договорного регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008.
8. Мельничук Г. В. Кластерная политика как инструмент повышения конкурентоспособности и диверсификации региональной экономики: российский и зарубежный опыт // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2017. Том 7. № 3А. С. 62–74.

А. Р. Бисс
Студент ПГНИУ
Научный руководитель: Д. Н. Латыпов

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РИСКА КАК ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ

На основе трудов дореволюционных и советских правоведов анализируется динамика развития категории «риск», а также влияние выработанных в науке подходов на современное понимание данной категории.

Ключевые слова: риск, вероятность, неблагоприятные последствия.

A. R. Biss
Student, Perm State University
Supervisor: D. N. Latypov

HISTORICAL FORMATION OF THE LEGAL CATEGORY 'RISK'

The article is dedicated to historical formation of the category «risk» in works of pre-revolutionary and Soviet legal scholars, analyzed the influence of approaches developed in science on the modern understanding of this category.

Keywords: risk, probability, adverse consequences

Исследование риска в трудах дореволюционных правоведов носит фрагментарный характер, так как указанная категория рассматривалась применительно к отдельным видам правоотношений. Однако именно эти теоретические исследования стали основой для советской и современной юридической науки.

В дореволюционный период слово «риск» часто употреблялось наряду со словом «страх» в значении угрозы или опасности. Так, Д. И. Мейер указывал, что риском или страхом по обязательству выступает вероятность того, что впоследствии его исполнение может оказаться невозможным, что причинит ущерб одной из сторон [1, с. 151]. Помимо этого, автором был проанализирован риск применительно к договору страхования жизни. Учитывая, что смерть является естественным явлением, Д. И. Мейер считал, что она не может рассматриваться в качестве риска, а потому, договор страхования жизни не является договором страхования в общепринятом смысле [1, с. 230].

По мнению И. И. Степанова, риск присутствует только в случае потери чего-либо вследствие случая, если же речь идет о возможности приобрести или не приобрести, то риск отсутствует [2, с. 123–124]. Напротив, Г. Ф. Шершеневич, рассматривая риск как признак предпринимательской деятельности, указывал, что

«предпринимателем является лицо, которое несет на себе риск успеха торгового предприятия» [3, с. 130].

Приведенное мнение видится исключением, так как большинство ученых рассматривают риск именно как вероятность наступления негативных последствий. Например, А. И. Каминка указывал, что предпринимательской деятельности всегда сопутствует риск неудачи [4, с. 74].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в дореволюционный период было положено лишь начало исследованиям категории «риск». Фундаментальные работы, посвященные риску как правовой категории, в данный период истории отсутствовали.

Основы учения о риске были заложены советскими правоведами, которые отмечали необходимость разработки теории риска для гражданского права. Так, О. А. Красавчиков отмечал, что исследованию категории «риск» не уделяется должного внимания и она практически не применяется в науке гражданского права [5, с. 34].

Вместе с тем, ряд ученых считали риск системообразующим элементом права. М. М. Агарков отмечал, что идея риска положена в основу всех гражданско-правовых отношений независимо от наличия прямого упоминания о риске в той или иной норме [6, с. 64]. Большое значение риску придавал Я. М. Магазинер: все право есть не что иное, как система распределения рисков, которая изменяет и направляет стихийно складывающееся их распределение на основе естественных законов экономики [7].

Важным для разрешения также оставался вопрос определения понятия «риск». К примеру, Я. М. Магазинер под риском понимал угрозу благам, возможность ущерба и зла [8, с. 161]. М. С. Гринберг под риском подразумевал правомерное опасное действие, которое может причинить ущерб [9, с. 12]. Отдельно автор выделяет производственно-хозяйственный риск, который представляет собой состояние, при котором рабочий или государственный служащий добивается производственного достижения путем поставления в опасность охраняемых правом интересов [9, с. 42]. И. А. Омельченко в понятие «риск» вкладывала идею защиты от вредных природных сил во избежание хозяйственных убытков [10, с. 7].

Таким образом, общецивилистическое понимание риска на данном этапе отсутствовало, так как риск в вышеназванных трудах рассматривался в контексте отдельных правоотношений. Тем не менее, существующие подходы позволили выделить три основные концепции риска, которые составили значительный вклад для определения его основных признаков.

Представители объективной теории рассматривали риск как явление объективной реальности, связанное с потенциальной возможностью наступления имущественных потерь.

Так, О. А. Красавчиков под риском понимал принятие убытков, возложенных на лицо в соответствии с законом, которые возникли вследствие случайных обстоятельств [5, с. 153].

По мнению А. А. Собчака, «риск – это опасность возникновения неблагоприятных последствий, относительно которых неизвестно, наступят они или нет» [11, с. 55]. Подобная точка зрения характерна именно для объективного понимания риска, так как неопределенность рассматривается именно как внешний фактор, а не само состояние субъекта.

Еще одним сторонником объективной теории выступал О. А. Пастухий, который отмечал, что риск существует независимо от воли и сознания человека [12]. Автор не исключал осознание риска самим субъектом, однако, считал, что это не влияет на объективный характер риска.

Теорию субъективного понимания риска впервые изложил В. А. Ойгензихт, согласно которому риск является психическим отношением субъекта к случайным последствиям своего поведения [13, с. 34]. Подход В. А. Ойгензихта разделял С. Н. Братусь, который рассматривал риск как субъективное основание безвиновной ответственности [14, с. 28–29].

Ф. Г. Нинидзе считала, что рискующий субъект всегда допускает вероятность возникновения негативных последствий своих, когда же субъект осознает их неизбежность, то о риске говорить невозможно.

Будучи сторонником дуалистической концепции, Б. Н. Мезрин считал, что риск – это вероятный вред, наступление которого субъект в состоянии предвидеть. При этом автор согласен с тем, что риск является объективной категорией, так как возможность причинения вреда всегда связана внешними факторами [15, с. 48]. Е. О. Харитонов, разделял риск на субъективный и объективный. Под объективным риском он понимал вероятность возникновения убытков (расходов), которые возложены на лицо в соответствии с законом, а под субъективным – предвидение лицом наступления отрицательных последствий [16, с. 65].

Таким образом, критерием обособления названных теорий выступает значение воли и сознания субъекта. Для субъективной концепции этот признак является определяющим, а для объективной – индифферентным. Дискуссии по этому поводу продолжаются и сегодня, однако, наибольшее число ученых являются сторонниками объективной теории риска. Данная концепция нашла отражение и в действующем гражданском законодательстве, которое не учитывает степень осознания и предвидения риска.

История развития категории «риск» свидетельствует о том, что самостоятельной правовой категорией «риск» был признан лишь в советский период. Юридическое содержание данной категории исследовалось правоведами применительно к разнородным правоотношениям, которым сопутствует риск. В связи с этим единый подход к его пониманию сформулирован не был. Обособление субъек-

ективной, объективной и дуалистической теорий риска отчасти позволило установить границы содержания категории «риск» и определить ее существенные признаки. Так, сторонники каждой из теорий признают, что риск связан с вероятностью наступления неблагоприятных последствий.

Литература

1. Мейер Д. И. Русское гражданское право: В 2 т. Т.2. М.: Статут, 1997. Ч. 2. 455 с.
2. Степанов И. И. Опыт теории страхового договора. Казань: Унив. тип. 1875. С. 123–124.
3. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. В 4 т. Том 1. М.: Изд-во Юрайт, 2024. С. 130.
4. Каминка А.И. Основы предпринимательского права. Петроград: Петрогр. т-во печ. и изд. дела «Труд», 1917. 345 с.
5. Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М.: Юрид. лит., 1966. 200 с.
6. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Юриздат, 1940. 192 с.
7. Магазинер Я. М. Общая теория права на основе советского законодательства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 3(230). С. 101–120.
8. Магазинер Я. М. Советское хозяйственное право. Л: Издание студенческой кассы взаимопомощи Ленинградского ин-та народного хозяйства им. Фр. Энгельса, 1928. 489 с.
9. Гринберг М. С. Проблема производственного риска в уголовном праве. М.: Госюриздат, 1963. С. 12.
10. Омельченко И. А. Творческий риск, его государственно-правовая охрана. М: Изд-во Моск. ун-та, 1955. С. 7.
11. Собчак А. А. О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности // Правоведение. 1968. № 1. С. 55.
12. Пастухий О. А. Категория риска в советском гражданском праве // Гражданское право и способы его защиты. Свердловск, 1974. С. 57–58
13. Ойгензихт В. А. Проблема риска в гражданском праве. (Часть общая). Душанбе: Ирфон, 1972. 224 с.
14. Братусь С. Н. Спорные вопросы теории юридической ответственности // Советское государство и право. 1973. № 4. С. 27–35.
15. Мезрин Б. Н. О юридической природе риска в советском гражданском праве // Гражданское право и способы его защиты: сб. науч. трудов / под. ред. проф. О.А. Красавчикова. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1974. Вып. 33. С. 48.
16. Харитонов Е.О. Категории субъективного и объективного риска в советском гражданском праве // Проблемы правоведения: респ. межвед. науч. сб. / под ред. проф. Л. Л. Потарыкиной. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1979. Вып. 40. С. 65.

М. Н. Булдыгеров

Студент БелГУ

Научный руководитель: Д. А. Хашаева

ТОВАРНЫЙ ЗНАК НА МАРКЕТПЛЕЙСАХ. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ТОВАРНОГО ЗНАКА

Статья посвящена анализу гражданско-правовой охраны товарного знака на маркетплейсах. Рассматриваются вопросы применения законодательства о товарных знаках в онлайн-торговле, особенности защиты прав на товарные знаки в судебной практике, а также роль маркетплейсов в предотвращении нарушений интеллектуальной собственности. В работе особое внимание уделяется значимости соблюдения прав интеллектуальной собственности для бизнеса и потребителей, подчеркивая важность соблюдения законодательства и этических принципов при продаже товаров и услуг через онлайн-платформы.

Ключевые слова: Гражданский кодекс Российской Федерации, товарный знак, электронные торговые площадки (маркетплейсы).

M. N. Buldygerov

Student, Belgorod State University

Supervisor: D. A. Khashayeva

TRADE MARK ON MARKETPLACES. CIVIL LAW PROTECTION OF A TRADEMARK

This article is devoted to the analysis of civil law protection of a trademark on marketplaces. It considers the issues of application of trademark law in online commerce, peculiarities of trademark rights protection in court practice, as well as the role of marketplaces in preventing intellectual property infringements. The paper pays special attention to the significance of intellectual property rights for businesses and consumers, emphasising the importance of compliance with the law and ethical principles when selling goods and services through online platforms.

Keywords: Civil Code of the Russian Federation, trademark, electronic trading platforms (marketplaces).

В настоящее время, в эпоху стремительного технологического развития, наблюдается рост возможностей для осуществления предпринимательской деятельности. Онлайн-маркетплейсы, представляющие собой веб-платформы, на которых размещается информация о товарах, их изготовителях и реализаторах, приобретают значительную популярность среди различных возрастных категорий. Данные платформы, эффективно использующиеся благодаря темпам технологического прогресса, действительно приобретают все более широкую популярность

в силу того, что они объединяют продавцов и покупателей, предоставляя доступ к разнообразным товарам и услугам от различных производителей и продавцов. Стоит отметить, что владельцы и операторы маркетплейсов играют ключевую роль в обеспечении функционирования платформы, предоставлении информации о товарах, фасилитации сделок между продавцами и покупателями, а также обеспечении безопасности и удобства пользователей. Они не участвуют в производстве товаров, но предоставляют инфраструктуру для продажи товаров и услуг, облегчая процесс покупки и продажи. Среди наиболее популярных электронных торговых платформ в Российской Федерации можно выделить: «Яндекс.Маркет» [1], «Wildberries» [2], «Ozon» [3].

В соответствии с пунктом 1 статьи 1477 Гражданского кодекса Российской Федерации товарный знак, также известный как бренд, представляет собой существенный актив для предприятий [4]. На современных маркетплейсах, где функционируют сотни и тысячи продавцов, возрастает вероятность фальсификации или недобросовестного использования товарного знака.

В настоящее время наблюдается увеличение случаев неправомерного использования продавцами чужих товарных знаков на электронных торговых площадках. Феномен злоупотребления продавцами чужими товарными знаками на электронных торговых площадках является распространенным и имеет серьезные последствия. Это не только создает риск для покупателей в отношении подлинности и качества товаров, но и приводит к нарушению прав правообладателей товарных знаков. Например, покупатели подвергаются риску приобретения поддельных или низкокачественных товаров, так как у них может возникнуть ложное впечатление о подлинности и качестве продукции в результате использования чужого товарного знака продавцом. Владелец прав теряет контроль над своим товарным знаком и имиджем бренда из-за действий недобросовестных продавцов, что может негативно сказаться на доверии потребителей к продукции. Нелегальное использование чужих товарных знаков приводит к нарушению прав интеллектуальной собственности, что составляет юридическое нарушение и может повлечь за собой правовую ответственность для нарушителя.

Роль маркетплейсов в данном контексте является многообразной, охватывая спектр деятельности от реализации товаров от собственного имени до организации услуг по продаже и доставке товаров от различных продавцов.

Согласно договору между продавцом и маркетплейсом «Wildberries» последний обязуется осуществлять сделки по продаже товаров от имени продавца за определенное вознаграждение. В соответствии с данной конкретной договоренностью, маркетплейс «Wildberries» приобретает право на внесение изменений в ценовую политику товаров, предлагаемых продавцами, применение скидок без предварительного согласования и удержание комиссионных средств из выручен-

ных средств. В рамках данной модели отношений маркетплейс несет ответственность за нарушения прав продавцов на товарные знаки и проблематику контрафактной продукции. В других случаях маркетплейс может выступать в качестве информационного посредника, предоставляющего платформу для размещения информации о продуктах и обеспечивающего доступ к этой информации [5]. К примеру, платформа «Яндекс.Маркет» функционирует на основе договора об оказании услуг, в рамках которого компания «Яндекс» предоставляет инструменты для заключения сделок и размещает информацию о товарах, не выступая как самостоятельный продавец [6].

В свою очередь, договор между маркетплейсом «Ozon» и продавцами является смешанным. По этому договору маркетплейс «Ozon» предоставляет продавцам возможность размещать предложения о товарах на своей платформе, передает информацию о товарных знаках продавца, но за вознаграждение от имени и за счет продавца осуществляет сделки по реализации товаров через платформу «Ozon» и предоставляет услуги, связанные с реализацией товаров [7].

В случае, когда владелец и оператор электронной торговой площадки также выступает в роли информационного посредника, возникают вопросы в отношении возможной юридической ответственности за нарушения, связанные с размещением товаров под чужим товарным знаком на данной платформе.

Судебная практика свидетельствует о том, что владельцы маркетплейсов в некоторых случаях рассматриваются не как инициаторы размещения спорных товаров, а как посредники, предоставляющие платформу для торговли между другими сторонами. Тем не менее, в соответствии с некоторыми нормативными правовыми актами, владельцы маркетплейсов могут быть подвержены юридической ответственности за нарушения, произошедшие на их платформе.

Существенным аспектом является тот факт, что владелец маркетплейса несет ответственность за контент, размещенный на его веб-сайте, в зависимости от того, была ли предоставлена им информация о нарушениях прав на товарный знак, а также приняты ли соответствующие меры для устранения указанных нарушений.

Необходимо обратить внимание на то, что владельцы маркетплейсов обязаны периодически осуществлять контроль за размещенными товарами и реагировать на уведомления о нарушениях. Невыполнение данных обязанностей может повлечь за собой их собственную ответственность за нарушения прав на товарные знаки, независимо от того, являются ли они инициаторами размещения спорных товаров или информационными посредниками.

Суд по интеллектуальным правам отмечает, что информационным посредником может быть также провайдер хостинга, предоставляющий вычислительные мощности для размещения информации в случаях, когда владельцы интернет-магазинов размещают и реализуют товары с использованием чужих товарных знаков на их упаковке. Отношения между маркетплейсом и продавцами строятся по

модели информационного посредничества, если маркетплейс не продает товары от своего имени, а лишь предоставляет площадку для продавцов, где они могут найти покупателей и самостоятельно реализовывать свои товары. Маркетплейс может предлагать услуги по обработке платежей через свои системы, но оплата за проданные товары может быть передана продавцам напрямую, обходя расчетную систему маркетплейса [8].

В данном контексте, если информационный посредник (маркетплейс) несет ответственность за нарушение интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационной сети из-за своей вины, однако не является инициатором передачи спорного материала (информации), не участвовал в формировании его содержания другими лицами, не знал и не должен был знать о нарушении чужих прав, то привлечение информационного посредника к ответственности за нарушение исключительного права правообладателя и незаконное использование его товарного знака недопустимо. Следовательно, можно сделать вывод, что именно продавцы, а не маркетплейс, в случае их недобросовестного поведения и нарушения норм гражданского законодательства ввели в оборот контрафактный товар с использованием чужого товарного знака.

Проведение визуальной проверки всех товарных знаков на платформе представляется наименее эффективным методом для пресечения незаконной деятельности. Этот метод требует значительных временных и ресурсных затрат и не всегда обеспечивает точное определение нарушений правообладателя на товарный знак.

Для обеспечения защиты от потенциальных рисков маркетплейсам рекомендуется запрашивать у продавцов или производителей, желающих разместить свои товары на электронной торговой платформе, соответствующие документы, подтверждающие регистрацию их товарных знаков или наличие разрешения на использование чужих товарных знаков. Такие документы могут включать в себя свидетельство о регистрации товарного знака от Роспатента или копию лицензионного договора.

Маркетплейсам, в свою очередь, рекомендуется принимать решение об отказе в заключении договоров с продавцами, которые не могут предоставить необходимые документы, подтверждающие правомерность использования товарных знаков.

Ответственность маркетплейса за незаконное использование товарного знака зависит от его статуса как продавца или информационного посредника. В случае если исключительные права правообладателя на товарный знак нарушены, то, соответственно, электронная торговая площадка несет ответственность только при наличии вины. К примеру, если маркетплейс был инициатором передачи информации о товаре либо намеренно вносил изменения информации о

товаре или знал о неправомерном использовании товарного знака (бренда). В случае возникновения спора маркетплейсу требуется доказать отсутствие вины.

Гражданский кодекс Российской Федерации в статье 1253.1 устанавливает процедуру по требованию устранения нарушений прав представителем нарушителя. Суть данной статьи заключается в том, что в случае, если владелец права убежден в нарушении своих прав на торговой площадке, он имеет право обратиться к информационному посреднику с требованием устранения этих нарушений. В свою очередь, владелец маркетплейса обязан рассмотреть данное требование и предпринять соответствующие меры для устранения нарушений.

Однако стоит понимать, что эта статья не лишает правообладателя возможности обращаться в суд для защиты своих прав, если требование об устранении нарушений не будет удовлетворено информационным посредником. Судебное разбирательство может быть использовано в случае необходимости защиты прав и компенсации ущерба, который причинен нарушением.

В случае если маркетплейс самостоятельно осуществляет размещение и продажу товаров, правообладатель имеет право предъявить определенные требования и привлечь его к ответственности. Эти требования могут включать в себя прекращение деятельности, ликвидацию контрафактных товаров, а также компенсацию убытков и возмещение ущерба. Обычно заявители требуют компенсацию убытков, размер которой устанавливается законодателем. Для получения компенсации необходимо доказать факт нарушения прав. Высшие судебные инстанции также поддерживают тенденцию к присуждению компенсации за нарушение исключительных прав и призывают суды обеспечить возможность сторон представить все необходимые доказательства для определения размера компенсации.

При определении суммы компенсации за незаконное использование товарного знака необходимо учитывать интересы правообладателя в восстановлении его финансового положения, нарушенного недобросовестными действиями другой стороны. Гибкость, проявляемая судами при присуждении компенсации, должна учитывать обстоятельства дела, включая умысел нарушителя, реальный ущерб правообладателя, важность незаконного использования бренда и так далее, соблюдая при этом баланс интересов сторон.

В качестве примера следует рассмотреть решение Арбитражного суда г. Москвы. Данный суд рассматривал иск, мотивированный незаконным использованием в сети Интернет обозначения, сходного до степени смешения с товарным знаком истца, без согласия правообладателя. В ходе судебного разбирательства суд принял решение обязать ответчика аннулировать регистрацию доменного имени, использовавшегося им, а также взыскать компенсацию [9].

Таким образом, защита прав на товарные знаки имеет огромное значение как для владельца товарного знака (бренда), так и для электронных торговых пло-

щадок. Для владельца бренда крайне важно обеспечить его узнаваемость и защиту от подделок и незаконного использования со стороны третьих лиц. Это имеет существенное значение для создания доверия у потребителей к продукции и услугам, а также для сохранения репутации и конкурентоспособности на рынке.

Маркетплейсы, выступая в роли посредников между продавцами и покупателями, несут ответственность за контент, размещаемый на своей платформе. Соблюдение прав на товарные знаки играет важную роль в предотвращении размещения поддельных или нелегальных продуктов, что способствует созданию доверия у потребителей и укреплению репутации площадки.

Это подчеркивает, что соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности, включая права на товарные знаки, является критически важным аспектом как для продавцов, так и для маркетплейсов с точки зрения обеспечения честной и безопасной онлайн-торговли.

Литература

1. ООО «Яндекс.Маркет». URL: <https://market.yandex.ru/> (дата обращения 04.04.2024).
2. ООО «Wildberries». URL: <https://www.wildberries.ru/> (дата обращения 04.04.2024).
3. ООО «Ozon». URL: <https://www.ozon.ru/> (дата обращения 04.04.2024).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) [Электронный ресурс]. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Оферта о реализации товара на сайте Wildberries. URL: <https://mstatic.wbstatic.net/suppliers-portal-root/0.0.2/offer-ru.pdf> (дата обращения 04.04.2024).
6. Оферта на оказание услуг «Яндекс Маркет». URL: https://yandex.ru/legal/oferta_market/ (дата обращения 04.04.2024).
7. Договор для Продавцов товаров на Платформе Ozon. URL: <https://seller-edu.ozon.ru/contract-for-sellers/contract-goods/contract-for-sell-goods-on-ozon> (дата обращения 04.04.2024).
8. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23.06.2021 №С01-711/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справ-правовой1 систему «КонсультантПлюс».
9. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 30.06.2023 по делу № А40-12007/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ-правовой1 систему «КонсультантПлюс».

АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ГЕНЕРАЛЬНОГО БЕЗДЕЙСТВИЯ ОТВЕТЧИКА, СВЯЗАННЫХ С ФОРМОЙ СУДЕБНОЙ ПРОЦЕДУРЫ, КАК ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА РОССИИ

*В статье исследуется проблема альтернативности правовых последствий генерального бездействия ответчика (неучастия ответчика в состязательном процессе вообще), связанных с формой судебной процедуры, в гражданском процессе России. Выявляется, что альтернативность последствий в виде возможности для суда рассмотреть дело в заочном порядке или в общем основывается на буквальном толковании норм ГПК РФ. Учитывая назначение норм ГПК РФ о заочном производстве, правовые последствия генерального бездействия *de lege ferenda* должны быть жестко детерминированы, т.е. не являться альтернативными.*

Ключевые слова: гражданско-правовой процесс, процессуальное бездействие, ответчик, правовые последствия, ГПК РФ.

A. V. Gavryusov
Postgraduate student, Perm State University

THE ALTERNATIVE OF THE LEGAL CONSEQUENCES OF THE DEFENDANT'S GENERAL INACTION RELATED TO THE FORM OF JUDICIAL PROCEDURE AS A PROBLEM OF THE RUSSIAN CIVIL PROCEDURE

*The article examines the problem of alternative legal consequences of the defendant's general inaction related to the form of judicial procedure in the Russian civil process (the defendant's non-participation in the adversarial process at all). It is revealed that the alternative consequences in the form of a right for the court to consider the case in the form of default decision or in general is based on a literal interpretation of the norms of the Civil Procedure Code of the Russian Federation. Given the purpose of the rules of the Civil Procedure Code of the Russian Federation on default proceedings, the legal consequences of general inaction *de lege ferenda* should be strictly determined, i.e. not be alternative.*

Keywords: civil procedure, procedural inaction, defendant, legal consequences, CPC of RF.

Современный гражданско-правовой процесс дифференцирует последствия неучастия в деле ответчика в зависимости от вида судопроизводства (гражданский или арбитражный процесс), тогда как по отношению к третьим лицам действуют унифицированные правила.

Особенностью гражданского судопроизводства по ГПК РФ является возможность объективации последствия генерального бездействия ответчика в виде рассмотрения дела в порядке заочного производства (гл. 22 ГПК РФ).

Так, в соответствии с частью 1 статьи 233 ГПК РФ последствием генерального бездействия ответчика в суде первой инстанции может являться рассмотрение дела в порядке заочного производства. Все юридические факты, входящие в юридический состав, необходимый для заочного производства, свидетельствуют о генеральном бездействии ответчика.

Далее, нормативно (ч. 3 ст. 233 ГПК РФ), если явившийся в суд истец не согласен на рассмотрение дела в порядке заочного производства в отсутствие ответчика, суд должен отложить рассмотрение дела и известить ответчика о дате и месте судебного заседания.

Однако строение норм ГПК РФ о заочном производстве не приводит автоматически к образованию такого правового последствия генерального бездействия как рассмотрение дела в заочном производстве в реальном процессе. В статье 233 ГПК РФ речь идет только о праве суда рассмотреть дело в порядке заочного производства. В научной среде ученые указывают, что суд при наличии юридического состава для заочного производства вправе рассмотреть дело без перехода к заочному производству [1], то есть, последствия генерального бездействия ответчика являются альтернативными и, в первую очередь, будут зависеть от самого суда (суд может даже не обратиться к явившемуся в процесс истцу за получением его согласия на заочное производство).

Суды в России, основываясь на буквальном толковании положений указанной статьи, придерживаются аналогичной позиции. Суды прямо разъясняют, что при разрешении вопроса о том, в каком порядке и в какой процедуре необходимо рассматривать дело, суд должен оценить в совокупности все обстоятельства дела; рассмотрение дела в порядке заочного производства является исключительно правом суда, а генеральное бездействие ответчика в таком случае не является препятствием для рассмотрения дела по существу (ч. 4 ст. 167 ГПК РФ) [2]. Такая судебная практика распространена почти во всех девяти судебных кассационных округах [3].

Конструкцию норм главы 22 ГПК РФ разбирают правоведы, в том числе, И. К. Лясковский, и пишут о том, что она предоставляет суду неоправданную дискрецию в выборе формы судопроизводства [4]. Другие ученые также подчеркивают неопределенность норм ГПК РФ о детерминации последствий генерального бездействия ответчика, а точнее альтернативность выбора последствий самим судьей в отсутствие каких-либо критериев в законе [5, с. 15.]. И. К. Лясковский ссылается на дореволюционное процессуальное законодательство о заочном производстве, говоря о том, что неявка ответчика влекла возможность постановления только заочного решения [4]. Другие ученые, а также труды дореволюционных правоведов подтверждают такие выводы о жесткой детерминации последствий генерального бездействия ответчика в суде первой инстанции [6; 7, с. 37; 8, с. 371–

373]. Так, безальтернативным последствием генерального бездействия являлось постановление судом заочного решения.

Об отсутствии жесткой детерминации наступления определенных юридических фактов при рассмотрении вопросов о допустимости заочного производства свидетельствует также следующая правовая ситуация. Согласно части 3 статьи 233 ГПК РФ «в случае, если явившийся в судебное заседание истец не согласен на рассмотрение дела в порядке заочного производства в отсутствие ответчика, суд откладывает рассмотрение дела» для повторного извещения ответчика. В судебной практике возможно выявить подход, при котором при выражении истцом несогласия на заочное производство суды первой инстанции не откладывают судебное разбирательство как того требует часть 3 статьи 233 ГПК РФ. Вышестоящие судебные инстанции указывают, что такое нарушение не является существенным процессуальным нарушением, влекущим отмену правильного по своей сущности решения суда первой инстанции [9]. Некоторые суды проверочных инстанций указывают на наличие нарушений части 3 статьи 233 ГПК РФ в обобщениях практики, но не всегда решения судов первой инстанции обжалуются ответчиком в этой части [10].

Несмотря на некую апатичность ученых относительно целей существования заочного производства на современном этапе развития процессуального права и неоднозначность практики применения норм главы 22 ГПК РФ судами первой инстанции [11, с. 37; 12, с. 57–58; 13, с. 27], представляется, что у заочного производства все же есть свое назначение в системе цивилистического процесса [14, с. 75]. Заочное производство в современных реалиях гарантирует определенным образом право ответчика на судебную защиту в условиях извинительности его процессуального бездействия, как при согласии истца на заочное производство (гарантия в виде заочного решения), так и при его отсутствии (гарантия в виде отложения судебного разбирательства с повторным уведомлением).

Модель альтернативности последствий объективации факта генерального бездействия, выбор которых зависит только от судьи, рассматривающего дела, деструктивно влияет на степень правовой определенности процессуального закона, а также на формирование законных ожиданий лиц, участвующих в деле, при образовании исследуемого процессуального факта в конкретном гражданском процессуальном правоотношении. Эта проблема процессуального права вытекает из более крупного вопроса о сущности субъективного публичного права [15, 16, 17], теория которого не разработана в настоящее время в науке права. Тем не менее, ученые уже давно указывают, что только «неукоснительное соблюдение» процессуального закона (и, вероятнее всего, восприятие прав суда как его обязанностей) будет способствовать достижению тех целей процессуального закона, которые закладывались в его букву [18].

Литература

1. Сахнова Т. В. «Неполные» судебные процедуры в современном цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2021. № 4. С. 27–49.
2. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.12.2023 № 88-32371/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Определения: Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.11.2022 № 88-27932/2022, 2-790/2022; Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 07.04.2023 по делу № 88-13411/2023; Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17.05.2022 по делу № 88-10494/2022; Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.03.2022 № 88-5435/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Лясковский И. К. Заочное производство: некоторые тенденции и перспективы // Администратор суда. 2018. № 4. С. 37–41.
5. Магомедова З.И., Бутюгов Г.П. Заочное производство: ускоряет или затягивает процесс? // Мировой судья. 2021. № 3. С. 14–17.
6. Артизанов А. И. Институт заочного производства в свете принципа процессуальной экономии // Российский судья. 2021. № 2. С. 61–62.
7. Королев Б. И. Институт заочного производства по гражданским делам в России 1864–1917 гг. // История государства и права. 2013. № 10. С. 36–38.
8. Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства / И. Е. Энгельман, заслуженный профессор, почетный член Императорских университетов Св. Владимира и Юрьевского. Издание третье Учебника русского гражданского судопроизводства исправленное и дополненное. Юрьев: В комиссии у И. Г. Крюгера, 1912. 632 с.
9. Апелляционные определения: Свердловского областного суда от 12.10.2018 по делу № 33-18343/2018; Свердловского областного суда от 16.10.2020 по делу № 33-14060/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Справка по результатам обобщения судебной практики применения судами Самарской области гражданского процессуального законодательства при рассмотрении дел в порядке заочного производства за 2018 года (подготовлена Самарским областным судом 16.07.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Братцева С. В. Заочное производство: а стоит ли? // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 3. С. 55–56;
12. Кудрявцева В. П., Малюшин К. А. Унификация процессуального законодательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 1. С. 52–59.
13. Шкромада И. Н. Упрощенные формы гражданского судопроизводства в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. 2015. № 7. С. 25–28.
14. Федяев Д. А. Заочное производство в свете процессуальной реформы // Актуальные проблемы предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса: сб. науч. ст. (ежегодник) / отв. ред. В. Г. Голубцов, Д. Н. Латыпов; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2020. С. 73-80.
15. Елистратов А. И. Понятие о публично субъективном праве. М.: Печатня А. Снегиревой. 1913. 21 с.;
16. Носов С. И. Субъективные публичные права и интерес // Юрист. 2021. № 1. С. 65–73.
17. Сеницын С. А. Субъективные публичные права: к разработке вопроса о понятии и системе // Адвокат. 2016. № 7. С. 20–37.
18. Черновол И. Разрешение гражданских дел в порядке заочного судопроизводства // Законность. 2007. № 8.

П. А. Горшкова
Студент ПГНИУ
Научный руководитель: Д. А. Федяев

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ НОТАРИУСА КАК АЛЬТЕРНАТИВА ПРИКАЗНОМУ ПРОИЗВОДСТВУ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается возможность использования института исполнительной надписи нотариуса в качестве альтернативы приказному производству в арбитражном процессе. Проанализированы общие характеристики институтов, выявлены недостатки процедуры совершения исполнительной надписи нотариуса, препятствующие ее более широкому применению. Предложены возможные пути совершенствования института исполнительной надписи нотариуса в целях снижения судебной нагрузки.

Ключевые слова: исполнительная надпись нотариуса, снижение нагрузки на арбитражные суды, приказное производство.

P. A. Gorshkova
Student, Perm State University
Supervisor: D. A. Fedyaev

NOTARY'S EXECUTIVE INSCRIPTION AS AN ALTERNATIVE TO WRIT PROCEEDINGS IN THE ARBITRATION PROCESS

The paper considers the possibility of using the institution of the notary's executive inscription as an alternative to writ proceedings in the arbitration process. The general characteristics of institutions are analyzed, the shortcomings of the procedure for making the notary's executive inscription are revealed. Possible ways to improve the institution of notary's executive inscription in order to reduce the judicial burden are proposed.

Keywords: notary's executive inscription, reducing the burden on arbitration courts, writ proceedings.

Постоянно растущая судебная нагрузка предопределяет необходимость поиска новых сокращенных форм разрешения правовых споров либо расширения применения существующих. Согласно статистическим данным, представленным на официальном сайте Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, арбитражными судами субъектов в порядке приказного производства за 2022 год было рассмотрено 300 704 дел (из 1 702 816 рассмотренных) [1], что составляет 17,6 % от всей массы рассматриваемых дел, за первое полугодие 2023 года в порядке приказного производства рассмотрено 174 989 дел (из 879 622 рассмотренных) [2], что в свою очередь составляет 19,8 %. Указанный показатель характеризует эффективность института приказного производства в арбитражном судопроизводстве и, несомненно, оправдывает цель его введения – снижение нагрузки на судебную систему.

Несомненно, любое изменение в законодательстве должно рассматриваться с позиции его влияния на судебную нагрузку [3]. Думается, дальнейшее реформирование института приказного производства в целях снижения нагрузки на суды имеет несколько возможных направлений: увеличение количества требований, по которым суд может вынести судебный приказ, передача дел приказного производства иным правоприменителям, использование искусственного интеллекта в судебной системе для разрешения дел приказного производства.

В рамках работы рассмотрим возможность передачи дел приказного производства нотариусам. Необходимо обратить внимание на то, что предприниматели стали все чаще обращаться к помощи нотариуса, стремясь тем самым обезопасить себя [4, с. 392]. Выскажем предположение о том, что исполнительная надпись нотариуса способна обеспечить достойную замену приказному производству в арбитражном процессе, а институт исполнительной надписи нотариуса может стать одним из наиболее доступных механизмов снижения судебной нагрузки.

Приступая к рассмотрению заявленного тезиса, следует обратиться к наличию общих признаков деятельности по осуществлению правосудия и деятельности нотариуса. Так, в качестве положений, отражающих схожесть деятельности нотариуса и суда, В. В. Ярков отмечает осуществление полномочий от имени Российской Федерации, общие принципы организации и деятельности (например, принцип независимости), общегосударственный статус систем [5].

Одной из ключевых составляющих института приказного производства и института исполнительной надписи нотариуса является бесспорность требований. Процедура вынесения судебного приказа и совершения исполнительной надписи носят достаточно схожий характер. Сама процедура совершения исполнительной надписи нотариусом и вынесения судебного приказа судом заключается в проверке соответствия представленных документов.

Помимо прочего, К. А. Корсик подчеркивает функцию разрешения конфликта в ходе совершения исполнительной надписи. Автор отмечает, что нотариус должен быть убежден в том, что были приняты меры по саморазрешению юридического конфликта, в частности, путем проверки представленных документов [6]. Однако процедура совершения исполнительной надписи сама по себе не наделена характером примирения, должник не принимает активное участие в ходе реализации нотариального действия, что характерно также и для приказного производства.

В целях передачи дел приказного производства в механизм совершения исполнительной надписи нотариусом следует рассмотреть существующие различия. В качестве критериев разграничения приказного производства и института исполнительной надписи нотариуса А. И. Орлова выделяет следующее: виды требований, размер государственной пошлины, срок обращения, возможность отмены, территориальная доступность [7].

Так, в качестве обязательных условий для совершения исполнительной надписи статья 91 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» (утверждено Верховным Судом Российской Федерации 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 10.07.2023) (далее – Основы законодательства о нотариате) [8] определяет бесспорность требований, срок не более 2 лет с момента, когда обязательство должно быть исполнено. В отличие от приказного производства круг возможных требований, по которым может быть совершена исполнительная надпись, значительно сужен. В связи с чем совершение исполнительной надписи нотариуса как альтернативна судебному разбирательству, в сравнении с приказным производством, охватывает более узкий круг общественных отношений, снижая при этом свою эффективность как способа уменьшения судебной нагрузки.

Не совсем понятен выбор законодателя относительно периода времени совершения исполнительной надписи нотариусом. Ограничение взыскателя сроком в 2 года не коррелирует с общим сроком исковой давности – 3 года. Думается, следует изменить срок для совершения исполнительной надписи нотариусом в сторону 3 лет.

Следующим отличием рассматриваемых процедур является размер государственной пошлины. В соответствии с частью 1 статьи 333.21 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) [9] размер государственной пошлины при подаче заявления о выдаче судебного приказа составляет 50 % размера государственной пошлины, взимаемой при подаче искового заявления имущественного характера. В свою очередь, при совершении исполнительной надписи нотариуса государственная пошлина составляет согласно части 1 статьи 333.24 НК РФ 0,5 процента взыскиваемой суммы, но не более 20 000 рублей.

Таким образом, максимально возможная сумма государственной пошлины при подаче заявления о выдаче судебного приказа составляет 9 000 рублей (с учетом максимально возможных требований – 750 000 рублей). Однако если подобная величина требований была бы заявлена для совершения исполнительной надписи нотариуса, размер государственной пошлины составил бы 3 750 рублей. Разница в сумме государственной пошлины для среднего и крупного бизнеса не играет особой роли, однако не стоит забывать про малый бизнес. Также, отметим, что в рамках вопроса снижения судебной нагрузки на арбитражные суды следует подвергнуть обсуждению вопрос повышения государственной пошлины, что в свою очередь является отдельной темой для обсуждения.

Согласно статье 91.2 Основ законодательства о нотариате нотариус обязан уведомить должника о совершенной исполнительной надписи в течение трех рабочих дней. Между тем, суд высылает судебный приказ в течение 5 дней с момента вынесения. Возможность отмены совершенной исполнительной надписи нотариусом в бесспорном порядке, как это предусмотрено в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ) [10], в законе не содержится,

что, на наш взгляд, является весомым недостатком. Наличие возражений является основанием для утверждения о том, что между сторонами имеется спор о праве, а значит удовлетворение требований посредством совершения исполнительной надписи как бесспорных требований невозможно.

Видится необходимым предусмотреть обязанность нотариуса уведомить должника о поступлении заявления от взыскателя о совершении исполнительной надписи. Предусмотреть аналогичные действующему законодательству сроки, установленные для приказного производства – 5 дней с момента поступления заявления к нотариусу. Если в течение 10 дней с момента получения от должника не поступят возражения, то нотариус совершает исполнительную надпись. Если же в течение указанного срока от должника поступят возражения, в том числе немотивированные, нотариус обязан отказать взыскателю в совершении исполнительной надписи и разъяснить право на обращение в арбитражный суд в порядке искового производства.

В качестве различий процедур можно назвать территориальную доступность – в случае совершения исполнительной надписи взыскатель может обратиться к любому нотариусу (ст. 40 Основ законодательства о нотариате, Письмо Федеральной нотариальной палаты от 10.10.2016 № И217/06-12 «Об ответах на отдельные вопросы, касающиеся совершения исполнительной надписи о взыскании задолженности» [11]), в отличие от заявления о выдаче судебного приказа, на которое распространяются нормы о подсудности (ч. 1 ст. 229.5 АПК РФ). В целях защиты прав должника разумным будет сохранить подход, представленный в АПК РФ для приказного производства, в рамках которого взыскателю следует обращаться с заявлением о совершении исполнительной надписи в соответствующий месту нахождения должника нотариальный округ.

В литературе нет сложившегося мнения по вопросу возможной передаче дел приказного производства в ведение нотариусов. Так, например, Е.А. Фокин указывает на отсутствие предпосылок и научных оснований для передачи приказного производства в деятельность нотариусов. К тому же, автор обращает внимание на увеличение в таком случае нагрузки на нотариусов [12]. Однако не можем согласиться с позицией автора по следующей причине.

Согласно пунктам 5–7 Приказа Минюста Российской Федерации от 26 ноября 2008 г. №275 «Об утверждении Порядка определения количества должностей нотариусов в нотариальном округе» [13] количество нотариусов в каждом нотариальном округе разрабатывается Управлением совместно с нотариальной палатой по инициативе органа государственной власти субъекта Российской Федерации либо по инициативе Управления или нотариальной палаты. При подготовке предложения учитывается численность населения, количество совершенных нотариальных действий, удаленность населенных пунктов друг от друга и транспортное сообщение между ними возможность самофинансирования нотариуса. Таким

образом, в случае увеличения нагрузки на нотариусов может быть принято решение об увеличении количества нотариусов в отдельном нотариальном округе. Учитывая организационные основы судебной и нотариальной системы, следует отметить, что увеличение количества нотариусов будет менее финансово затратным, нежели увеличение ставок судей и аппарата суда.

А. М. Коновалов указывает на наличие ряда проблем института исполнительной надписи, способных превратить его в инструмент различных злоупотреблений со стороны взыскателя, а потому требующих разрешения. В качестве проблемы автор выделяет также отсутствие у нотариуса обязанности удостовериться в законности предъявляемых к должнику требований и отсутствие у должника возможности подать возражения [14].

С учетом вышеизложенного, наличия достоинств и сходных положений совершения исполнительной надписи и приказного производства, представляется возможным передать дела приказного производства в категорию нотариальных действий путем реформирования института исполнительной надписи нотариуса. При этом процедура совершения исполнительной надписи в целях защиты прав должника должна соответствовать существующей модели вынесения судебного приказа. Как справедливо отмечает И. В. Решетникова, в рамках судопроизводства необходимо решать правовой спор, а не констатировать наличие бесспорных правоприязаний [15, с. 37].

Институт исполнительной надписи нотариуса отнюдь не является совершенным механизмом взыскания денежных средств. Для эффективного и рационального перераспределения полномочий правоприменителей, передаче дел приказного производства из судебной системы в нотариат, следует произвести существенные изменения. В частности, необходимо определить территориальную компетенцию совершения исполнительной надписи. В целях защиты прав должника следует установить возможность обращения взыскателя за совершением исполнительной надписи нотариуса по месту жительства должника или по месту нахождения истребимого имущества в соответствии с действующими нотариальными округами. Помимо прочего, следует предусмотреть отказ в совершении исполнительной надписи в случае поступления возражений от должника в течение 10 дней с момента поступления уведомления нотариуса о поступлении заявления от взыскателя о совершении исполнительной надписи. Вместе с вынесением отказа в совершении исполнительной надписи нотариусу надлежит разъяснить взыскателю право обращения с соответствующим исковым заявлением в арбитражный суд.

На основании вышеизложенного, представляется возможным, использование института исполнительной надписи нотариуса в качестве альтернативны приказному производству, однако в целях защиты прав должника от злоупотребления взыскателем своими правами следует предусмотреть надежный механизм оспаривания и отмены исполнительной надписи нотариуса, что, несомненно, влечет за собой необходимость реформирования существующих недостатков.

Литература

1. Судебный департамент: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 1 полугодие 2023 года // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7899> (дата обращения: 15.04.2024).
2. Судебный департамент: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2022 год // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7650> (дата обращения: 15.04.2024).
3. Федяев Д. А. Законодатель против снижения судебной нагрузки // Актуальные проблемы предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса: сб. науч. ст. (ежегодник) / отв. ред. В. Г. Голубцов, Д. Н. Латыпов; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2023. С. 163–170.
4. Предпринимательское право: учебник / В. В. Акинфиева, Е. В. Аристов, А. Б. Афанасьев [и др.]; под ред. В. Г. Голубцова. 2-е изд. М. : Статут, 2023. 482 с.
5. Ярков В. В. Исключительная подведомственность нотариусов в судебной практике Верховного Суда РФ // Нотариальный вестник. 2023. №8. С. 24–31/
6. Корсик К.А. Исполнительная надпись нотариуса как способ разрешения юридических конфликтов // Актуальные проблемы российского права. 2021. №11. С. 174-179.
7. Орлова А.И. Институт исполнительной надписи нотариуса как альтернатива приказному производству // Новеллы материального и процессуального права: Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Красноярск, 01.05.2020. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2020. С. 103–107.
8. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утверждено Верховным Судом Российской Федерации 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 10.07.2023) // Российская газета, 13.03.1993, №49.
9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федер. закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340.
10. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета, 27.07.2002, № 137.
11. Об отдельных вопросах, касающихся совершения исполнительной надписи о взыскании задолженности, в свете изменений, внесенных в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате Федеральным законом от 03.07.2016 № 360-ФЗ: Письмо ФНП от 08.11.2016 № 4135/03-16-3. Документ опубликован не был.
12. Фокин Е. А. О перспективах перераспределения судебной компетенции по делам приказного производства // Журнал российского права. 2023. №7. С. 47-60.
13. Об утверждении Порядка определения количества должностей нотариусов в нотариальном округе: Приказ Минюста Российской Федерации от 26.11.2008. №275 // Российская газета, 16.12.2008, №256.
14. Коновалов А. М. Исполнительная надпись нотариуса как инструмент для злоупотребления правом // Нотариус. 2021. №2. С. 3–5.
15. Решетникова И. В. Процессуально-правовые способы оптимизации судопроизводства. Судебное примирение // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2020. №1. С. 35–43.

Е. С. Грачев
Аспирант ПГНИУ
Научный руководитель: О. А. Кузнецова

ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ЦИФРОВЫЕ АКЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФИЛОСОФСКОГО АСПЕКТА ДЕНЕГ И СОБСТВЕННОСТИ

Автор, рассматривая финансовые инструменты и цифровые акции через призму философского аспекта денег и собственности, приходит к выводу, во-первых, деньги и собственность исследовались мыслителями на протяжении всего развития интеллектуальной мысли, во-вторых, финансовые инструменты и цифровые акции в идеалистическом понимании представляют ценность (свободу), а в материалистическом антиценность (несвободу).

Ключевые слова: финансовый инструмент, цифровая акция, ценность, антиценность, философский аспект.

E. S. Grachev
Postgraduate student, Perm State University
Supervisor: O. A. Kuznetsova

FINANCIAL INSTRUMENTS AND DIGITAL STOCKS THROUGH THE PRISM OF THE PHILOSOPHICAL ASPECT OF MONEY AND PROPERTY

The author, considering financial instruments and digital shares through the prism of the philosophical aspect of money and property, comes to the conclusion, firstly, money and property have been studied by thinkers throughout the development of intellectual thought, secondly, financial instruments and digital shares in the idealistic understanding represent value (freedom), and in the materialistic anti-value (non-freedom).

Keywords: financial instrument, digital stock, value, anti-value, philosophical aspect.

Деньги и собственность рассматриваются мыслителями в разные периоды развития человеческого интеллекта.

Так, вопросы денег и собственности освещаются в трудах некоторых мыслителей Античной преднауки. Например, Аристотель приходит к выводу, что собственность основывается на любви человека к самому себе [1, с. 188]. Иными словами, собственность является неотъемлемой частью природы самого человека, опираясь на естественную любовь человека к себе. Вместе с тем из рассуждений Аристотеля о детях, о рабах, о вещах, можно сделать вывод, что собственность – это власть и господство собственника над объектом присвоения.

Сильное влияние христианской религии определяет социокультурный аспект развития интеллектуальной мысли в период Средневековья. С точки зрения хри-

стианского вероисповедания Бог – это творец мира и является единственным собственником всего им созданного, человеку же имущество дается в качестве дара и находится у него в пользовании и управлении. А. Августин утверждает, что «корень всех зол» деньги и собственность [2, с. 18], которые способствуют проявлению в человеке аморального развития. Вместе с тем Ф. Аквинский, говоря о Божественном установлении собственности, замечает, что она является основой экономической жизни людей [3, с. 14]. Соответственно, в период средних веков подчеркивается важность собственности и денег, но в это же время они рассматриваются в качестве причин разногласий и вражды.

Начиная с эпохи Ренессанса, западноевропейские мыслители все более начинают обращать внимание на социально-экономическую проблематику, связанную с собственностью и деньгами. Так, Н. Макиавелли утверждает, что в природе человека стремиться к богатству, к увеличению своего имущества [4, с. 151].

Позднее, в период Нового времени, под воздействием идей эпохи Просвещения и естественного права собственность осознана мыслителями (Ж. Руссо, Дж. Локк, Т. Гоббс, Вольтер, Д. Юм и др.) как способ (механизм) согласования интересов человека, общества и государства. Так, Дж. Локк связывал возникновение собственности с трудом человека: «труд вначале давал право на собственность всякий раз, когда кому-либо было угодно применить его к тому» [5, с. 266], а собственность с общественным договором и в итоге с возникновением государства [5, с. 267]. Или Д. Юм, который исследует социально-этические вопросы и проблемы, связывает их с собственностью, и утверждает, что собственность – это отношения между людьми, человеком и обществом, субъектом и объектом [6, с. 360–366].

В объективно-идеалистической доктрине впервые комплексно и системно осмысление денег и собственности происходит Г. В. Ф. Гегелем (далее по тексту – Гегель).

По Гегелю, человек и его воля свободны [7, с. 82]. Смысл человеческой жизни в свободе и самоосвобождении. Чем свободнее личность, тем ближе она к идеалу, тем выше ее место в духовной жизни. «...свободная воля должна прежде всего дать себе наличное бытие, и первым чувственным материалом этого наличного бытия суть ... внешние предметы. Этот первый вид свободы есть тот, который мы узнаем как собственность...» [7, с. 94]. В таком случае, объективировавшись во внешнем мире, человек и его воля становятся ограниченными внешней средой (внешними предметами, материальными вещами), соответственно, становятся несвободными. Например, бремя содержания имущества и др. В тоже время деньги сохраняют собственность, но диалектически снимают материальность с помощью отчуждения от вещи, поэтому деньги идеализируют вещи (происходит возвышение над материальным), выступая всеобщей вещью. «Деньги служат представителем всех вещей, ... они ... управляются специфической ценностью, которую они в

качестве абстрактного только выражают» [7, с. 119–120]. Смысл денег в их всеобщности, ими хотят обладать все люди. В деньги любой субъект готов вложить свою волю, поскольку деньги выражают абстрактную ценность вещей. Деньги помогают личности в процессе освобождения.

Финансовые инструменты, как правило, абстрагируют другие объекты реального мира. Удостоверяя ценность объекта, выражают абстрактную, а не специфическую сторону ценности. Финансовые инструменты и цифровые акции сохраняют собственность, но снимают материальность объектов, поэтому идеализируют другие объекты, ценность которых они выражают. В этой связи человек не прикован «цепями» собственника к конкретному объекту, соответственно, освобожден от непосредственной охраны и заботы. Можно сказать, что с объективно-идеалистической позиции финансовые инструменты и цифровые акции, как и деньги, обладают всеобщностью, ими хотят обладать все субъекты, имеющие намерение сохранить или увеличить свой капитал. Таким образом, с позиции объективного идеализма финансовые инструменты и цифровые акции связаны со свободой человека. В контексте философского аспекта денег и собственности финансовые инструменты и цифровые акции суть свобода.

С позиций материализма в основе денег и собственности лежит труд человека, деньги содержат определенное количество труда и труд является первоначалом денег. К. Маркс указывает, что частная собственность – это результат отчужденной жизни человека [8, с. 589], продукт отчужденного труда и средство его отчуждения [8, с. 569]. Вместе с тем пишет, что частная собственность «не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса ...» [9, с. 27]. Эксплуатация стала «открытой, бесстыдной, прямой, черствой» [9, с. 28]. Соответственно, личность угнетена и эксплуатируема, следовательно, собственность, деньги и финансовые инструменты делают людей несвободными. С позиций материализма человек свободен, когда у него отсутствует частная собственность, поэтому ее упразднение является положительным явлением. Таким образом, финансовые инструменты и цифровые акции в материалистической интерпретации представляют несвободу – антиценность.

Подводя итог, заметим, во-первых, деньги и собственность являются предметом рассмотрения на всем протяжении развития интеллектуальной мысли, во-вторых, с позиции идеалистической доктрины финансовые инструменты и цифровые акции в контексте философского аспекта денег и собственности представляют ценность – свободу. В тоже время с позиции материалистической философии финансовые инструменты и цифровые акции являются антиценностью – несвободой.

Дальнейшее же исследование аксиологического аспекта финансовых инструментов и цифровых акций может быть связано с их более глубоким рассмотрением через идеалистическую и материалистическую философию, а также другие контексты: исторический и социокультурный.

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика. М.: Директ-Медиа, 2020. 222 с.
2. Августин А. О граде Божьем. Творение в 4 т. Т. 3. Кн. 1–13 / сост. и подгот. текста С. И. Еремеева. СПб.: Алетейя, 1998. 595 с.
3. Агапов И. И. История экономических учений: Курс лекций. М.: Юристъ, 2001. 285 с.
4. Макиавелли Н. Государь. Искусство войны. М.: Издательство АСТ, 2018. 448 с.
5. Локк Дж. Два трактата о правлении. М.: Социум, 2020. 496 с.
6. Юм Д. Сочинения: в 2 т. / пер. с англ. С. И. Церетели. Т. 1. М.: Мысль, 1996. 733 с.
7. Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. Экономическо-философские рукописи 1844 года. М.: Политиздат, 1956. 689 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М.: Политиздат, 1974. 63 с.

А. А. Гусейнова
Магистрант ПГНИУ
Научный руководитель: В.В. Акинфиева

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ПРАВЕ

Статья посвящена вопросу добросовестности участников обязательственных отношений при реализации своих прав. Рассматривается вопрос добросовестности на стадии переговоров, заключения договора, а также его непосредственного исполнения. Вопрос применения судами данного принципа, раскрывая тему широкого судебного усмотрения.

Ключевые слова: добросовестность, договор, переговоры, обязательства.

A. A. Guseynova
Master's student, Perm State University
Supervisor: V. V. Akinfieva

THE PRINCIPLE OF FAIRNESS IN THE LAW OF OBLIGATIONS

This article is devoted to the issue of good faith of participants in obligatory relations in the exercise of their rights. The issue of good faith is considered at the stage of negotiations, conclusion of an agreement, as well as its direct execution. The question of the application of this principle by courts, revealing the topic of broad judicial discretion.

Keywords: good faith, contract, negotiations, obligations.

Принцип добросовестности, как и многие другие принципы, закрепленные в статье 1 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) является фундаментом, основным началом гражданского законодательства, на котором строятся общественные отношения.

Из существующих на данный момент норм о добросовестности в обязательственных правоотношениях, мы не увидим конкретных, императивных правил поведения, а также интерпретации понятия добросовестности, что, с одной стороны, позволяет судам наполнять конкретные правоотношения в зависимости от ситуации и обстоятельств дела, более глубоко и полно изучая суть сложившихся обязательственных правоотношений, с другой стороны, у судов фактически нет никаких ориентиров, на которые следовало бы опираться для принятия законного решения [1].

Из-за неоднозначного изложения законодателем добросовестности суды допускают ошибки в применении данного принципа. Они ссылаются на него даже

тогда, когда в этом нет необходимости. Примером может послужить дело, в котором шла речь о применении нормы гражданского кодекса, связанной с существенным изменением обстоятельств. Суд, ошибочно полагая, что здесь явная недобросовестность контрагента, злоупотребление правом, сослался на принцип добросовестности, хотя он здесь был совершенно не к месту, так как судом не были в полной мере исследованы обстоятельства, которые имеют значение для дела [2].

Отсюда следует, что данный принцип используется судами не в том ключе, выполняя совершенно иную роль, чем предусмотрена законодателем изначально. Суды, не желая детально разбираться в деле и устанавливая все необходимые обстоятельства, приходят к самому простому решению - сослаться на нарушение принципа добросовестности и злоупотребление правом, что в последующем приводит к отмене судебного решения и пересмотру дела, а это, в свою очередь, к затягиванию дела.

Практика за годы применения положений о добросовестности выработала критерии, по которым можно сделать выводы о добросовестном или недобросовестном поведении участников гражданских правоотношений. В качестве примера установления таких критериев можно привести дело арбитражного суда Алтайского края, где истец заявляет требования о взыскании суммы задолженности по договору энергоснабжения. Суд особое внимание уделил поведению ответчика при рассмотрении дела, сославшись на то, что его поведение очень двойственно, не соответствует обычной коммерческой честности, а такое поведение нельзя спускать с рук. В качестве доказательств суд предоставил следующие объяснения: ответчик при том, что совершил частичную оплату по договору заявил, что сам договор энергоснабжения не существует вовсе и, следовательно, никакого долга и нет, также вводил в заблуждение истца относительно своих намерений по договору. Конечно, исходя из таких данных, иск был удовлетворен в полном объеме [3].

Несомненно, каждый случай индивидуален и, прежде чем делать громкие выводы о нарушении принципа добросовестности следует понять - заведомо ли лицо недобросовестно реализовывало свое субъективное право? Это также можно выделить как отдельное требование, предъявляемое к участникам гражданских правоотношений.

В обязательственном праве принцип добросовестности находит свое отражение в пункте 3 статьи 307 ГК РФ, где говорится, что стороны, как в момент установления и исполнения обязательства, а также после прекращения обязаны действовать добросовестно. Не всегда данное положение распространялось на отношения между сторонами после прекращения обязательства, такое дополнение было внесено законодателем в 2015 году, что оказало влияние на применение судами нормы о добросовестности в обязательствах [4, с. 31].

При изучении судебной практики стало ясно, что суды формально ссылаются на данную норму, не уточняя специфику для конкретных правоотношений, а также применяют ее без необходимости.

В качестве примера может послужить постановление Арбитражного суда Московского округа, в котором суд пришел к выводу о наличии в действиях ответчика незаконность действий, которые заключались в уклонении от государственной регистрации перехода права собственности на нежилое помещение. В мотивировочной части постановления указаны ссылки на статьи 309 и 551 ГК РФ соответственно, но также почему-то в дополнение идет оценка действий ответчика на предмет добросовестности, хотя сам факт незаконности действий сам по себе уже является основанием для констатации нарушения обязательства стороной сделки [5].

Установлению обязательственных правоотношений предшествуют переговоры о заключении договора. Предполагается, пока не установлено иное, что участники действуют добросовестно. Также безосновательный выход из переговоров не подтверждает недобросовестность соответствующей стороны, исходя из этого, на истца ложится ответственность по доказыванию недобросовестных намерений ответчика с целью причинения вреда. Однако, если имеются основания, предусмотренные пунктом 2 статьи 434.1 ГК РФ, то бремя доказывания добросовестности своих действий ложится на плечи ответчика, так как, согласно данной норме, недобросовестность предполагается изначально [6].

Примером может послужить определение судебной коллегии Верховного суда, которая отменила все ранее принятые судебные решения и отправила дело на новое рассмотрение в связи с незаконностью и необоснованностью. Гражданин обратился с иском к Обществу о взыскании убытков, в связи с недобросовестным поведением последнего при ведении переговоров о заключении договора.

Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций отказали в удовлетворении иска, ссылаясь на то, что на истца ложится бремя доказывания недобросовестного поведения ответчика, а также причинно-следственной связи между поведением ответчика и возникшими убытками, и, оценив показания свидетелей и доводы истца, пришли к выводу, что истец не доказал недобросовестность действий и наличие причинно-следственной связи.

Судебная коллегия считает, что суды не учли того, что недобросовестным является поведение стороны, если она вступает в переговоры или продолжает их, заведомо зная, что договор не будет заключен ни при каких условиях, по крайней мере, с этим контрагентом. Исходя из этого следует установить, когда именно у ответчика пропал интерес в заключении сделки, изначально ли он не имел намерения на это или принял такое решение впоследствии, не сообщив об этом другой стороне и продолжая создавать видимость заинтересованности в заключении договора с этим контрагентом. То есть, когда намерение ответчика стало притворным? [7]

Противоположным решением может послужить Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда. Общество 1 обратилось с иском к Обществу 2 о взыскании убытков, причиненных в результате недобросовестных действий при проведении переговоров, в размере 8 000 000 рублей, так как истцом был заключен договор купли-продажи объекта нежилого назначения в будущем с третьим лицом.

Суды пришли к выводу, что иск не подлежит удовлетворению, ссылаясь на принцип свободы договора и недопущения понуждения к заключению договора. Также указали на то, что добросовестность при проведении переговоров предполагается, а недобросовестным является поведение лица, при котором он вступает или продолжает переговоры, но у него уже нет намерения заключить договор с этим контрагентом, и, соответственно, подлежит установлению момент утраты намерения. Данные обстоятельства не были подтверждены в суде, следовательно, действия ответчика не являются недобросовестными. Заключение договора купли-продажи объекта нежилого назначения в будущем с третьим лицом в отсутствие предварительного договора с собственником имущества было преждевременным, что не является виной ответчика [8].

Таким образом, мы можем сказать, что принцип добросовестности сопровождает обязательственные правоотношения в течение довольно длительного пути, который начинается с переговоров и не заканчивается даже после окончания договорных отношений, он как бы выступает гарантом сделки. Суды, конечно, трактуют по-разному положение, зафиксированное в пункте 3 статьи 307 ГК РФ, так как нет возможности закрепления единых критериев для однообразного применения, исходя из фундаментального характера нормы.

Литература

1. Шелепина Е. А. Принцип добросовестности в гражданском праве: особенности применения в суде и правовые последствия // Образование и право. 2020. № 11. С. 112–116.
2. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08.02.2022 № 5-КГ21-175-К2 по делу № А40-83845/2015 Доступ из правовой системы «ГАРАНТ».
3. Постановление Арбитражного суда Алтайского края от 01.02.2021 по делу № А03-16058/2020. Доступ из правовой системы «ГАРАНТ».
4. Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А. Г. Карапетова. М.: М-Логос, 2017. 1120 с.
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.09.2021 № Ф05-20300/21 по делу № А40-86948/2020. Доступ из правовой системы «ГАРАНТ».
6. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, № 10, октябрь 2020 г. Доступ из системы «ГАРАНТ».
7. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.01.2020 № 305-ЭС19-19395 по делу № А40-98757/2018. Доступ из правовой системы «ГАРАНТ».
8. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 17.11.2021 № 03АП-5928/21 по делу № А33-11002/2021. Доступ из правовой системы «ГАРАНТ».

М. В. Гуцин

Студент Волго-Вятского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Киров)
Научный руководитель: А. А. Арзамазов

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ПРОБЛЕМ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СТАТЬИ 178 УК РФ «ОГРАНИЧЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ»

Рассматриваются вопросы применения 178 статьи Уголовного кодекса Российской Федерации. Автором приводится статистика, а также судебная практика. Выявляются существующие проблемы, существующие с данной нормой, а также формулируются предложения для совершенствования законодательства.

Ключевые слова: статья, статистика, практика, проблемы, уголовная ответственность, ущерб, доход.

M. V. Gushchin

Student, Volga-Vyatka Institute (branch) O. E. Kutafin University (MGUA) (Kirov)
Supervisor: A. A. Arzamazov

ON THE ISSUE OF PROBLEMS ARISING IN THE APPLICATION OF ARTICLE 178 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION "RESTRICTION OF COMPETITION"

This article discusses the application of Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author provides statistics, as well as judicial practice. The existing problems applied with this norm are identified, as well as proposals for improving legislation are formulated.

Keywords: article, statistics, practice, problems, criminal liability, damage, income.

Проблема ограничения конкуренции является серьезным вызовом для экономического развития и здорового функционирования рыночной среды. Ограничение конкуренции может привести к формированию монополий или олигополий, что в свою очередь сдерживает инновации, замедляет рост производства, уменьшает качество товаров и услуг, а также повышает цены для потребителей. Этот процесс может быть вызван различными факторами, такими как сговоры между компаниями, злоупотребление доминирующим положением на рынке, недостаточная регулировка и пр.

Одним из решений такой проблемы является уголовная ответственность. Так, существует 178 статья УК РФ, однако она остается малоиспользуемой по разным причинам, среди которых следует выделить:

1. Малопонятные формулировки, касающиеся собственно состава преступления. Неоднозначность и нечеткость нормативных терминов могут создавать проблемы при интерпретации закона как судебными органами, так и участниками рыночных отношений.

2. Отсутствие реальных механизмов выявления и доказывания противоправных действий, охватываемых этой статьей. Недостаток эффективных инструментов для выявления нарушений и собирания улик может затруднять проведение расследований и доказывание вины подозреваемых.

Все это можно увидеть на статистике. Так, по части 1 этой статьи за 2023 год было привлечено к ответственности всего лишь трое нарушителей, по части 2 десять преступников, а по части 3 – ноль [1].

Начиная с 2015 года в редакции, касающейся объективной стороны правонарушений, ограничение конкуренции путем заключения между хозяйствующими субъектами-конкурентами соглашения (картеля), которое препятствует конкуренции и является незаконным согласно законодательству Российской Федерации, подлежит квалификации как противоправное деяние. Это касается ситуаций, когда такие действия приводят либо к крупному ущербу для граждан, организаций и государства, либо к извлечению дохода в крупном размере.

Следовательно, уголовная ответственность по части 1 статьи 178 УК РФ распространяется только на случаи существования картелей, включая те, которые могут быть заключены во время проведения закупок. За иные противоправные действия, приводящие к ограничению конкуренции на товарных рынках и имеющие негативные последствия, предусмотрена административная ответственность (ст. 14.31–14.33 КоАП РФ).

Части 2 и 3 упомянутой статьи предусматривают обстоятельства, усиливающие ответственность, включая:

- использование служебного положения;
- сопряжение деяний с уничтожением или повреждением чужого имущества или угрозой его уничтожения или повреждения (в случае отсутствия признаков вымогательства);
- причинение особо крупного ущерба или извлечение особо крупного дохода.

В части 3 предусмотрено совершение деяния с применением насилия или угрозой его применения.

Изучение практики применения статьи 178 УК РФ на основе материалов ФАС России показало, что начиная с 2015 года данная статья стала применяться в случаях противоправных действий, таких как сговоры участников закупок. Этот факт свидетельствует о том, что правоприменители осознают характер и степень общественной опасности таких действий, направленных на ограничение конкуренции на рынках товаров, в том числе и в процессе закупочных процедур. Таким

образом, усовершенствование положений статьи 178 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за сговоры между хозяйствующими субъектами-конкурентами, создало реальное препятствие для сговоров на торгах и способствовало формированию конкурентной среды в сфере закупок. В итоге это привело к повышению эффективности государственных и муниципальных закупок [2].

Прежде всего, стоит отметить, что среди множества различных видов хозяйственных соглашений, которые могут привести к ограничению конкуренции на рынке, законодатель выбрал только один – картель. В соответствии с частью 1 статьи 11 Федерального закона «О защите конкуренции» [3], картелем признаются соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами, то есть между компаниями, предоставляющими товары на одном рынке, или между теми, кто приобретает товары на одном рынке, если такие соглашения имеют или могут иметь следующие последствия: 1) установление или поддержание цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок; 2) повышение, снижение или поддержание цен на торгах; 3) раздел товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков); 4) сокращение или прекращение производства товаров; 5) отказ от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками).

Таким образом, законодательство определяет картель посредством описания конкретных последствий таких соглашений, которые ограничивают конкуренцию между хозяйствующими субъектами.

Кроме того, здесь стоит остановиться на проблеме определения ущерба, названного в части 1 статьи 178 УК РФ. Установление количественных параметров ущерба для участников товарного рынка представляется весьма сложным процессом. Во-первых, коммерческие организации, не вовлеченные в картельные соглашения, часто успешно приспосабливаются к изменениям на рынке и правилам, а иногда даже соглашаются с условиями картелей. Даже если эти организации понесли убытки, они могут иметь временный характер. Во-вторых, продолжительность существования картеля определяется постоянными изменениями экономических и нормативных параметров конкуренции, что усложняет оценку ущерба. Когда речь заходит о размере ущерба для государства, часто такой вред остается абстрактным – это негативные последствия для экономики и конкуренции, снижение производства, дисбаланс в отраслях, монополизация товарных секторов и так далее. По этим причинам признаки, определяющие размеры ущерба от ограничения конкуренции, редко используются или вовсе не применяются, хотя создают иллюзию защиты интересов граждан, организаций и государства.

Более того, данный криминообразующий признак практически не используется судами. Здесь стоит привести пример из практики. Приговор, вынесенный

Октябрьским районным судом г. Ижевска 06.04.2021 в отношении двух лиц, обвиняемых по статье 178 УК, был позднее отменен Верховным Судом Удмуртской Республики. Это произошло, в том числе, потому что суд первой инстанции «не привел доказательства, подтверждающие, что обществом предприняты необходимые меры для получения дохода, сделаны для этой цели необходимые приготовления, что заключение договора с ООО «А.» стало единственным препятствием, свидетельствующим о невозможности получения дохода, на который общество рассчитывало». Судом не было установлено, что потерпевшему лицу был причинен крупный ущерб действиями подсудимых. Это подчеркивает сложность в доказывании данного аспекта [4].

При расследовании уголовных дел по статье 178 УК РФ гораздо чаще подозреваемым вменяется второй криминальный признак: извлечение дохода в крупном размере. Это вызывает проблему, характерную для многих «экономических» составов: определение дохода согласно статье 178 УК РФ. 19.04.2023 Конституционный Суд РФ вынес Постановление № 19-П «По делу о проверке конституционности части первой и пункта “в” части второй статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шатило». В этом постановлении Конституционный Суд касательно определения размера извлеченного дохода указал, что «доходом, извлечение которого в крупном или особо крупном размере служит одним из условий (признаков) для привлечения к уголовной ответственности, применительно к заключению ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля) с целью повышения, снижения или поддержания цен на торгах является цена контракта, заключаемого по результатам таких торгов, без ее уменьшения на размер каких-либо расходов» [5].

В настоящее время суды придерживаются этого подхода, который заключается в следующем: при определении размера дохода суд учитывает совокупный доход всех участников картельного соглашения. Например, если три компании участвовали в картельном соглашении, и каждая из них заключила по одному контракту на 200 миллионов рублей, общая сумма контрактов, заключенных в рамках этого соглашения, составит 600 миллионов рублей. Следовательно, каждому участнику картельного сговора будет вменяться получение дохода в особо крупном размере (свыше 395 миллионов рублей) согласно пункту «в» части 2 статьи 178 УК РФ, даже если фактически каждая компания заработала только 200 миллионов рублей [6].

Здесь стоит отметить, что в 2024 году в данную статью, в примечании, внеслись изменения Федеральным законом от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Так, теперь суммы дохода в крупном (особо

крупном) размере и крупный (особо крупный) размер возросли. Доходом в крупном размере в настоящей статье признается доход, сумма которого превышает восемьдесят миллионов рублей, а доходом в особо крупном размере – триста девяносто пять миллионов рублей. Крупным ущербом в настоящей статье признается ущерб, сумма которого превышает шестнадцать миллионов рублей, а особо крупным ущербом – сорок семь миллионов пятьсот тысяч рублей.

Данное решение продиктовано, прежде всего, «ростом инфляции в Российской Федерации за последние годы.» Так, в течение длительного времени не проводилась индексация размера ущерба и размера преступной деятельности (включая доход), что позволяет квалифицировать деяние в сфере экономической деятельности как совершенное в крупном или особо крупном размере.

Все это привело к тому, что степень общественной опасности преступления в 2024 году значительно снизилась по сравнению с тем же преступлением, совершенным в 2015 году, когда проводилась последняя индексация, а наказание осталось прежним.

При этом в статье 6 Уголовного кодекса Российской Федерации [7] утверждается принцип справедливости наказания, который предписывает, чтобы наказание и другие уголовно-правовые меры, применяемые к лицу, совершившему преступление, соответствовали характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

В связи с этим, было принято решение об индексации размера ущерба и дохода от преступной деятельности [8].

Также есть основания полагать, что определенные характеристики, такие как «деяние, сопряженное с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой его уничтожения или повреждения», или «с применением насилия или с угрозой его применения», являются избыточными. Такие действия не являются характерными для ограничения конкуренции. Процесс монополизации в основном осуществляется через экономические мероприятия (например, ценовой демпинг, экономическое слияние и поглощение и т. д.), а не через физическое насилие. Административное воздействие на конкурентов реже встречается [9].

Кроме того, рассматривая данную статью, нельзя не отметить еще одно примечание, в соответствии с которым лицо, совершившее преступление, освобождается от уголовной ответственности, если оно первым из числа соучастников преступления добровольно сообщило об этом преступлении, активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию, возместило причиненный этим преступлением ущерб или иным образом загладило причиненный вред и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Значение данного института, как отмечают А. П. Тенишева и А. А. Филимонова, состоит в том, что он позволяет антимонопольным органам своевременно

раскрывать и доказывать соответствующие преступления, которые характеризуются высокой латентностью, а также это создает возможность для нарушителя самостоятельно, по собственной инициативе прекратить противоправную деятельность без наступления негативных последствий [10, с. 36].

В заключение хочется сказать, что редкое применение данной нормы обусловлено ее конечным значением в качестве предохранителя. В данном случае норма направлена на восстановление положение на товарном рынке, и, не носит карательный характер, что показывает особый статус данной статьи. Однако, она имеет некоторые проблемы, основные из которых заключаются в том, что статья практически не применяется, а также что некоторые положения данной статьи непонятны, неконкретизированы, есть пробелы в применении данных норм.

Литература

1. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК. URL: <https://stat.xn---7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 04.05.2024).
2. Возбуждено дело по «тарану» на торгах за 13-миллионный контракт на установку дорожных знаков. URL: <http://pravo.ru/news/view/103974/> (дата обращения: 03.05.2024).
3. О защите конкуренции: Федер. закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (принят Государственной Думой 08.07.2006; одобрен Советом Федерации 14.07.2006). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Решение Октябрьского районного суда г. Ижевска от 29.03.2022 по делу 18RS0003-01-2018-000035-96 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
5. По делу о проверке конституционности части первой и пункта «в» части второй статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шатило: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2023 № 19-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
6. Конституционный суд РФ разъяснил, что следует понимать под доходом в статье 178 УК РФ. URL: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/alerts/konstitutsionnyy-sud-rf-razyasnil-chto-sleduet-ponimat-pod-dokhodom-v-state-178-uk-rf/> (дата обращения: 02.05.2024).
7. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/327269-8#bh_note (дата обращения: 02.05.2024).
8. Смирнов Р. Ю., Лопаткин П. Е. Ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ): технико-юридические аспекты конструирования и применения нормы // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2021. № 10. С. 28–37.
9. Тенишев А. П., Филимонов А. П. От смертной казни к оборотным штрафам: наказание за картель // Юрист. 2015. № 17. С. 32–36.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации (принят Государственной Думой 24.05.1996; одобрен Советом Федерации 05.06.1996) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ПРИ РАЗДЕЛЕ ИМУЩЕСТВА В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА ОДНОГО ИЗ СУПРУГОВ

В статье анализируется практика применения принципа добросовестности при разделе общего имущества супругов в рамках прохождения процедуры банкротства одним из них, последствия для кредиторов при недобросовестном прохождении процедуры банкротства гражданами. В статье также определяется значимость добросовестного поведения супругов в целях достижения справедливого раздела имущества.

Ключевые слова: принцип добросовестности, кредитор, соглашение о разделе имущества супругов.

E. I. Dracheva
Student, Perm State University

APPLICATION OF THE PRINCIPLE OF FAIRNESS IN THE DIVISION OF PROPERTY IN THE BANKRUPTCY PROCEDURE OF ONE OF THE SPOUSES

The article analyzes the practice of applying the principle of good faith in the division of the common property of spouses within the framework of bankruptcy proceedings by one of them, the consequences for creditors in case of unfair bankruptcy proceedings by citizens. The article also defines the importance of conscientious behavior of spouses in order to achieve a fair division of property.

Keywords: the principle of good faith, creditor, separation agreement.

Рассматривая Гражданский кодекс РФ [1] и гражданские правоотношения, понятие «добросовестность» можно охарактеризовать как принцип, согласно которому гражданин проявляет честность, порядочность и выполняет обязательства перед другими участниками правовых отношений. Этот принцип является основой для поддержания доверия и стабильности гражданского общества. Добросовестность означает уважение прав других лиц, а также соблюдение законов, соглашений и обязательств. Также существует презумпция добросовестности, согласно которой действия любого гражданина в правоотношениях являются добросовестными, пока установленным органом надлежащим образом не будет показано обратное [2].

А. А. Волос [3] выделяет добросовестность как родовой принцип, формирующий приемы и средства правового регулирования путем применения «оценочных» категорий. Е. В. Богданов [4], Е. Г. Комиссарова [5], О. А. Кузнецова [6],

Л. В. Щенникова [7] и В. Ф. Яковлев [8] подчеркивают, что принцип добросовестности выступает в качестве регулятора правовых отношений. Он призван обеспечить доверие между субъектами права и уверенность граждан в том, что каждый честно соблюдает законы и обязательства перед государством. Также принцип добросовестности по мнению данных авторов способствует поддержанию стабильности гражданского общества. Особенно это актуально в контексте семейного и гражданского права, где добросовестное поведение супругов во время процедуры банкротства одного из них становится залогом справедливого и законного раздела совместно нажитого имущества [9].

В пункте 2 статьи 10 ГК РФ установлено правило о применении способов защиты гражданских прав в случаях их заведомо недобросовестного осуществления: суд «с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом».

Правила о добросовестности содержатся в норме статьи 35 СК РФ [10], о совершении супругами сделок по распоряжению общим имуществом.

Добросовестность является базовым критерием при решении вопроса об освобождении от долгов в рамках процедуры банкротства, об оспаривании соглашения о разделе общего имущества супругов. В настоящее время достаточно частая практика, когда должники пытаются скрыть имущество, произвести его отчуждение близким родственникам за минимальную стоимость.

Еще дореволюционный цивилист Г. Ф. Шершеневич обращал внимание на то, что «должник прибегает к содействию своих родных и близких лиц и при их помощи пытается сохранить для себя остатки крушения. Путем различных фиктивных сделок с этими лицами он старается дать им право на значительную часть своего имущества: или переукреплением на них, или допущением их в число своих кредиторов».

Уместность приведения цитаты Г. Ф. Шершеневича обусловлена актуальностью проблематики злоупотребления правами в современной правовой практике. Поразительно, что еще на рубеже XIX–XX веков были выявлены и описаны механизмы недобросовестного поведения.

В условиях участвовавших случаев банкротства, когда должники, стремясь избежать ответственности перед кредиторами, используют различные способы сокрытия или переоформления имущества, важно подчеркнуть значимость принципа добросовестности.

С 1 октября 2015 г. в России введены нормы о потребительском банкротстве. Федресурсом было зарегистрировано увеличение случаев признания гражданина банкротом и введения процедуры реализации имущества: в 2015 г. – 870; 2016 г. – 19574; 2017 г. – 29827; 2018 г. – 43984; 2019 г. – 68980; 2020 г. – 119045; 2021 г. –

192846; с января – февраль 2023 г. возросло до 249900 обращений. За период с октября 2015 г. по сентябрь 2023 г. банкротами было признано более миллиона граждан, а именно 1,003 млн.

В соответствии с пунктом 7 статьи 213.26 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» имущество гражданина, принадлежащее ему на праве общей собственности с супругом, подлежит реализации в деле о банкротстве, а часть вырученных средств, соответствующая доле супруга в таком имуществе, возвращается супругу должника.

В Постановлении Пленума ВС РФ от 25.12.2018 №48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» обращено внимание на необходимость добросовестного исполнения супругами обязательства перед кредиторами согласно условиям состоявшегося распределения общих долгов. Супруги не ограничены в возможности раздела совместно нажитого имущества и свободны в выборе стадии бракоразводного процесса для заключения соглашения о разделе общего имущества, нажитого в период брака, не нарушая при этом принципа равенства.

Так определением Арбитражного суда Свердловской области, к производству суда было принято заявление публичного акционерного общества «Татфондбанк» о признании Удовикина Андрея Александровича несостоятельным (банкротом). Заявление признано обоснованным, Удовикин Андрей Александрович признан несостоятельным (банкротом). Финансовым управляющим утвержден Кочетов Алексей Валентинович.

Далее в Арбитражный суд Свердловской области от финансового управляющего Кочетова А. В. поступило заявление, в котором просит: признать недействительным (на основании ст. 35 Семейного кодекса РФ, ст. 10, 168 ГК РФ, п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве) решение единственного учредителя ООО «Реформа» Удовикиной Ириной Викторовной (супруга должника) об увеличении уставного капитала ООО «Реформа» (до 160 000 руб. за счет вклада Касьяновой Алисы Александровны в размере 150 000 руб. и о перераспределении долей участия между участниками (Удовикиной Ириной Викторовной в размере 6 % номинальной стоимостью 10 000 руб. и Касьяновой Алисой Александровной в размере 94 % номинальной стоимостью 150 000 руб.). Суды отметили, что такие действия, совершенные во время развода, свидетельствуют о намерениях Удовикиной И. В. сохранить большую часть доли участия в уставном капитале общества и не допустить ее раздела с банкротом-супругом Удовикиным А.А. Кроме того, суды пришли к выводу, что увеличение уставного капитала и перераспределение долей произошли без объективной необходимости и экономической целесообразности.

Решение суда базируется на оценке собранных в процессе доводов, оснований, аргументации доказательств. Судом учитываются денежные средства, потраченные на нужды семьи, сделки супругов по отчуждению имущества, заключение ими брачного договора.

Суд первой инстанции правомерно пришел к выводу о доказанности наличия вреда имущественным правам кредиторов и удовлетворил заявление финансового управляющего Кочетова Алексея Валентиновича о признании сделки супруги должника Удовикиной Ирины Викторовны с Касьяновой Алисой Александровной недействительной на основании пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве.

Оценка этих обстоятельств позволяет сделать вывод о наличии намерения злоупотребления правом у гражданки Удовикиной И. В.

Если супругами обращение в суд о разделе имущества в процедуре банкротства одного из них преследует цель причинения вреда имущественным правам кредиторов, то весь спор о разделе общего имущества может быть квалифицирован как действие в обход закона и злоупотребление правом (п. 1 ст. 10 ГК РФ).

Соккрытие финансовых обязательств как указывает ВС РФ в Постановлении Пленума от 23.06.2015 № 25 нарушает принцип добросовестности.

В России по данным Федеральной нотариальной палаты в 2020 г. выданных свидетельств о праве собственности на долю в общем имуществе супругов составило 314403, в 2021 г. превысило 40 % – 518578, 2022 г. – 580706.

Статистика Банка России отражает информацию о задолженности по кредитам, представленных физическим лицам-резидентам на январь 2024 г. 33 400 495 млн руб. в том числе просроченная 1 146 701 млн руб. Приведенные статистические данные свидетельствуют о наличии серьезной экономической проблемы, затрагивающей права и интересы миллионов граждан.

Принцип добросовестности является ключевым в гражданском праве. Он выступает в качестве гаранта доступа граждан к своим законным правам. Нарушение супругами границ закона и обязательств перед кредиторами, например в случае сговора, является проявлением недобросовестного поведения. Честное и справедливое разделение общего имущества супругов в преддверии или на стадии банкротства одного из них обеспечивает прозрачные и добросовестные отношения с кредиторами.

Принцип добросовестности в контексте гражданского права также предполагает, что стороны должны действовать честно, добросовестно и беспристрастно при заключении и исполнении договоров, а также в других правоотношениях. Этот принцип направлен на защиту интересов участников гражданских правоотношений и обеспечение справедливости и равноправия между ними.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 2007. С. 5708.
3. Волос А. А. Трансформация теории принципов гражданского права в современных условиях цифровизации общества. М., 2024. С. 56.
4. Богданов Е. В. Гуманизм как принцип российского гражданского права в условиях новых технологических вызовов // Журнал российского права. 2022. № 9. С. 70–87.
5. Комиссарова Е. Г. Принципы гражданского права и законодательства в культуре судебного правоприменения // Современное право. 2023. №1. С. 16–21.
6. Комиссарова Е. Г., Кузнецова О. А. Требования добросовестности, разумности и справедливости как гражданско-правовые аксиомы // Ex iure. 2023. № 3. С. 84–98.
7. Щенникова Л. В. Добросовестность как требование, обращенное к участникам гражданского оборота, и создание эффективных механизмов, обеспечивающих его исполнение // Законодательство. 2020. № 9. С. 31–36.
8. Яковлев В. Ф. Проблемы частного права в современных условиях // Журнал российского права. 2016. №1(229). С. 5–9.
9. Глебовский Я. А. Содержание принципа добросовестности в семейном праве // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2024. № 6. С. 76–88.
10. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Шершеневич Г. Ф. Конкурсный процесс. М., 2000. С. 265.
12. Федресурс: офиц. сайт]. URL: <https://fedresurs.ru/news/92363488-025e-4d4f-b79e-e0e922258d9b> (дата обращения 29.02.2024)
13. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.01.2022 № Ф09-10620/21.
14. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 5.05.2022 № Ф09-7324/21.
15. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.12.2021 № Ф09-8796/21.
16. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.03.2020 № Ф09-8796/21.
17. Глебовский Я. А. Добросовестность в судебной практике по имущественным семейным спорам // Экономика. Право. Общество. 2023. Т. 7, № 4. С. 59–65.
18. Кудрявцева Л. В., Царева Е. Д. Правовые аспекты реализации имущества супругов при банкротстве // Право и практика. 2023. № 4. С. 204–208.
19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
20. Министерство юстиции Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://minjust.gov.ru> (дата обращения 29.02.2024).
21. Центральный банк Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/sors/ (дата обращения 29.02.2024).

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВВЕДЕНИЯ ДОГОВОРА СОЦИАЛЬНОГО БАНКОВСКОГО ВКЛАДА И СОЦИАЛЬНОГО БАНКОВСКОГО СЧЕТА

В статье рассматриваются предложенные в законопроекте № 367060-8 правовые конструкции договора социального банковского вклада и социального банковского счета. В рамках исследования обозначаются ключевые отличительные особенности данных конструкций, анализируются существующие на сегодняшний день оценки этих конструкций в научной литературе. Автор делает выводы о нецелесообразности реформирования действующего законодательства.

Ключевые слова: банковский вклад, банковский счет, социальный вклад, социальный счет, законопроект, целесообразность.

K. V. Dyatlov
Student, Perm State University

ON THE EXPEDIENCY OF INTRODUCING A SOCIAL BANK DEPOSIT AGREEMENT AND A SOCIAL BANK ACCOUNT

In this article the author examines the legal constructions of the social bank deposit agreement and social bank account proposed in Draft Law No. 367060-8. Within the framework of the study, the key distinctive features of these structures are identified, and the existing assessments of these structures in the scientific literature are analyzed. The author draws conclusions about the inexpediency of reforming the current legislation.

Keywords: bank deposit, bank account, social contribution, social account, bill, expediency.

В Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект № 367060-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О банках и банковской деятельности”» [1]. Данный законопроект предусматривает создание правовой конструкции договора социального банковского вклада и социального банковского счета.

Специфика договора социального банковского вклада заключается в нескольких аспектах. Во-первых, такой договор заключается с гражданином, который является получателем мер социальной поддержки. Соответственно, такой договор не может быть заключен в пользу третьего лица. Во-вторых, максимальный размер денежных средств, который может быть размещен на счет по договору социального банковского вклада, не может быть больше 50 000 рублей. В-третьих, размер процентной ставки составляет на один процентный пункт выше, чем ключевая ставка Центрального банка России. В-четвертых, договор является срочным и заключается на срок не больше года с возможностью его пролонгации. Возмож-

ность пролонгации связана с необходимостью направлять запросы в реестр в целях подтверждения информации о том, что гражданин до сих пор остается получателем мер социальной поддержки.

Как и договор социального банковского вклада, договор социального банковского счета заключается в электронной форме в соответствии с положениями законопроекта. Гражданин не вправе иметь более одного социального банковского счета. Договор социального банковского счета предусматривает более выгодный вариант обслуживания: кредитная организация не может взимать плату за открытие и обслуживание такого счета, а также за проведение операций по счету в размере не более 15 000 рублей в течение календарного месяца. Кредитная организация при этом вправе ежегодно проверять информацию о том, соответствует ли гражданин требованиям к контрагенту, с которым заключается соответствующий договор. В случае обнаружения несоответствия кредитная организация вправе изменить условия договора на общие условия договора банковского счета.

В научной литературе встречаются положительные оценки предложенных конструкций договора социального банковского вклада и социального банковского счета. Например, М. Ю. Катвицкая отмечает, что подобное нововведение положительно скажется на интересах граждан Российской Федерации, а также на интересах кредитных организаций [2]. В свою очередь, К. Дементьева подчеркивает, что реформирование действующего законодательства будет способствовать привлечению новых клиентов в кредитные организации, а также поможет повысить уровень жизни граждан [3].

На наш взгляд, предложенные конструкции нельзя оценить отрицательно, поскольку они не заключают в себе какого-либо негативного влияния на правовые отношения. Между тем, эти конструкции представляются нецелесообразными, искусственными и недоработанными правовыми образованиями.

Во-первых, преимущество договора социального вклада заключается в том, что процент выплат по нему устанавливается на один больше, чем предусмотрено ключевой ставкой Центрального банка Российской Федерации. Проиллюстрируем данный процесс на примере. На сегодняшний день ключевая ставка установлена в размере 16% [4]. Соответственно, по договору социального банковского вклада эта ставка бы равнялась 17%. Предположим, что гражданин внес во вклад 50 000 рублей. Данную сумму необходимо умножить на процентную ставку. В результате получаем сумму в размере 8 500 рублей. Если мы разделим эту сумму на 12 месяцев, то гражданин в месяц будет получать примерно по 708 рублей.

Кроме того, необходимо отметить, что выплата процентов осуществляется на счет, отличный от счета, на котором размещены денежные средства по договору банковского вклада, что свидетельствует о том, что капитализация процентов не допускается.

Представляется, что такая сумма существенным образом не повлияет на качество жизни гражданина, который получает меры социальной поддержки. Стоит

отметить, что в данном примере была взята максимальная сумма, которую можно разместить во вкладе. Если бы гражданин, например, разместил во вкладе денежную сумму в 25 000 рублей, то он бы получал по 354 рубля в месяц.

Во-вторых, в качестве контраргумента к тезису о необходимости введения конструкции договора социального банковского вклада и социального банковского счета следует указать на востребованность таких конструкций. Справедливым будет вопрос о том, насколько будет пользоваться спросом размещение денежных средств во вкладе теми гражданами, которые сами нуждаются в мерах социальной поддержки? Такие граждане тратят большие суммы на лекарства, продукты, коммунальные платежи, средства ухода и т.д.

В-третьих, необходимость постоянной пролонгации этого договора. В этом плане общая конструкция договора банковского вклада, несомненно, выигрывает, поскольку в соответствующих предписаниях предусмотрена возможность заключения договора банковского вклада до востребования. Будет ли обоснованной трата временных, организационных ресурсов на то, чтобы совершить операции по продлению договора, учитывая получение в качестве процентов 708 рублей в месяц?

В-четвертых, на первый взгляд, кажется, что регламентация договора социального банковского вклада включает в себе получение большего процента от вклада, ведь этот процент больше на один пункт, чем ключевая ставка. Однако стоит обратить внимание на то, что общая сумма вклада ограничена размером в 50 000 рублей. На наш взгляд, для большей эффективности следует исключить такое ограничение по сумме вклада.

Таким образом, можно выразить нейтральное отношение к предложенной конструкции договора социального банковского вклада и социального банковского счета. С одной стороны, подобное реформирование не вступает в противоречие с уже действующим законодательством, не влияет негативным образом на чьи-либо интересы. С другой стороны, предложенные конструкции, на наш взгляд, не являются целесообразными, поскольку не создают какого-либо существенного экономического эффекта, в сравнении с классическим банковским вкладом. На недостаточную проработанность законопроекта косвенно указывает еще и срок его рассмотрения: законопроект был зарегистрирован 26 мая 2023 года, а на сегодняшний день все еще находится на стадии рассмотрения в рамках второго чтения.

Литература

1. Законопроект № 367060-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О банках и банковской деятельности»». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/367060-8> (дата обращения: 27.04.2024).
2. Катвицкая М. Ю. О создании для граждан с невысокими доходами новых банковских продуктов – социальный банковский счет и социальный банковский вклад // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10. С. 314.
3. Дементьева К. Гражданам сэберегут малые доходы. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6056148> (дата обращения: 27.04.2024).
4. Ключевая ставка Банка России. URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (дата обращения: 27.04.2024).

СОЧЕТАНИЕ УСТНОСТИ И ПИСЬМЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье анализируется сочетание принципов устности и письменности гражданского процесса, проявление данных принципов на современном этапе развития гражданского процесса. Рассматривается обоснованность выделения сочетания устности и письменности в качестве самостоятельного принципа гражданского процесса.

Ключевые слова: устность, письменность, принципы, гражданский процесс, сочетание устности и письменности.

A. V. Evlampeva
Master's student, HSE (Perm)

THE COMBINATION OF ORAL AND WRITTEN LANGUAGE IN CIVIL PROCEEDINGS

The article analyzes the combination of the principles of oral and written civil procedure, the manifestation of these principles at the present stage of the development of civil procedure. The substantiation of the allocation of a combination of oral and written language as an independent principle of civil procedure is considered.

Keywords: oral, written language, principles, civil procedure, combination of oral and written language

Сочетание принципов устности и письменности было положено в основу гражданского процесса еще Уставом гражданского судопроизводства 1864 года. Оно было свойственно и гражданскому судопроизводству советского периода в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом РСФСР 1923 и 1964 года.

Современному гражданскому процессу также свойственно сочетание устных и письменных начал. Однако, является ли целесообразным и соответствует ли положениям Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГПК РФ) выделение данного сочетания в качестве самостоятельного принципа гражданского процесса? В соответствии с позицией М. К. Треушникова [1, с. 102] и Ю. А. Свирина [2], сочетание устности и письменности является самостоятельным принципом гражданского процесса. Ученые приводят следующие аргументы: в зависимости от положений ГПК РФ те или иные процессуальные действия могут быть совершены либо в устной, либо в письменной форме.

Другие исследователи (например, А. Ф. Воронов [3]) считают нерелевантным рассматривать сочетание устности и письменности гражданского процесса в качестве самостоятельного принципа. Аргументом в обоснование данной позиции является то, что устность представляет собой основополагающее начало, на котором построен современный гражданский процесс, при этом письменность в большей степени является исключением.

Автор настоящей статьи придерживается точки зрения о том, что сочетание устности и письменности гражданского процесса не является его самостоятельным принципом. Для отнесения его к самостоятельным принципам необходимо, чтобы сочетание устности и письменности отвечало тем признакам, которые характерны для принципов гражданского процесса: находится в основе отрасли права, выражать ее особенности, то есть определять содержание и направление гражданского процесса. Сочетание устности и письменности хотя и свойственно гражданскому процессу, при этом перечисленными выше характеристиками не обладает: оно не распространяется на весь гражданский процесс, устность (несмотря на наличие нескольких исключений), все же является преобладающим началом. Более того, принцип должен иметь нормативное закрепление, в то время как сочетание устности и письменности непосредственно в нормах ГПК РФ не закреплено.

Мы считаем, что устность и письменность гражданского процесса представляют собой парные противоположные категории, взаимодействие которых на разных стадиях и видах производств в гражданском процессе происходит в разных сочетаниях, от преобладания устного начала, до его фактического отсутствия в производствах, основанных на принципе письменности.

Исходя из проведенного нами анализа ГПК РФ, а также юридической доктрины по теме исследования, можно сделать вывод о том, что сочетание устности и письменности гражданского процесса выражается в следующем: устность является преобладающим началом гражданского процесса, поскольку большая часть процессуальных действий в соответствии с требованиями ГПК РФ должна совершаться в устной форме. При этом для совершения многих процессуальных действий сохраняется значимость фиксации их в письменной форме.

Рассмотрим сочетание устности и письменности более подробно. Несомненно, как мы отмечали ранее, по общему правилу устное начало является преобладающим в гражданском процессе. Например, принцип устности прямо закреплен в статье 157 ГПК РФ. В устной форме лица, участвующие в деле, дают свои объяснения, задают вопросы, подают ходатайства (к которым не предъявляется требование об обязательной письменной форме). Требование относительно устной формы ГПК РФ предъявляет также и к свидетельским показаниям. Прения и реплики также совершаются исключительно в устной форме. В целом, процессе судебного разбирательства взаимодействие суда и лиц, участвующих в деле, происходит в устной форме.

Принцип устности распространяется также и на действия суда: в устной форме судом совершается большинство действий в процессе подготовки дела к судебному разбирательству (ст. 150 ГПК РФ). В процессе судебного разбирательства судья задает вопросы лицам, участвующим в деле, в устной форме оглашает определения, решение.

ГПК РФ предусмотрены ситуации, когда те или иные процессуальные действия могут быть совершены в альтернативной форме – либо устно, либо письменно. К таковым можно отнести ходатайства, кроме тех, которые в обязательном порядке должны быть оформлены в письменном виде (например, в соответствии со ст. 100 ГПК РФ ходатайство о возмещении судебных расходов должно быть подано в письменной форме). Некоторые определения суда, которые он выносит в процессе судебного разбирательства для разрешения несложных вопросов (например, удовлетворение ходатайства об истребовании доказательств), также могут быть оформлены в устной форме.

Письменное начало также имеет большое значение для гражданского судопроизводства. К большинству процессуальных действий (как суда, так и лиц, участвующих в деле) ГПК РФ предъявляет требование к обязательному их совершению в письменной форме. К ним, в частности, относятся все заявления (исковое заявление и т.п.), которые являются основаниями для возбуждения судебного разбирательства.

В письменной форме должны быть также оформлены документы, которыми оканчивается рассмотрение дела по существу (решение суда, судебный приказ), а также действия, которыми заканчивается производство по делу без вынесения судебного решения (определение суда о прекращении производства по делу, об отказе в принятии искового заявления и т.д.).

Между тем, мы ранее уже отмечали, что сочетание устности и письменности присутствует не на всех стадиях и не во всех видах производств в гражданском процессе. В частности, упрощенное и исковое производство построены на началах устности. Судья выносит решение (судебный приказ) на основании письменных документов, представленных сторонами в суд вместе с исковым заявлением (заявлением о выдаче судебного приказа). Единственным проявлением устности является ситуация, когда в упрощенном производстве стороны перед судом ставят вопрос об утверждении мирового соглашения. В данной ситуации проводится судебное заседание, в котором могут реализовываться перечисленные нами ранее способы проявления устного начала гражданского процесса (гл. 21.1 ГПК РФ).

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Гражданское судопроизводство действительно основано на сочетании устности и письменности с несомненным превалированием устного начала. Устное начало имеет основополагающее значение для центральной стадии всего гражд-

данского процесса – судебного разбирательства, также проявляется при совершении отдельных процессуальных действий как сторон, так и суда. ГПК РФ предъявляет требование об обязательной письменной форме для наиболее важных процессуальных документов. Приказное и упрощенное производство в целом построены на начале письменности. Таким образом, сочетание устного и письменного начал гражданского судопроизводства проявляется как раз именно в том, что одни процессуальные действия совершаются в устной форме, другие – в письменной, а для ряда процессуальных действий ГПК РФ установлена альтернативная форма.

Литература

1. Гражданский процесс: учебник / под ред. М. К. Треушникова. 7-е изд., перераб. М.: Издательский дом «Городец», 2020. 992 с.
2. Свириной Ю. А. Размышления о гражданском процессе: монография. М.: Прометей, 2022. 544 с.
3. Воронов А. Ф. Эволюция принципа устности в гражданском процессе [Электронный ресурс] // Законодательство. М., 2005, № 8. С. 38–51. Доступ из системы «ГАРАНТ».
4. Чечина Н. А. Принципы советского гражданского процессуального права их нормативное закрепление // Актуальные проблемы теории и практики гражданского процесса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 78–83.

К. А. Ефимов
Аспирант ПГНИУ
Научный руководитель: Д. Н. Латыпов

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «ФОРМА» И «ВИД» В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУТА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

В статье рассмотрены философское и общетеоретическое понимание категории «форма» и ее соотношение с категорией «вид». На основании анализа подходов, представленных в цивилистических исследованиях, выявлены основания для дифференциации на формы и виды действий, совершаемых со злоупотреблением правом. На примере злоупотреблений правом в формах обхода закона с противоправной целью и шиканы проведена проверка по определению обоснованности выделения выявленных оснований.

Ключевые слова: злоупотребление правом, обход закона, вид, форма, шикана, правовое поведение, формы злоупотребления правом.

K. A. Efimov
Postgraduate student, Perm State University
Supervisor: D. N. Latypov

RELATIONSHIP OF THE CATEGORIES "FORM" AND "TYPE" IN THE CONTEXT OF THE INSTITUTION OF ABUSE OF RIGHT

This article examines the philosophical and general theoretical understanding of the category «form» and its relationship with the category «type». Based on the analysis of approaches presented in civil studies, the grounds for differentiation into forms and types of actions committed with abuse of right. Using the example of abuse of law in the forms of actions bypassing the law for an illegal purpose and chicane, a check was carried out to determine the validity of highlighting the identified grounds.

Keywords: abuse of right, actions bypassing the law, type, form, chicane, legal behavior, forms abuse of right.

С философской точки зрения любое явление, вещь или процесс есть единство формы и содержания. Содержание представляет собой совокупность элементов определенного явления, вещи или процесса, а форма – их связь (структуру) и внешнее выражение. По мнению В. В. Орлова, согласно диалектико-материалистическому подходу взаимосвязь формы и содержания обусловлена следующими основными моментами: 1) Форма и содержание находятся в единстве, в котором главная роль отведена содержанию, так как форма есть внешнее выражение элементов содержания; 2) Форма существует в соответствии с содержанием, при этом обладая относительной самостоятельностью и активностью¹.

Форма никогда не соответствует в полной мере содержанию: она либо отстает от содержания, либо опережает его отдельные элементы, отражая основные тенденции. В результате постоянного противоречия старая форма сбрасывается, а содержание переделывается.

Все вышесказанное применимо и к праву, и к его проявлениям. Как справедливо было отмечено Д. А. Керимовым, право, а, следовательно, и все его проявления, не могут существовать в отсутствие единства формы и содержания, поскольку благодаря такому единству они обладают качественной определенностью². То есть можно констатировать, что форма отражает качественную (существенную) характеристику правового явления. Именно через формы мы познаем закономерный процесс развития правовых явлений, что в частности применимо и к институту злоупотребления правом.

В научной литературе нечасто, но все же затрагивался вопрос о том, что именно есть форма злоупотребления правом. По мнению А. В. Волкова, форму злоупотребления правом определяет единство выделенных им основных существенных признаков: 1) наличие правовой неопределенности, как условия, обеспечивающего возможность для злоупотребления; 2) использование гражданского права (обязанности) как средства для злоупотребления правом; 3) наличие прямого умысла у злоупотребляющего правом лица³. Не вдаваясь в дискуссию об обоснованности выделения соответствующих признаков, как основных, отметим, что данные признаки отражают специфику субъективной и объективной сторон правового поведения.

Интересным представляется мнение А. Ю. Белоножкина, согласно которому форма отражает способ организации всех сторон явления, то есть всех элементов содержания⁴. Этим, по мнению ученого, форма принципиально отличается от вида, который отражает лишь одну или несколько сторон явления. В результате А. Ю. Белоножкиным сделан вывод, что формы злоупотреблений правом определяются элементами объективной и субъективной сторон. Рассматривая вопрос о соотношении категорий «форма» и «вид» в контексте теории права, И. Н. Сенин пришел к следующим выводам: 1) форма представляет собой самостоятельную родовую категорию более широкую, чем вид, а вид есть производное от формы; 2) форма и вид соотносятся как общее и частное или как целое и часть⁵.

Злоупотребление правом в соответствии со смыслом статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) представляет собой правовое поведение субъекта, которое предполагает осуществление таким субъектом своих субъективных прав определенным образом. И как правовое поведение оно характеризуется конкретной совокупностью элементов, которые свойственны любому правовому поведению, независимо от его правомерного или неправомерного характера: объект, субъект, объективная сторона и субъективная сторона.

В ситуациях, возникающих при злоупотреблении правом, объект и субъект не важны для определения форм злоупотреблений, поскольку в данном случае они не влияют на качественные характеристики деяния. Независимо от характера нарушаемых злоупотребляющим правом лицом общественных отношений (корпоративные, потребительские и т.д.) шикана не получит иной правовой квалификации. Аналогичный вывод применим и к субъектам, злоупотребляющим правами. Поэтому, на наш взгляд, формы злоупотребления правом определяются особенностями взаимосвязи элементов субъективной и объективной стороны соответствующего правового поведения.

Рассмотрим данный тезис на примере таких закрепленных в статье 10 ГК РФ форм злоупотребления правом как действия в обход закона с противоправной целью и шикана. Особенность объективной стороны шиканы проявляется в том, что средством злоупотребления является осуществление гражданских прав, а субъективная сторона проявляется в наличии прямого умысла и цели причинить вред другому лицу. Как было отмечено Н. Б. Щербаковым, в ситуации с шиканой не предполагается наличие у лица имущественного интереса⁶. Примером шиканы является, например, приобретение лицом права на товарный знак лишь для того, чтобы предъявлять иски к участникам гражданского оборота⁷.

В случае с обходом закона субъективная сторона проявляется в прямом умысле и любой противоправной цели, а объективная сторона – в злоупотреблении посредством совершения любых юридически значимых действий в обход закона. В практике Верховного суда РФ в качестве действий в обход закона, к примеру, квалифицируются: 1) замещение активов в процедуре банкротства в отношении социально значимых объектов⁸; 2) требование оплаты за услуги в отсутствие заключенного муниципального или государственного контракта⁹. Указанные случаи не могут быть отнесены к шикане, поскольку, как минимум, в данных действиях желаемым результатом является удовлетворение имущественного интереса, а не причинение вреда другому участнику правоотношений. Вместе с тем в указанных примерах сохраняется основная структурная связь элементов, характерная для действий, совершаемых в обход закона с противоправной целью. Поэтому два приведенных из практики случая следует рассматривать в качестве разновидностей указанной формы злоупотребления правом.

В этой связи, можно сделать вывод, что различия в структуре элементов субъективной и объективной стороны при злоупотреблении правом являются основанием для дифференциации его форм, а вариативность проявления одного или нескольких элементов – его видов.

Литература

1. Орлов. В. В. Основы философии. Общая философия: учеб. Пособие / Перм. гос. ун-т. Пермь. 2006. С. 295.
2. Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. 2-изд. М.: Аванта+, 2001. С. 176.
3. Волков. А. В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 354.
4. Белоножкин А. Б. Содержание и формы злоупотребления субъективным гражданским правом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 161–162.
5. Сенин И. Н. К вопросу о соотношении категории «вид» и «форма» в теории государства и права // Право и государство: теория и практика. 2021. № 8(200). С. 40.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014. С. 87.
7. Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков [Электронный ресурс]: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 1 (2018) [Электронный ресурс]: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 3 (2015) [Электронный ресурс]: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А. И. Жуйкова
Магистрант ПГНИУ
Научный руководитель: Е. В. Аристов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена вопросу участия в арбитражных и гражданских спорах путем использования веб-конференции, анализу судебной практики, положений законодательства об «онлайн-заседаниях». Рассматривается проблема разграничения видеоконференцсвязи и веб-конференции. Анализируются проблемы, возникающие в судебной практике, при участии в судебных заседаниях с использованием веб-конференций.

Ключевые слова: веб-конференция, онлайн-заседание, видеоконференцсвязь, информационные, цифровые технологии.

A. I. Zhuykova
Master's student, Perm State University
Supervisor: E. V. Aristov

USING A WEB CONFERENCE IN CIVIL AND ARBITRATION PROCEEDINGS

The article is devoted to the issue of participation in arbitration and civil disputes through the use of a web conference, analysis of judicial practice, provisions of legislation on "online meetings". The problem of differentiation of videoconferencing and web conferencing is considered. The problems arising in judicial practice when participating in court sessions using web conferences are analyzed.

Keywords: web conference, online meeting, video conferencing, information, digital technologies.

В настоящее время происходит активное внедрение дистанционного участия в судебных разбирательствах. До 2020 года существовал единственный способ дистанционного участия в судебном заседании – это видеоконференцсвязь (ВКС).

В связи с развитием коронавирусной инфекции и введения изоляции всего населения остро встал вопрос о необходимости участия в судебных заседаниях. Данная эпидемиологическая проблема спровоцировала принятие Верховным судом РФ и Советом судей РФ постановления о необходимости проведения судебных заседаний путем использования веб-конференций [1].

Позже на законодательном уровне были внесены изменения в процессуальные кодексы, касающиеся возможности участия в судебных заседаниях с использованием веб-конференции [2].

В доктрине и на практике зачастую возникает проблема смешения понятий видеоконференцсвязь и веб-конференция.

Под видеоконференцсвязью следует понимать способ проведения судебного заседания с использованием информационно-телекоммуникационных технологий с подключением к каналам связи в здании суда [3]. Соответственно, при видеоконференцсвязи необходимо присутствие участника процесса в здании суда, который наиболее ему удобен и доступен.

Под веб-конференцией (онлайн-заседание) следует понимать форму проведения судебного заседания в дистанционном режиме на стационарном месте, при использовании информационных технологий. Иными словами, при веб-конференции необходимо только подключиться через онлайн-платформу (Картотека арбитражных дел, ГАС «Правосудие») без присутствия в здании суда.

На основании перечисленных понятий, следует выделить общие черты видеоконференцсвязи и веб-конференции:

1. Использование информационных технологий. Обязательным условием ВКС и онлайн-заседаний является наличие аудио и видеосвязи.

2. Возможность суда в режиме реального времени лично заслушивать объяснения участников процесса, допрашивать свидетелей, экспертов, специалистов [4].

3. Доступное и прозрачное судопроизводство.

Основным и основополагающим отличием ВКС и веб-конференции является присутствие в здании суда. При онлайн-заседании участники процесса могут принимать участие в судебном процессе из любого уголка страны, из любого помещения, снабженного информационно-телекоммуникационными технологиями. При ВКС участники процесса должны явиться в доступный и ближайший для себя суд, который настраивает видеоконференцию с судом, рассматривающий настоящий спор.

Следует отметить, что онлайн-заседания направлены на возможность обращаться за судебной защитой всех граждан с различным уровнем достатка, правового просвещения и физических возможностей. Участие в судебных заседаниях с помощью веб-конференции удобно для граждан с ограниченными возможностями здоровья, поскольку здания суда не всегда оборудованы для данной категории граждан. Эффективен данный способ участия в судебных процессах и для граждан, находящихся в местах, удаленных от места проведения судебного заседания, так как происходит экономия временных и финансовых ресурсов.

В связи с тем, что веб-конференция как способ участия в судебных заседаниях появился достаточно недавно, в судебной практике возникают некоторые проблемы.

Основной проблемой использования информационных технологий в судебных заседаниях является недостаточная оснащенность участников спора техническими возможностями. Довольно частым явлением являются сбои программных продуктов, нарушение сети «Интернет», отсутствие микрофона, звуковой техники, видеокамеры.

Наличие соответствующей проблемы следует подтвердить ситуацией из судебной практики. Так, Ответчик по техническим причинам не смог подключиться к судебному заседанию посредством веб-конференции, в связи, с чем считает, что его процессуальные права были нарушены.

Суд апелляционной инстанции отмечает, что возможные технические неполадки в работе электронных систем самого заявителя не могут оцениваться как нарушение судом норм процессуального права, поскольку именно на лицо, обратившееся с соответствующим ходатайством, относятся процессуальные риски необеспечения технического присоединения к электронному сервису «онлайн-заседание» [5].

Следовательно, лицо, обратившееся в суд с ходатайством об участии в судебном заседании с помощью веб-конференции самостоятельно должно обеспечить надлежащее подключение к онлайн-заседанию.

Отсутствие технической возможности касается и судебного органа власти. Зачастую суды не обладают соответствующими информационно-телекоммуникационными средствами, что приводит к затягиванию процесса.

Например, Истец заявил ходатайство о проведении судебного заседания с использованием системы веб-конференции, однако в связи с тем, что в Седьмом кассационном суде общей юрисдикции данная техническая возможность отсутствует, судебная коллегия в удовлетворении ходатайства отказала [6].

Следует отметить, что арбитражные суды лучше технически обеспечены, чем суды общей юрисдикции. Арбитражные суды зачастую удовлетворяют ходатайство об участии в судебном заседании с помощью веб-конференции, а суды общей юрисдикции чаще всего отказывают, ссылаясь на отсутствие технической возможности.

Например, Арбитражный суд Пермского края рассмотрел в открытом судебном заседании дело о взыскании задолженности за выполнение работ по ремонту вагона при участии Истца и Ответчика посредством проведения онлайн-заседания [7].

Суды общей юрисдикции отказывают в участии в судебных заседаниях с помощью веб-конференции. Так, Ответчик в ходатайстве просил провести судебное заседание в «режиме онлайн», поскольку находится за пределами Российской Федерации. В удовлетворении ходатайства ответчика 26-й гарнизонный военный суд отказал, поскольку в суде отсутствует техническая возможность для участия в судебном заседании с использованием системы веб-конференции [8].

Кроме технических недостатков возникают проблемы в идентификации участников процесса. Ответчик заявил, что суд допустил участие истца в судебное заседание с использованием системы веб-конференции без видеосопровождения звукового вещания, в связи с чем, не идентифицировал его личность. Суд, указав, что ходатайство лица, участвующего в деле, о проведении судебного заседания с использованием системы веб-конференции может быть удовлетворено, только если такое лицо имеет подтвержденную учетную запись в ЕСИА. В связи с

этим отсутствие видеосопровождения звукового вещания само по себе не является основанием для вывода о неподтвержденности полномочий лица, представляющего интересы какой-либо из сторон в судебном заседании, проводимом посредством системы веб-конференции.

Соответственно, независимо от отсутствия видеоизображения на экране, при корректной работе звука и чата, суд имеет достаточные данные для идентификации личности сторон и проведения судебного заседания.

Подводя итог вышеизложенного, следует сделать вывод, что процесс участия в судебных заседаниях изменяется и упрощается, вследствие чего участники споров чаще обращаются за судебной защитой. Безусловно, существуют проблемы в разграничении ВКС и веб-конференции, а также выявления технических недостатков при использовании онлайн-заседаний. Но данные проблемы достаточно легко разрешаются путем определения четких критериев разграничения ВКС и онлайн-заседания, а также путем технического оснащения всех зданий суда. Таким образом, веб-конференция является новой ступенью развития цифровизации судебной системы.

Литература

1. О приостановлении личного приема граждан в судах: Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821. Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (документ утратил силу).
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 1 (Часть I). Ст. 9.
3. Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 (ред. от 30.12.2020) // Бюллетень актов по судебной системе. № 3. 2016.
4. Терентьева Л. В. Организационно-правовые особенности использования видеоконференцсвязи в арбитражных судах // Правовая информатика. 2017. №3. С. 59–65.
5. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.11.2023 № 17АП-10558/2023-ГК по делу № А71-7691/2023. Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 06.07.2022 № 88-10878/2022. Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Решение Арбитражного суда Пермского края от 23.04.2024 по делу № А50-16242/2023. Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Решение 26-ого гарнизонного военного суда города Байконур от 21.06.2023 № 2-576/2023. Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 10.04.2024 № Ф03-1079/2024 по делу № А37-2383/2023. Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИЧИН ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОБЖАЛОВАНИЯ РЕШЕНИЯ СОБРАНИЯ В КАЧЕСТВЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО СПОСОБА ЗАЩИТЫ ПРАВА

Статья посвящена анализу последних изменений законодательства о способах защиты гражданских прав в части закрепления в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации такого способа, как признание недействительным решения собрания. Рассмотрена целесообразность подобной новеллы, соотношение указанного способа с иными способами защиты гражданских прав.

Ключевые слова: признание недействительным решения собрания, способ защиты гражданских прав, восстановление положения, существовавшего до нарушения права.

I. A. Zarivchatsckii
Student, Perm State University

INVESTIGATION OF THE REASONS FOR THE LEGISLATIVE CONSOLIDATION OF THE APPEAL AGAINST THE DECISION OF THE ASSEMBLY AS AN INDEPENDENT WAY OF PROTECTING THE RIGHT

The article is devoted to the analysis of recent changes in legislation on the methods of protection of civil rights in the part stipulating in article 12 of the Civil code of the Russian Federation such a way, as a recognition invalid the decision of the meeting. The expediency of such stories, the ratio specified way with other means of protection of civil rights.

Keywords: recognition as invalid the decision of the meeting, means of protection of civil rights, restore the situation that existed before the violation of the rights.

На сегодняшний день перечень способов защиты гражданских прав приведен в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). При этом в силу положений названной статьи кодекса защита гражданских прав осуществляется способами, указанными в данной статье, а также иными способами, предусмотренными в законе. Из названной нормы следует, что иные способы защиты прав могут быть установлены только законом, соответственно, применение способов, прямо не предусмотренных законом, не допускается. Подобная позиция подтверждается значительным объемом судебной практики.

До недавних пор в перечне способов защиты гражданских прав, содержащимся в статье 12 ГК РФ, отсутствовал такой способ защиты как признание недействительным решения органов управления юридического лица, что, представляется, было оправданным, поскольку конкретный способ защиты, порядок и условия его применения регламентировались специальными отдельными законами. К примеру, право на предъявления требования о признании недействительными решений общих собраний участников общества с ограниченной ответственностью закреплялось в статье 43 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», аналогичное право акционеров регулировалось статьей 49 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и т.д.

Как правило, применительно к каждому виду юридического лица соответствующий специальный закон закреплял тем либо иным образом такой способ защиты как признание недействительным решения органа управления такого юридического лица. При этом фактически оспаривание решений органов управления юридического лица квалифицировалось судами [2] в качестве такого способа защиты как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, пресечения действий, создающих угрозу нарушения права [3].

В свою очередь, указанные способы (восстановление положения, существовавшего до нарушения права, как и пресечения действий, создающих угрозу нарушения права) прямо предусмотрены статьей 12 ГК РФ.

Соответственно, даже в случае отсутствия прямого указания в законе о возможности оспаривания решения органа управления применительно к отдельным юридическим лицам (например, в отношении некоммерческих организаций), требование о признании недействительным решения органа управления соответствовало положениям статьи 12 ГК РФ, поскольку направлено на восстановление положения, существовавшего до нарушения права [4].

Однако Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» в статью 12 ГК РФ вносится дополнение путем закрепление нового абзаца, содержащего указание на такой способ защиты как «признания недействительным решения собрания» [5].

Следовательно, законодатель посчитал необходимым именно в статью 12 ГК РФ, содержащую общий перечень наиболее распространенных способов защиты гражданских прав, внести указанное дополнение.

Рассмотрим целесообразность подобной корректировки.

С одной стороны, подобное изменение вполне объяснимо тенденцией развития правового регулирования корпоративных отношений, повышенным вниманием к названной сфере общественных отношений. Представляется, что истоки систематизации указанной области содержатся еще в так называемом пакете «антирейдерских законов». Речь в первую очередь идет о Федеральных законах»

от 30.12.2008 № 312-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 19.07.2009 № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», серьезным образом изменивших порядок управления в некоторых юридических лицах, порядок совершения сделок с долями в уставном капитале, акциями акционерных обществ и т. д.

Отдельно следует обратить внимание на изменения, внесенные последним из названных законов в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, а именно, на дополнение кодекса главой 28.1, именуемой «Рассмотрение дел по корпоративным спорам». Указанным нормативно-правовым актом впервые дано легальное определение корпоративному спору (ст. 225.1 АПК РФ).

Наконец, Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ дополнена статья 2 ГК РФ в части указания на регулирование гражданским законодательством отношений, связанных с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративных отношений).

Таким образом, представляется, что специальное закрепление в статье 12 ГК РФ такого способа защиты как признания недействительным решения собрания обусловлено повышением уровня регулирования указанной области общественных отношений, направлено на более эффективную защиту прав заинтересованных лиц в указанной сфере.

В целом соглашаясь с подобной идеей, тем не менее, полагаем необходимым обратить внимание на ряд вопросов, возникающих при исследовании подобного способа. К примеру, законодателем не указано, решение какого именно собрания может быть признано недействительным: органа управления юридического лица или вообще любого собрания кого-либо? Само легальное обобщенное определение термина собрание отсутствует (можно встретить лишь ссылку на подобный термин опять же в специальных законах). Если законодатель имел в виду возможность применения нового способа защиты только в случае наличия прямого указания в законе на существование конкретного собрания, тогда не вполне очевидна целесообразность исследуемого нововведения, поскольку возможность обжалования решений собраний органов управления вполне успешно определялась, как указывалось выше, либо через восстановление положения, существовавшего до нарушения права, либо через специальную оговорку в законе на возможность предъявления соответствующего иска.

Сразу возникает и другой вопрос: с учетом того, что в статье 12 ГК РФ теперь среди перечня способов защиты гражданских прав отдельными абзацами указаны как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, так и признание недействительным решения собрания, являются ли указанные два способа защиты самостоятельными, отличными друг от друга? Если новый способ защиты не тождественен такому способу как восстановление положения, существовавшего до нарушения, то каковы условия его применения?

Представляется, что закрепление в статье 12 ГК РФ нового способа защиты в виде признания недействительным решения собрания в отсутствие сопутствующих правовых норм, регламентирующих понятие, порядок и условия его применения, породит новый блок споров цивилистов. Думается, выявленные пробелы, как всегда, устраним судебная практика.

Литература

1. Постановления: Президиума ВАС РФ от 05.10.2010 № 5740/09 по делу № А40-27990/08-82-255; арбитражного апелляционного суда от 16.05.2012 по делу № А12-22517/2011; Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.06.2011 № 15АП-4453/2011 по делу № А32-33970/2010 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
2. Предпринимательское право: учебник / отв. ред. В. Г. Голубцов. 2 изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. 482 с.
3. Постановления ФАС: Поволжского округа от 21.06.2012 по делу № А55-22986/2011; Уральского округа от 14.01.2010 № Ф09-10676/09-С4, Волго-Вятского округа от 03.11.2010 по делу № А31-701/2010 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
4. Постановления ФАС: Восточно-Сибирского округа от 17.11.2011 по делу № А33-17125/2010, Дальневосточного округа от 25.07.2011 № Ф03-3301/2011 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
5. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ // Российская газета, № 3, 11.01.2013.

Д. А. Згогурин
Студент ПГНИУ
Научный руководитель: Т. В. Шершень

К ВОПРОСУ О ПРЕДСТАВИТЕЛЬСКИХ ПОЛНОМОЧИЯХ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ ОБСТАНОВКИ

В статье анализируется доктрина и судебно-арбитражная практика по вопросам о правовой природе представительства из обстановки, об условиях возникновения у представителя соответствующих полномочий и о применении на практике норм абзаца 2 пункта 1 статьи 182 ГК РФ.

Ключевые слова: представительство, представительские полномочия, полномочия из обстановки.

D. A. Zgogurin
Student, Perm State University
Supervisor: T. V. Shershen

ON THE ISSUE OF REPRESENTATIVE POWERS ARISING FROM THE SITUATION

The article analyzes the doctrine and judicial arbitration practice on the legal nature of representation from the situation, the conditions for the representative to have appropriate powers and the application in practice of the norms of paragraph 1, Article 182 of the Civil Code of the Russian Federation

Keywords: representation, representative powers, powers from the situation.

В доктрине нет единой точки зрения о правовой природе такого основания возникновения полномочий представителя, как обстановка. Полномочие из обстановки не строится на указании в законе или ином акте уполномоченного государственного органа. Рассмотрим этот вопрос с точки зрения доктрины.

О. С. Иоффе относил такое представительство к договорному [1, с. 206].

Можно встретить точку зрения о том, что обстановка в целом не может являться самостоятельным основанием возникновения представительских правоотношений и ее необходимо понимать как исключение из правил о письменной форме доверенности [2].

По нашему мнению, наиболее обоснованной является позиция [3, с. 42] о самостоятельности обстановки как основания возникновения представительских полномочий. Несмотря на то, что зачастую между представителем и представляемым заключен гражданско-правовой или трудовой договор, полномочия у пред-

ставителя возникают не на основании заключенного договора, а путем совершения представляемым конклюдентных действий [4] – предоставления допуска к кассовому аппарату, к печати организации и прочее

Условия возникновения полномочий из обстановки

Вопрос о том, при каких условиях будут возникать полномочия у такого представителя резонно возникает как в доктрине, так и в практике, поскольку законодатель в норме статьи 182 ГК РФ не указывает критерии, из-за чего на практике возникает правовая неопределенность при установлении наличия или отсутствия соответствующих полномочий.

Так, А. В. Егоров и Е. А. Папченкова выделяют следующие обязательные условия, при соблюдении которых возникнут представительские полномочия в силу обстановки: 1) поведение представляемого; 2) поведение представителя; 3) добросовестные ожидания третьего лица [5].

По поводу первого условия существует две позиции: 1) лицо в обязательном порядке было допущено представляемым к осуществлению действий в такой обстановке, в которой добросовестные третьи лица предполагают наличие у него представительских полномочий; 2) лицо находится в такой обстановке и само его нахождение в соответствующей обстановке является достаточным условием для признания полномочий, несмотря на то, как лицо в ней оказалось. В целом обе позиции находят свое отражение в судебной практике.

Второе условие подразумевает такое поведение лица, которое создает разумные предположения у добросовестного третьего лица о том, что такое лицо (представитель) совершает сделку не от своего имени, а от имени другого лица.

Третий элемент логически вытекает из первых двух и сводится к тому, что при всех исходных предпосылках такого полномочия третье лицо ожидает и осознает, что при совершении сделки оно имеет дело именно с представителем. Если у третьего лица соответствующих ожиданий не возникает, то полномочия также не возникнут.

Можно встретить и иные критерии, например, у Ю. В. Байгушевой [6]. Некоторые авторы указывают на то, что обстановка, в которой действует представитель, должна указывать на наличие у него полномочий разумно и добросовестно действовать от имени представляемого в отношениях с третьими лицами [7, с. 165]. Указанные критерии находят поддержку и в судебной практике, особенно акцентируя внимание на действиях представителя и действиях представляемого, которые любыми третьими лицами могли бы восприниматься как волеизъявление на наделение полномочиями [8].

Подход к применению норм о полномочиях из обстановки в судебно-арбитражной практике

Одним из наиболее четких маркеров для судов при установлении полномочий является наличие печати организации у такого представителя. Существует достаточно устоявшаяся практика, в соответствии с которой работник признается представителем организации, уполномоченным принимать товары (работы, услуги) и подписывать накладные, если имеет доступ к печати организации [9]. Отмечается, что при неправомерном выбытии печати субъект предпринимательской деятельности должен обратиться по данному в правоохранительные органы, и при доказывании отсутствия полномочий у такого представителя представлять доказательства выбытия печати или ее фальсификации.

Арбитражный суд Уральского округа, рассматривая спор из договора поставки отметил, что «если представительство явствует из обстановки, в которой действует представитель, необходимость в проверке его полномочий отпадает и риск отсутствия представительских полномочий несет лицо, создавшее соответствующую обстановку» [10].

Стоит отметить, что существует и обратная практика, когда суды не признают обладание печатью или универсальным передаточным документом достаточным фактом для признания представительских полномочий из обстановки, говоря об отсутствии таких полномочий и совершении сделки неуполномоченным лицом [11].

Еще одним идентифицирующим фактором является нахождение такого представителя на рабочем месте или производственном объекте.

Так, Верховный суд РФ рассмотрел спор между потребителем и банком о расторжении договора банковского вклада [12]. Банк ссылаясь на то, что не заключал с потребителем договор банковского вклада, сделка была совершена неуполномоченным лицом. Верховный суд РФ встал на сторону потребителя и отметил, что для гражданина, действующего разумно и добросовестно при заключении договора банковского вклада о наличии полномочий может свидетельствовать место заключения договора, в частности в кабинете руководителя отделения банка [13].

Помимо этого, суды отмечают, что нахождение лица на определенном объекте, принадлежащего представляемому, доступ к которому ограничен для посторонних лиц, также может свидетельствовать о наличии у такого лица полномочий. Например, постоянное нахождение на объекте стройки и осуществления контроля за ней [14].

Также о наличии представительских полномочий у лица может свидетельствовать предыдущая сложившаяся практика взаимоотношений сторон и их документооборота, когда такое лицо прежде уже подписывало накладные или принимало товар [15].

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы: 1) обстановку стоит рассматривать как самостоятельное основание возникновения представительских полномочий; 2) в судебно-арбитражной практике достаточно прочно устоялась позиция признания полномочий из обстановки при наличии печати организации или универсального передаточного акта у представителя; 3) также о наличии полномочий может свидетельствовать нахождение лица на рабочем месте или объекте, принадлежащего представляемому, и сложившиеся между сторонами взаимоотношения.

Литература

1. Советское гражданское право: учебник / под ред. О. С. Иоффе. М.: Юрид. лит., 1967. 494 с.
2. Выговская Н. А., Булгаков И. С. Гражданско-правовое представительство от имени юридического лица [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Коротков Д. Б. Представительство как гражданское правоотношение: монография / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2013. 188 с.
4. Борейшо Д. В. Обзор практики применения норм о полномочиях из обстановки [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Егоров А. В., Папченкова Е. А. Представительство: исследование судебной практики. М.: Статут, 2016. С. 62–65.
6. Байгушева Ю. В. Полномочие на основании видимости права и ст. 183 ГК РФ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Адельшин Р. Н., Губарева М. С. Условия возникновения полномочий из обстановки // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 4 (35). С. 160–165.
8. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.07.2020 по делу № А60-23030/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Информационное письмо ВАС РФ от 23.10.2000 № 576 п. 5; Постановления: Арбитражного суда Центрального округа от 03.08.2022 по делу № А23-131/2021; Арбитражного суда Дальневосточного округа от 12.04.2022 по делу № А73-1612/2021; Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.03.2022 по делу № А45-27370/2020; Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 08.12.2021 по делу № А43-16170/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18.05.2022 по делу № А07-10072/ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Постановления: Арбитражного суда Северо-Западного округа от 31.10.2022 по делу № А56-84915/2021; Арбитражного суда Уральского округа от 30.09.2021 по делу № А60-63152/2020; Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17.03.2020 по делу № А27-16136/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 24.01.2023 № 5-КГ22-128-К2 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.10.2015 № 28-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.06.2021 по делу № А40-110034/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29.06.2018 по делу № А71-11176/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Д. Д. Караваяев

Студент ПГНИУ

Научный руководитель: доцент А.В. Сятчихин

АНОМИЯ ИНСТИТУТА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемой аномии в юридической сфере, которая приводит к нарушениям ценностно-нормативной системы общества. Подчеркивается, что аномия отрицательно сказывается на уровне законности и правопорядка, создавая противоречия между целями и способами осуществления правовых норм. В статье приводится анализ данных с Федресурса, из которого видно, что в большинстве случаев требования кредиторов не удовлетворяются, что ставит под сомнение эффективность текущей системы банкротства. Предлагается реформировать законодательство, вдохнуть новую жизнь в реабилитационные процедуры, основываясь на зарубежном опыте, чтобы улучшить процесс банкротства, увеличить выплаты кредиторам и сохранить предприятия и рабочие места. Таким образом, основная мысль статьи заключается в необходимости усиления реабилитации в процессе банкротства для обеспечения интересов как кредиторов, так и должников.

Ключевые слова: аномия, несостоятельность (банкротство), Федресурс.

D. D. Karavaev

Student, Perm State University

Supervisor: A. V. Syatchikhin

ANOMIE OF THE INSOLVENCY INSTITUTION

The article deals with the issues related to the problem of anomie in the legal sphere, which leads to violations of the value-normative system of society. It is emphasized that anomie adversely affects the level of legality and law and order, creating contradictions between the goals and ways of implementation of legal norms. The article analyzes data from Fedresours, which shows that in most cases creditors' claims are not satisfied, which calls into question the effectiveness of the current bankruptcy system. It is proposed to reform the legislation, breathe new life into rehabilitation procedures based on foreign experience in order to improve the bankruptcy process, increase payments to creditors and save enterprises and jobs. Thus, the main point of the article is the need to strengthen rehabilitation in the bankruptcy process to ensure the interests of both creditors and debtors.

Keywords: anomie, insolvency (bankruptcy), Fedresource.

Аномия в юридической сфере сопровождается разнообразными нарушениями ценностно-нормативной системы общества. Этот термин изначально был введен в социологии для объяснения возникновения подобных проблем, вызванных противоречиями в распределении труда и отсутствием чувства солидарности

в обществе, что в результате приводит к конфликтам, типичным для индустриальной эпохи [1, с. 432]. В юридической сфере аномия негативно сказывается на уровне законности и правопорядка в стране, а также на эффективности различных правовых институтов. Кроме того, возможны противоречия между целями и способами осуществления правовых норм.

Под влиянием экономических кризисов и многих других факторов появляется неспособность должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных государственных платежей, т. е. несостоятельность. Данный процесс неизбежное следствие и необходимое условие развития современных экономических отношений, а значит государству необходимо урегулировать отношения складывающиеся по поводу несостоятельности, создать правовой режим и обеспечить баланс частных и публичных интересов лиц, участвующих в делах о банкротстве. Благодаря данному институту происходит процесс исключения из гражданского оборота неплатежеспособных лиц, обеспечение стабильности и эффективности экономического оборота, предоставление возможности хозяйствующим субъектам восстановить платежеспособность и продолжить экономическую деятельность, что способствует оздоровлению рынка и дает возможность для реорганизации и достижения финансовой стабильности. Любое современное эффективно развивающееся государство уделяет существенное внимание совершенствованию правового регулирования отношений, возникающих в связи с предупреждением несостоятельности (банкротства) субъектов хозяйственной деятельности и восстановлением их платежеспособности [2]. Необходимость наличия этого института обусловлено потребностью устранить проблемы, появившиеся по объективным и субъективным причинам из-за неисполнения участниками оборота своих имущественных, денежных и иных обязательств, влияющих на своих контрагентов.

Интерес должника состоит в возможности сохранить себя в качестве субъекта экономических отношений и восстановлении своей платежеспособности. Именно для этого закон предусматривает так называемые реабилитационные процедуры, а именно: наблюдение, финансовое оздоровление и внешнее управление. Не смотря на наличие реабилитационных процедур, которые должны помочь должнику остаться участником рыночных отношений, решений о их применении крайне мало. Согласно статистике Федресурса, количество сообщений о принятии судами решений о признании должника банкротом и открытии конкурсного производства в отношении юридических лиц и крестьянско-фермерских хозяйств в 2023 году составило 7400. Решений о введении внешнего управления 88, а финансового оздоровления 9. Наблюдение вводилось 7532 раза, но это не показательно так как это является первой процедурой, без которой невозможно начать рассмотрение дела о признании банкротом [3]. Из представленной информации можно сделать вывод, что интерес должника не удовлетворяется и в абсолютном большинстве отдается приоритет ликвидационной процедуре – конкурсному производству.

Интерес кредиторов заключается в удовлетворении исковых требований и получении своих денежных средств по обязательствам должника. Изучив статистику Федресурса можно сделать вывод, что кредиторы получают денежные средства по обязательствам должника, ведь в большинстве случаев вводят конкурсное производство для реализации имущества должника и удовлетворения требований кредиторов, но данный вывод будет ошибочным. Несмотря на абсолютное главенство ликвидационной процедуры требования кредиторов не удовлетворяются. По данным Федресурса за 2023 год сумма требований, включенных в реестр требований кредиторов по завершённым делам, составила 3.654.791.026.177,14 руб., а сумма удовлетворенных требований – 358.687.330.937,80 руб. [4]. Несмотря на такую большую сумму удовлетворенных требований, это ничтожно мало, ведь в процентном соотношении это всего 9,8%. Получается, что большинство кредиторов остается без своих денежных средств или, получают малую часть от своих исковых требований, а значит, что их интерес остается не удовлетворенным.

Как уже было отмечено выше, существует проблема не востребованности реабилитационных процедур. Ведь их применяют редко и чаще всего после наблюдения переходят к конкурсному производству. А также даже переход к конкурсному производству не гарантирует удовлетворение исковых требований кредиторов, поскольку из всех денежных требований удовлетворяют всего 9,8%. А с другой стороны, есть арбитражный управляющий, который всегда остается при лучших условиях, поскольку затраты на его труд удовлетворяются в первую очередь, и он всегда получает свои денежные средства. К такому выводу можно прийти, изучив данные с Федресурса, где можно увидеть выплаченные суммы вознаграждений арбитражных управляющих, которые составили 11.861.834.554,29 руб., а оплата услуг лиц, привлеченных арбитражными управляющими для обеспечения своей деятельности – 21.584.534.449,27 руб. [4]. Если мы вычтем удовлетворенные денежные требования арбитражных управляющих и лиц, которых они привлекли для обеспечения своей деятельности, из всех денежных требований, включенных в реестр, то кредиторы получают удовлетворение своих требований, равное 8,9%. Помимо этого, в литературе можно встретить расчеты, по которым конкурсный кредитор может рассчитывать лишь на 3,5 рубля со 100 рублей своих требований к должнику-банкроту при этом общая доля удовлетворения требований конкурсных кредиторов составляет каких-то 3,5 %, а в 70 % случаев конкурсные кредиторы, в том числе инициаторы банкротства, не получают ничего [5].

Также из-за непопулярности реабилитационных процедур должники лишаются возможности сохранить свое предприятие и рабочие места. Данную проблему можно решить, введя обязательность реабилитационных процедур на подобии судебной системы, где после рассмотрения дел по первой инстанции идет апелляция, кассация и надзор. Таким образом, должники смогут пройти все стадии банкротства, и только после исчерпания всех реабилитационных процедур будет переход к реализации имущества.

Кроме того, можно перенять иностранный опыт. Так в США должник может в рамках конкурсного производства отдать свое имущество и сохранить свои будущие доходы, либо выбрать регулирование долгов и сохранить свое имущество, но потерять свои доходы [6]. В Швеции процедура банкротства состоит только из конкурсного производства, а все реабилитационные процедуры реализуются за рамками банкротства, что способствует сохранению деловой репутации организаций. А в нашем законодательстве организации в случае применения реабилитационных процедур считаются потенциальными банкротами. И другие организации, и ИП стараются избегать сделок с таким контрагентом, что мешает восстановлению платежеспособности и неизбежно приводит к реализации имущества и ликвидации организации. Французская система стремится в первую очередь к реабилитации должника, что дает приоритетное право использовать критерий неоплатности, то есть соотношение активов и пассивов должника. Здесь суд играет ключевую роль в определении формы контроля над предприятием и управлении процедурами. Применяется оспаривание сделок для увеличения имущества реабилитируемого должника, уделяется особое значение трудовым и налоговым требованиям перед обеспеченными. В конечном итоге, необычное и инновационное применение моратория на обеспечение – это разрешение использовать активы повторно в качестве гарантии для получения новых кредитов с более высоким приоритетом.

Таким образом, наша система права в области несостоятельности имеет ряд недочетов, которые мешают реализации целей реабилитационных процедур. Именно поэтому стоит реформировать Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» и попробовать реализовать опыт зарубежных стран, чтобы увеличить процент выплат по требованиям кредиторов и уменьшить количество ликвидированных организаций, ведь у них появится не декларативная, а реальная возможность вернуть свою платежеспособность.

Литература

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Москва. Канон, 1996. С. 432.
2. Голубцов В. Г. Обеспечение баланса частноправового и публично-правового регулирования в процессе предупреждения банкротства с использованием мер, направленных на стимулирование должника к надлежащему исполнению обязательств // Вестник Пермского университета. Юридические науки, 2014. № 2. С. 62–74.
3. Федресурс URL: <https://download.fedresurs.ru/news/Банкротства%20статрелиз%20на%20сайт%202023.pdf>.
4. Федресурс URL: <https://download.fedresurs.ru/news/Сводная%20информация%202023.pdf>.
5. Сятчихин А. В. Обязанность по уплате вознаграждения арбитражному управляющему со стороны конкурсного кредитора как заявителя по делу о банкротстве // Актуальные проблемы предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса: сборник научных статей (ежегодник) / отв. ред. В. Г. Голубцов, Д. Н. Латыпов; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2020. С. 69–72.
6. Костоваров А. С. Реабилитация должника с позиций российского законодательства и законодательства США о банкротстве // Закон, 2021. С. 219–230.

В. А. Корешкова, А. В. Топоркова
Студенты Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (Вологда)
Научный руководитель: А. А. Жариков

ПРОБЛЕМА КОДИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье анализируется и рассматривается возможность кодификации предпринимательского законодательства для применения в сфере хозяйственно-экономической деятельности. Рассмотрены подходы к созданию единого Кодекса, проведен анализ проблем, которые препятствуют проведению кодификации.

Ключевые слова: предпринимательское право, предпринимательская деятельность, предпринимательский кодекс, кодификация.

V. A. Koreshkova, A. V. Toporkova
The North-Western Institute (branch) of the University named after O. E. Kutafina (MSAL)
(Vologda)
Supervisor: A. A. Zharikov

THE PROBLEM OF CODIFICATION OF RUSSIAN BUSINESS LEGISLATION

The article analyzes and considers the possibility of codifying business legislation for application in the field of economic activity. Approaches to the creation of a unified Code are considered, and problems that impede codification are analyzed.

Keywords: business law, business activity, business code, codification.

В современном мире предпринимательское право имеет высокую значимость. Законодательство представлено большим количеством нормативных правовых актов, что является причиной стремления упорядочить их в виде кодификации.

В Российской Федерации это остается открытым и спорным вопросом, также нет единой точки зрения на этот счет. Но, например в Республике Казахстан 29.10.2015 был принят «Предпринимательский кодекс Республики Казахстан». В нем были объединены все законы, которые регулировали предпринимательскую деятельность. Он нацелен на эффективное взаимодействие государства и предпринимателей, определены политические, экономические и правовые условия, гарантии, которые в свою очередь определяют и обеспечивают свободу предпринимательства. Но при этом отраслевые виды предпринимательской деятельности по-прежнему регулируются специальными законами.

Однако в Российской Федерации вопрос о том, что предпринимательское право является самостоятельной отраслью права остается дискуссионным. Так ряд ученых считает, что его нельзя рассматривать как самостоятельную отрасль права, В. Ф. Попондопуло считает, что предпринимательское право это подотрасль гражданского права и не является самостоятельной отраслью и отрицает его выделение, так как для этого нет никаких оснований [3].

При этом популярной становится позиция, что целесообразно признать предпринимательское право обособленной интегрированной отраслью права, ряд ученых поддерживает эту позицию (Е. П. Губин, П. Г. Лахно, И. В. Ершова и др.) [5; 6].

В поддержку данного мнения существует ряд аргументов.

Во-первых, в настоящее время, стремительно развивается экономика, появляются новые виды предпринимательской деятельности, при этом изменяются условия ее осуществления. И именно поэтому с каждым годом происходит существенное увеличение правовых норм, которые регулируют предпринимательскую деятельность в различных актах: в кодексах (ГК РФ, АПК РФ), специальных законах (ФЗ «Об ООО», «О несостоятельности (банкротстве)», «О защите конкуренции» и т.д.), это приводит к огромному затруднению в изучении конкретных вопросов.

Во-вторых, любая основная сфера права в отдельности не способна учесть специфику и полностью регулировать предпринимательскую деятельность, так как ограничена своим однородным объектом и специфическим подходом к правовому регулированию. Наиболее распространенное убеждение о том, что гражданское право полностью охватывает предпринимательскую деятельность, кажется неверным, поскольку нормы гражданского законодательства не способны установить основы для взаимодействия предпринимателей с государственными органами. В то же время каждый хозяйствующий субъект сталкивается в своей работе с различными проявлениями государственного регулирования экономики. Поэтому порядок взаимодействия должен быть правильно организован хотя бы для того, чтобы сократить такое негативное явление, как коррупция, и сбалансировать интересы предпринимателей с общественными интересами государства и общества в целом. Общественные отношения, связанные с деятельностью предпринимателей, должны быть регулированы нормами как гражданского, так и административного права. Именно здесь проявляется сложный характер предпринимательского права. Например, Е. П. Губин отмечает, что гражданское законодательство не способно в силу ограниченности инструментальных возможностей адекватно обеспечивать потребности бизнеса.

В-третьих, в настоящее время можно определить сферу общественных отношений, включенных в предмет предпринимательского права, как комплексной отрасли.

Предмет предпринимательского права объединяет основы частного и публичного права. На сегодняшний день гражданское право регулирует вопросы, связанные с заключением гражданско-правовых договоров предпринимателями. В литературе часто используется термин «предпринимательские договоры» для

обозначения этого явления. В то же время отношения, возникающие в процессе государственного регулирования предпринимательской деятельности, имеют административно-правовой характер [1].

Особенность предмета предпринимательского права проявляется в отношениях, определяющих организационные и имущественные условия осуществления предпринимательской деятельности, включая общественные отношения, возникающие при создании, реорганизации и ликвидации хозяйствующих субъектов. При рассмотрении процесса создания юридического лица можно выделить как гражданско-правовые аспекты (выбор организационно-правовой формы, формирование капитала), так и административные элементы (государственная регистрация, лицензирование). Следовательно, гражданско-правовые и административные аспекты тесно переплетаются в области правового регулирования предпринимательской деятельности. Предпринимательское законодательство включает нормативно-правовые акты, отражающие нормы различных отраслей права. Поскольку предпринимательское право охватывает как частные, так и публичные правоотношения в сфере предпринимательства, важно наличие соответствующего правового регулятора. В работах цивилистов можно встретить предложение о введении Предпринимательского кодекса; Н. И. Веденин и В. С. Мартемьянов поддерживают идею кодификации российского предпринимательского права [3].

Концепция комплексности изучаемой отрасли может вызывать сомнения с точки зрения убедительности и научной обоснованности.

Во-первых, только отрасли права с четко определенным предметом и методом могут быть подвергнуты кодификации.

Во-вторых, совокупность точек зрения на понятие комплексной отрасли права является весьма неоднозначной и частично противоречивой. Можно признать, что правовой акт имеет комплексный характер, но не отрасль в целом, а также можно рассматривать хозяйственную и экономическую деятельность как предмет одной из публичных, а не комплексных отраслей права. По мнению авторов, нецелесообразно предложение некоторых цивилистов о сборе всех нормативных актов, регулирующих хозяйственную деятельность, в один кодифицированный документ.

Это обусловлено следующим:

– специфика регулирования отношений делает отрасль права особой только в случае, если они имеют уникальный предмет и метод;

– предмет регулирования гражданско-правовых норм и норм хозяйственного права идентичен, поэтому создание специального регулирования для последнего лишь приведет к дублированию;

– рассматривая предпринимательское право, как часть гражданского права, можно сказать, что перемещение части норм из Гражданского кодекса РФ в новый кодифицированный документ может помешать специфическому действию права

при заполнении пробелов в нормах ГК РФ, регулирующих взаимодействие участников предпринимательских правоотношений;

– единый кодекс нарушит механизмы функционирования права, так как многие нормы будут удалены из тех законов, которыми обычно пользуются правоприменители.

Подводя итоги, можно сделать следующий вывод. Правовая база регулирования предпринимательских правоотношений в Российской Федерации достаточно полно организована, существует множество, уточняющих и дополняющих законов. Но несмотря на все существующие пробелы в законодательстве система предпринимательского права выполняет все свои функции.

На наш взгляд в настоящее время принятие Предпринимательского кодекса нерационально, потому что дуализм правового регулирования экономики может привести к затруднениям при определении границ между гражданским и предпринимательским правом. Но при этом, предпринимательское законодательство требует усовершенствования из-за динамичности сферы предпринимательской деятельности, но эти процессы должны соблюдать действующую модель.

Литература

1. Государственное регулирование предпринимательской деятельности: учебник / И. В. Ершова, Е. Е. Енькова, О. А. Тарасенко, Е. В. Трофимова. М.: Проспект, 2023. 224 с
2. Кирин А. А. О кодификации предпринимательского права // Молодой ученый. 2017. № 38 (172). С. 79–82.
3. Коммерческое (предпринимательское) право: в 2 т. / под ред. В. Ф. Попондопуло. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. 476 с.
4. Предпринимательское право Российской Федерации / под ред. Е. П. Губина, П. Г. Лахно. М.: Норма: Инфра-М, 2017. 992 с.
5. Предпринимательское право: учебник для вузов / С. Ю. Морозов [и др.]; под ред. С. Ю. Морозова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 592 с.
6. Самойленко Е. Н. Проблемы кодификации российского предпринимательского права / Е.Н. Самойленко, И.А. Федченко // Интеллектуальный потенциал XXI века: материалы Международной (заочной) науч.-практ. конф./ под общ. ред. А. И. Вострецова, София, Нефтекамск, 2018. С. 175–178.

Д. В. Лебедик
Студент ТГУ (г. Томск)
Научный руководитель: А. Ю. Чурилов

ПРЕДЕЛЫ ОСМОТРИТЕЛЬНОСТИ ЛИЦА, ПОЛАГАЮЩЕГОСЯ НА ЗАВЕРЕНИЯ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Рассматриваются вопросы пределов возможности включения в текст договора заверений об обстоятельствах, если информация о таких заверениях содержится в публичном реестре свободного доступа. Анализируется судебная практика по данному вопросу и определяются границы осмотрительности стороны, которая полагается на данные заверения. Критикуется складывающийся в судебной практике подход вывода из-под положений статьи 431.2 ГК РФ заверений, содержащихся в публичном реестре.

Ключевые слова: заверения об обстоятельствах, пределы, осмотрительность, публичный реестр.

D. V. Lebedik
Student, Tomsk State University
Supervisor: A. Y. Churilov

THE LIMITS OF DISCRETION OF A PERSON RELYING ON ASSURANCES ABOUT THE WARRANTIES AND REPRESENTATIONS

The issues of the limits of the possibility of including assurances about the circumstances in the text of the agreement, if information about such assurances is contained in the public register of free access, are considered. The judicial practice on this issue is analyzed and the limits of the discretion of the party that relies on these assurances are determined. The approach of withdrawing assurances contained in the public register from the provisions of Article 431.2 of the Civil Code of the Russian Federation, which is emerging in judicial practice, is criticized.

Keywords: assurances about circumstances, limits, prudence, public registry.

В действующий ГК РФ статья 431.2 ГК РФ попала не сразу, а была введена Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», как конечный продукт попытки российского законодателя перенять из английского правопорядка целый пласт положений английской доктрины «warranties & representations» в целях упрощения ведения предпринимательской деятельности и регулирования вопросов ответственности при ведении переговоров. Данный институт моментально начал повсеместно использоваться ввиду того, что заверения об обстоятельствах,

в зависимости от фактической деятельности приобретаемой компании, особенностей ее территориального нахождения или резидентства, внешнеполитических отношений, могут быть в значительной степени индивидуализированы сторонами, а также могут быть ограничены сторонами путем включения ряда тех или иных оговорок. В свою очередь, судебная практика выявила ряд проблемных областей применения положений статьи 431.2 ГК РФ, которые на данном этапе разрешаются только на уровне правоприменителя, за счет дискреции суда.

В соответствии с абзацем 3 пункта 1 статьи 431.2 ГК РФ, который гласит, что «предусмотренная настоящей статьей ответственность наступает, если сторона, предоставившая недостоверные заверения, исходила из того, что другая сторона будет полагаться на них, или имела разумные основания исходить из такого предположения» [1], в этом ключе возникает вопрос о том, как определить «полагание стороны» на заверения, как заверения об обстоятельствах должны соотноситься с необходимостью контрагента быть осмотрительным и вести себя добросовестно, например, при *due diligence*. Как отмечает А. Д. Манджиев: «с позиций принципа добросовестности можно утверждать, что требование о возмещении убытков из недостоверного заверения не является добросовестным, если заверяемому с самого начала было известно о недостоверности заверения» [2, с. 164]. Между тем, как отмечает М. И. Лухманов, «буквальное толкование данной нормы означает, что даже если заверяемому было известно о недостоверности заверения в момент его предоставления, он все равно сможет предъявить требование о взыскании, если будет доказано, что заверитель не знал о такой осведомленности заверяемого» [3]. Представляется, что в данном случае возникает противоборство, с одной стороны принципа разумной осмотрительности стороны, которой предоставляются заверения, ведь она при осуществлении предпринимательской деятельности или деятельности по приобретению, к примеру, пакета акций, обязана быть осмотрительной и проводить *due diligence* контрагента, а, с другой стороны, она же наделяется правом воспользоваться целым рядом механизмов защиты, предусмотренных статьей 431.2 ГК РФ, так как в любом случае полагалась на заверения. Особо остро данная проблема проявляется в ситуациях, когда в рамках заключаемого соглашения в той или иной мере фигурирует «презумпция достоверности реестра». Это происходит, к примеру, когда одна из сторон контракта дает заверения относительно сведений, содержащихся в определенном реестре и, соответственно, легко проверяемых запросом. Между тем, нельзя забывать, что заверения об обстоятельствах, как изначально подразумевалось, вводились как раз для ситуаций, в которых лицо, добросовестно полагающееся на данные другой стороной заверения, как бы снимало с себя обязательства по проверке предоставленных сведений и могло на них свободно полагаться, однако, как можно будет заметить ниже, данная позиция спорна.

В качестве наглядного примера, когда суды попытались решить вопрос о пределах осмотрительности стороны, полагавшейся на заверения, можно привести дело «ИКЕА против ЗАО «Совхоз имени Ленина» [4]. В рамках дела продавец предоставил покупателю гарантии и заверения об отсутствии оснований для оспаривания сделки по приобретению земельного участка продавцом со стороны третьих лиц. За предоставление недостоверных заверений в договоре предусматривалась неустойка в размере 79,58 млн руб. (5 % от цены земельного участка). Между тем, в начале 2018 г. в арбитражный суд с иском обратились миноритарные акционеры с требованием признать недействительными учредительный договор продавца и сделку по внесению в уставный капитал земельных участков (сделка с заинтересованностью). Иск был удовлетворен в полном объеме. Покупатель, посчитав, что продавец предоставил недостоверные заверения, потребовал уплаты неустойки, сославшись на преюдициальное решение суда, в котором последний признал сделку, совершенную с заинтересованностью, недействительной. Тем не менее, арбитражный суд с позицией покупателя не согласился, указав, что по данным публичных реестров покупатель имел возможность проверить представленные заверения и не мог не знать о наличии в сделке заинтересованности, а, следовательно, действовал неосмотрительно. Еще одним примером подтверждения того, что сведения, которые можно проверить в реестре, не освобождают контрагента от необходимости их проверки, является дело «Гулуа против ООО «СБМ» (ЗАО «Донское»). В данном деле между Гулуа Т. А. и ООО «СБМ» был заключен договор купли-продажи акций ЗАО «Донское». Гулуа Т. А. были даны заверения о том, что имущество ЗАО «Донское» не обременено залогом. После закрытия сделки, выяснилось, что практически все объекты недвижимого имущества ЗАО «Донское» были обременены ипотекой в ЗАО «ЮниКредитБанк». Погашение записи о залоге недвижимости имело место после перехода права собственности на акции Общества к Покупателю. Судами двух инстанций в удовлетворении требований было отказано. В частности, один из судов указал: «покупатель, как заинтересованное лицо, был обязан предпринять действия по получению у контрагента сведений и документов о физическом состоянии имущества и наличии заложенного имущества. Покупатель был вправе в любое время запросить выписку из ЕГРП для ознакомления с информацией о наличии (отсутствии) обременений объектов недвижимости юридического лица, акции которого оно приобретало» [5].

Подводя итог, отметим, что дача одной из сторон контракта заверений относительно сведений, достоверность которых можно проверить через публичный реестр (ЕГРЮЛ, ЕГРН, ЕФРСБ и т.п.), по общему правилу, не освобождает другую сторону от необходимости проверки таких сведений. Представляется, что подход, выработанный судебной-арбитражной практикой, не является бесспорным. На се-

годняшний день можно сделать вывод о том, что сведения, содержащиеся в публичном реестре, информацию о которых может получить любой желающий, выведены из-под действия статьи 431.2 ГК РФ и не могут являться заверениями об обстоятельствах, так как в любом случае не освобождают сторону от необходимости их проверки, даже если другая сторона, предоставившая недостоверные заверения, исходила из того, что другая сторона будет полагаться на них, или имела разумные основания исходить из такого предположения, ведь как можно не иметь разумных оснований полагать, что другая сторона безусловно будет полагаться на сведения, содержащиеся в реестрах.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Манджиев А. Д. Мартынова Т. С. Заверения об обстоятельствах: насколько важно полагаться на них? // Закон. № 5. 2022. С. 157–167.
3. Лухманов М.И. Заверения об обстоятельствах: теоретические и практические проблемы в свете новых разъяснений ВС РФ // Закон. 2019. № 7. С. 153–168.
4. Решение Арбитражного суда Московской области от 06.03.2018 по делу № А41–10337/18 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.10.2017 № 16АП-3716/2017 по делу № А63-1976/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

П. С. Лобанова
Студент ПГНИУ
Научный руководитель: М. В. Юрченко

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА НАСЛЕДСТВЕННОЙ МАССЫ ДОЛЖНИКА-ГРАЖДАНИНА

В статье рассматриваются проблемные вопросы процедуры банкротства наследственной массы должника-гражданина. Процедура обычного банкротства и банкротства лица в связи с его смертью имеют существенные различия. Автор выделяет некоторые проблемы, возникающие при использовании института банкротства наследственной массы должника-гражданина. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства о банкротстве, а именно внесение определенных изменений в параграф 4 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Ключевые слова: банкротство умершего лица, наследственная масса, должник-гражданин, проблемы.

P. S. Lobanova
Student, Perm State University
Supervisor: M. V. Yurchenko

PROBLEMATIC ISSUES OF THE BANKRUPTCY PROCEDURE OF THE HEREDITARY MASS OF THE DEBTOR-CITIZEN

The article discusses the problematic issues of the bankruptcy procedure of the hereditary mass of the debtor-citizen. The procedures of ordinary bankruptcy and bankruptcy of a person in connection with his death have significant differences. The author highlights some of the problems that arise in the procedure of bankruptcy of the hereditary mass of the debtor-citizen. Author formulates some proposals to improve bankruptcy legislation, namely, the introduction of certain amendments to paragraph 4 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)".

Keywords: bankruptcy of a deceased person, inheritance, debtor-citizen, problems.

29 декабря 2014 г. был подписан Федеральный закон № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника» [1]. Закон вступил в силу 1 июля 2015 г. и внес изменения в некоторые положения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», в том числе, ввел параграф об особенностях рассмотрения дела о банкротстве гражданина в случае его смерти.

Стоит отметить, что процедура банкротства гражданина в случае его смерти и обычное банкротство гражданина отличаются: обычное банкротство гражданина нацелено на социальную реабилитацию должника, а процедура банкротства в отношении умершего гражданина преследует в качестве основной цели пропорциональное удовлетворение требований кредиторов [2].

В контексте аналогичных международных примеров, таких как нормы банкротства в США и странах Западной Европы, институт банкротства гражданина в случае его смерти в России находится на начальной стадии развития. Институт банкротства умершего гражданина имеет большое количество неурегулированных правовых пробелов, в результате которых возникают противоречия в судебной практике, требующие поиск оптимальных вариантов их разрешения.

В данной статье рассмотрены некоторые проблемные вопросы процедуры банкротства гражданина в случае его смерти и приведены возможные варианты решения данных проблем.

Одной из проблем, которую можно выделить при рассмотрении данного вопроса, является проблема использования некорректной терминологии в статье 223.1 Закона о банкротстве, касающейся субъекта, в отношении которого должно возбуждаться дело о банкротстве. В статье 223.1 Закона о банкротстве используется такая формулировка, как «признание умершего гражданина банкротом».

В соответствии с нормами части третьей Гражданского кодекса РФ с момента смерти гражданин утрачивает свою правоспособность, следовательно, он не может быть субъектом права и соответственно не может быть признан банкротом, поэтому использование такой формулировки как «признание умершего гражданина банкротом» является недопустимым [3].

Статья 223.1 Закона о банкротстве требует внесения изменений, а именно использовать термин «банкротство наследственной массы», которое в последствии будет составлять конкурсную массу, вместо «банкротство умершего гражданина».

Стоит обратить внимание на зарубежный опыт. Например, в Германии взыскание по долгам происходит через наследственную массу, и процедура банкротства наследственной массы устанавливает ограничения ответственности наследника по обязательствам наследодателя [4].

Как показывает судебная практика, большое количество отказов в исках к умершему лицу связано с прекращением его правоспособности по статье 17 ГК РФ, в связи со смертью гражданина. Обращение именно к наследственному имуществу могло бы уменьшить количество таких отказов [5].

Второй проблемой при рассмотрении данного вопроса является отсутствие в статье 223.1 Закона о банкротстве конкретных сроков возбуждения дела о банкротстве умершего гражданина. Например, в Германии в законодательстве о банкротстве такой срок равен двум годам с момента принятия наследства, а в римском праве он составлял пять лет [6].

На практике существуют ситуации, когда между принятием наследства и возбуждением дела о банкротстве существует большой временной разрыв, это является причиной к возникновению неопределенности между кредиторами и наследниками. В результате быстрого объединения наследственного и личного имущества наследником возникает сложность в последующем разграничении отдельных активов, поэтому данная проблема требует немедленного разрешения.

Статью 223.1 Закона о банкротстве необходимо дополнить установлением конкретного срока инициирования процесса банкротства наследственной массы, учитывая пункт 3 статьи 1175 Гражданского кодекса Российской Федерации [7]. В ней установлен срок предъявления требований кредиторов к имуществу наследодателя, который приравнен к общему сроку исковой давности (три года).

В качестве третьей проблемы можно выделить отсутствие специальных норм по поводу того, какие процедуры банкротства следует применять [8]. По сравнению с обычным банкротством физического лица, где применяются такие процедуры, как реструктуризация долгов и реализация имущества должника, в процедуре банкротства умершего лица процедура реструктуризации не применяется, а вводится сразу же процедура реализации имущества, поскольку в связи со смертью лицо утрачивает возможность восстановить свою платежеспособность.

Однако по данной проблеме есть две точки зрения. Некоторые авторы высказываются за нецелесообразность использования процедуры реструктуризации долгов при банкротстве умершего гражданина, поскольку главная цель данной процедуры состоит в последовательном восстановлении платежеспособности гражданина при условии наличия у него постоянного источника дохода. Таким образом, при процедуре банкротства умершего лица правовые основания для проведения реструктуризации долгов гражданина отсутствуют, так как она направлена именно на восстановление платежеспособности должника, а не на пополнение наследственной массы [9].

Однако есть сторонники подхода о том, что применение реструктуризации было бы возможно при наличии специального механизма. В качестве источника дохода могло бы использоваться имущество, полученное по наследству, которое, в свою очередь, могло бы увеличивать свою стоимость, например, за счет роста котировок ценных бумаг или же приносить доход от сдачи имущества в аренду [10].

Возможность применения реструктуризации в банкротстве умершего лица может быть предусмотрена, но при условии внесения изменений в статью 213.14 Закона о банкротстве в виде создания механизма по использованию в качестве источника дохода наследуемого имущества.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что институт банкротства умершего гражданина в качестве своей цели ставит защиту прав и законных интересов не только кредиторов, но и наследников, поэтому на сегодняшний день данный институт является довольно востребованным и актуальным.

Ввиду того, что институт банкротства наследственной массы является для российского законодательства достаточно новым, при его применении возникают некоторые пробелы, которые требуют оперативного устранения. В частности, предлагается внести изменения в законодательство о банкротстве путем замены термина «банкротство умершего гражданина» на «банкротство наследственной массы», установить конкретный срок для возбуждения процедуры банкротства в случае смерти гражданина, и разработать специальные нормы, определяющие процедуры в случае банкротства умершего гражданина.

Литература

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника: Федер. закон от 29.12.2014 № 476-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. №1. Ст.29.
2. Дударова Д. А. Некоторые вопросы банкротства наследственной массы на современном этапе // Образование и право.2021. №2. С. 200–203.
3. Рабина С. Д. К вопросу о банкротстве наследственной массы// Юрист. 2023. №5. С. 49–54.
4. Шишмарева Т. П. Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии: автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 261.
5. Апелляционные определения: Ставропольского краевого суда от 29.05.2015 по делу № 33-3556/15; Волгоградского областного суда от 18.11.2015 по делу № 33-13140/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Фольгерова Ю. Н. Становление и развитие институтов несостоятельности в римском праве // Вестник Вятского государственного университета.2007. №3 (18). С. 86–90.
7. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть третья): Федер. закон от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №32. Ст. 3301.
8. Андропова Т. В. Банкротство наследственной массы: актуальные проблемы в теории и в правоприменительной практике// Наследственное право. 2021. №4. С. 35-38.
9. Останина Е.А. Банкротство наследственной массы: в поисках баланса между интересами кредиторов и наследников// Судья. 2017. №6. С. 58-61.
10. Рудик И. Е. Особенности наследственной массы// Наследственное право. 2016. №4. С. 30–33.

Н. А. Машинская
Студент УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург)

ИЗВЕЩЕНИЕ О ВОЗБУЖДЕНИИ ГРУППОВОГО ИСКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Групповой иск является относительно новым институтом в российском законодательстве. Извещение о возбуждении группового иска является обязательным этапом в рамках группового производства. Процедура извещения о возбуждении группового иска не имеет должной регламентации в законе, что требует введение соответствующих дополнений. В работе анализируется публичная и индивидуальная форма извещения.

Ключевые слова: извещение, гражданский процесс, законодательство, групповой иск, модернизация.

N. A. Mashinskaya
Student, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
(Ekaterinburg)

NOTIFICATION OF THE INITIATION OF A CLASS ACTION IN CIVIL PROCEEDINGS: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

Class action is a relatively new institution. Notification of the initiation of a class action is a necessary measure within the framework of a class action. The notification procedure itself does not have proper regulation in the law, which requires the introduction of appropriate additions. The article analyzes the public and individual form of notification.

Keywords: notification, civil procedure, legislation, class action, modernization.

Извещение о возбуждении группового иска в гражданском процессе может иметь индивидуальную или публичную формы. Исходя из части 3 статьи 244.26 ГПК РФ [1], где указано, что предложение о присоединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц должно быть сделано в публичной форме путем опубликования сообщения в средствах массовой информации, можно выяснить, что законодатель большее предпочтение отдает второй форме извещения (то есть публичной). Также на это указывает следующая правовая фикция: достаточно опубликовать извещение лишь на официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на котором размещается информация о деятельности суда, и считается, что обязанность по извещению о возбуждении группового иска в гражданском процессе исполнена, а значит и члены группы лиц должны знать о наличии группового производства.

Выбор публичной формы извещения влечет за собой ряд трудностей:

1. Выбор подходящего СМИ для извещения в каждом конкретном деле. Телевидение, сеть «Интернет», газета, объявление в газете, на доске объявлений в конкретном доме и т.д. – есть различные средства для публичного извещения о возбуждении группового иска. Выбор конкретного способа для извещения не всегда является очевидным. Необходимо одновременно добиться и извещения наибольшего количества членов группы лиц, и действовать с наименьшим ущербом для сторон, в частности, избежать несоразмерные расходы на извещение, не причинить ущерб деловой репутации ответчика и т. д.

Телевидение. В зависимости от масштабности дела извещение посредством телевидения может быть наиболее оптимальным вариантом. Например, в случае наличия спора, затрагивающего права определенных лиц на небольшой территории размещение в региональном телевидении извещения о наличии группового иска будет являться наиболее эффективным и относительно малозатратным средством. В случае, если спор имеет более масштабный характер и/или не имеет прямой связи с конкретной местностью, подобное извещение через региональное телевидение может быть бесполезным, а для обращения на федеральное телевидение потребуются большие денежные средства, что не является оправданной мерой.

Сеть «Интернет». Размещение сообщения на официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на котором размещается информация о деятельности суда, признается надлежащим извещением, однако данный способ не является универсальным. Данный способ извещения позволит лишь известить потенциально тех лиц, которые обратились с самостоятельным иском в данный суд или готовятся с таким иском обратиться. Данный способ не охватывает случаи, когда действует правило об альтернативной подсудности, позволяющий обратиться не в единственный возможный суд (например, потребитель наделен большими возможностями выбора места подсудности). Это обстоятельство препятствуют тому, чтобы каждый член группы лиц мог узнать о наличии группового производства при попытке подачи в суд самостоятельного иска. Следовательно, данный способ не может в полной мере известить всех членов группы лиц.

Размещение извещения на других сайтах неоднозначно, с одной стороны необходимо, чтобы наибольшее количество членов группы лиц получило извещение, с другой - не каждый может получить извещение, размещенное на популярном сайте, размещение также может быть несоразмерно дорогим, а потому недоступным, или же иметь ограниченный доступ (то есть не каждый может получить информацию с конкретного источника).

У следующих источников: газета, радио, объявление в газете, на доске объявлений в соответствующем доме и т.д. аналогичный механизм действий – необходимо исходить из характера спора и его масштабности, чтобы выяснить, позволит ли он охватить наибольшее количество членов группы лиц, является ли требуемая оплата за подобную услугу доступной.

Со стороны ответчика есть риск при публичном извещении претерпеть ущерб деловой репутации и другие издержки при необоснованной подаче искового заявления или иных подобных случаях, что необходимо учитывать при выборе конкретного СМИ. Конечно же, в таком случае можно использовать судебную защиту своих прав, но не всегда это может помочь восстановить деловую репутацию, потому размещение информации о групповом иске публичным способом является большим риском причинения непоправимых последствий. При этом необходимо добиться, чтобы потенциальные участники были уведомлены о возбуждении группового иска. В связи с необходимостью соблюдения баланса данных интересов публичный способ извещения может быть не всегда подходящим.

Таким образом, следует задуматься о большей реализации именно индивидуальной формы извещения о возбуждении группового иска. Данная форма позволит избежать большие затраты на извещение и не допустить непоправимых последствий для репутации ответчика.

Индивидуальная форма извещения предусмотрена в части 4 статьи 244.16 ГПК РФ, согласно которой по ходатайству лица, которое ведет дело в интересах группы лиц, суд может истребовать информацию, на основании которой можно определить иных членов группы лиц и их адреса для направления им предложения о присоединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц. Данный способ нацелен на добросовестное исполнение ответчиком требования суда, но стоит отметить, что ответчик в большинстве случаев не заинтересован в надлежащем извещении потенциальных участников группового иска, вследствие чего может не выполнить или выполнить лишь частично требование суда. Судебный штраф, предусмотренный в статье 105 ГПК РФ, не всегда может простимулировать ответчика исполнить требование суда, так как зачастую выгоднее заплатить судебный штраф, чем при вынесении судебного решения не в пользу ответчика нести расходы больше, чем те, которые были бы в результате с ненадлежащим извещением. Увеличение размера судебного штрафа повысило бы эффективность данной меры.

Индивидуальная форма извещения членов группы лиц о возбуждении группового иска предполагает лишь использование в российском судопроизводстве заказных писем с уведомлением о вручении, согласно статье 113 ГПК РФ. Данный подход представляется весьма неудобным, поскольку использование заказных писем может быть неподъемно дорогим. В судебной практике США суды признали,

что его высокая стоимость не является оправданной [2, с. 142]. С учетом конкретного характера спора при наличии электронных адресов потенциальных участников группового иска извещение посредством использования электронной почты является наиболее доступным способом, однако стоит упомянуть и о риске неполучения электронного письма.

Выводы. Необходимо предусмотреть возможность для сторон выбора формы извещения: индивидуальная или публичная. Общее императивное правило том, что форма извещения должна быть обязательно публичная, не является до конца оправданным, предоставление права на выбор формы извещения для сторон сделало бы механизм извещения о возбуждении группового иска более удобным и способствовало бы соблюдению баланса интересов обеих сторон.

Таким образом, процедура извещения о возбуждении группового иска нуждается в совершенствовании. Как отмечается исследователями, с точки зрения используемых для характеристики модели критериев российский групповой иск является ограниченным, но в то же время предоставляет более широкие возможности для защиты прав и интересов больших групп [3] Так, эксперты полагают, что создание на базе сайта Роспотребнадзора или портала «Госуслуг» сервиса, который оповещал бы граждан о коллективных исках, значительно повлияло бы на рост числа коллективных исков в целом [4].

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ.
2. Долганичев В. В. Возбуждение и подготовка дел группового производства В. В. Долганичев. М.: Статут, 2017. 176 с.
3. Ярков, В. В., Долганичев В. В. Групповые иски: сравнительный анализ // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. № 1. С. 118–133. DOI 10.34076/2619-0672-2020-4-1-118-133.
4. Коллективное сознательное: почему групповые иски непопулярны у россиян. URL: <https://iz.ru/1419437/ksenii-nabatkina/kollektivnoe-soznatelnoe-pochemugruppovye-iski-nepopuliarny-urossiian> (дата обращения: 07.02.2023).

Е. С. Мерзлякова
Студент ПГНИУ
Научный руководитель: А. В. Сятчихин

ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ ПРЕКУРСОРОВ, КУЛЬТИВИРОВАНИЮ НАРКОСОДЕРЖАЩИХ РАСТЕНИЙ

Рассматриваются предъявляемые требования к лицензированию одного из вида предпринимательской деятельности, связанного с легальным оборотом наркотических средств и психотропных веществ такие, как наличие специальной справки специалиста, осуществление отчетности за определенный период деятельности, предъявляемые требования хранению.

Ключевые слова: лицензия, предъявляемые требования, предпринимательская деятельность.

E. S. Merzlyakova
Student, Perm State University
Supervisor: A. V. Syatchikhin

LICENSING OF ACTIVITIES RELATED TO THE TRAFFICKING OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES AND THEIR PRECURSORS, CULTIVATION OF NARCOTIC PLANTS

The requirements for licensing one of the types of entrepreneurial activity associated with the legal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances are considered, such as the availability of a special specialist certificate, reporting for a certain period of activity, and storage requirements.

Keywords: license, requirements, entrepreneurial activity.

Долгое время на территории Российской Федерации лицензирование деятельности, связанной с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, не было законодательно урегулировано.

Лицензирование представляет собой деятельность лицензирующих органов по предоставлению лицензий, продлению срока действия лицензий в случае, если ограничение срока действия лицензий предусмотрено федеральными законами, оценке соблюдения соискателем лицензии, лицензиатом лицензионных требований, приостановлению, возобновлению, прекращению действия и аннулированию лицензий, формированию и ведению реестра лицензий, формированию государственного информационного ресурса, а также по предоставлению в

установленном порядке информации по вопросам лицензирования. В юридической литературе лицензия на занятие какой-либо деятельностью, традиционно трактуется как разрешение.

Основным Федеральным законом в сфере лицензирования наркотических средств и психотропных веществ является Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (далее – Закон), так как он закрепляет организационные начала в данной сфере деятельности [1]. Так, например, в статье 6 данного Закона закреплены органы, уполномоченные осуществлять регулирование, а также осуществлять политику в области противодействия незаконному обороту наркотических средств. Данную деятельность вправе осуществлять: Президент РФ; Правительство РФ; субъекты РФ, которые могут создавать соответствующие органы, специально уполномоченные на решение задач в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту. Также Закон определяет особенности и требования, предъявляемые к условиям осуществления предпринимательской деятельности в сфере легального оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Для получения права на осуществление деятельности, связанной с легальным распространением веществ и средств, находящихся в ограниченном обороте на территории РФ, юридическое лицо, то есть соискатель лицензии должен предоставить в лицензирующий орган, министерство Здравоохранения, заявление, в котором указываются: конкретные наркотические средства и психотропные вещества; копии документов, которые подтверждают наличие соответствующего оборудования, земельного участка. Помимо этого, обязательно предоставляется копия справки, подтверждающая отсутствие у работника, имеющегося доступ к наркотическим средствам, наркотической и алкогольной зависимости и т.д., а для иностранного юридического лица, документы, указанные в части 2 статьи 13.1 Федерального закона «О международном медицинском кластере и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2].

Хранение веществ, находящихся в ограниченном обороте, осуществляется в специально оборудованных помещениях, требования для которых устанавливаются постановлением Правительства Российской Федерации от 17.12.2010 № 1035 «О порядке установления требований к оснащению инженерно-техническими средствами охраны объектов и помещений, в которых осуществляются деятельность, связанная с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, и (или) культивирование наркосодержащих растений». Данные помещения подразделяются на пять категорий, к каждому из которых устанавливаются свои требования.

Помещения, которые предназначены для хранения веществ и средств, находящихся в ограниченном обороте, должны быть оборудованы сейфами или металлическими шкафами, а также тарами, которые опечатываются. По окончании

рабочего дня сейфы, металлические шкафы и помещения должны опечатываться, в целях охраны и предотвращения кражи данных веществ.

Руководитель юридического лица назначает лицо, либо самостоятельно, несет ответственность за хранение наркотических веществ, и устанавливает порядок хранения ключей от сейфа и помещений.

Помимо наличия специально оснащенного помещения юридическое лицо обязано вести журнал регистрации операции на бумажном носителе или в электронном виде [3]. Все операции, которые могут повлечь нарушение условий хранения, то есть перевозка, извлечение из сейфа, отпуск физическим лицам должны быть зарегистрированы в журнале регистрации или на отдельном листе регистрации. Данные действия ведутся по каждому наркотическому средству.

Для контроля регистрации могут быть созданы заверяющие органы, которые подотчетны органу исполнительной власти.

Ежемесячно юридическое лицо проводит инвентаризацию наркотических средств и психотропных веществ, которая проводится комиссией. Состав комиссии определяется руководителем юридического лица. Срок, в течении которого проводится инвентаризация, определяется должностным лицом или уполномоченным им лицом. После проверки в журнале регистрации делается отметка о том, что проверка пройдена или нет.

В случае реорганизации юридическим лицом не позднее дня завершения реорганизации, либо его правопреемником (правопреемниками) в соответствии с передаточным актом или ликвидации юридическим лицом, либо ликвидационной комиссией не позднее дня, следующего за днем прекращения действия лицензии на деятельность по обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, культивированию наркосодержащих растений должны предоставить отчет о его деятельности за период, который не вошел последние представленные до дня реорганизации или ликвидации отчеты.

Учитывая изложенное, можно сделать следующие выводы, для получения лицензии соискатель лицензии должен направить или представить в лицензирующий орган заявление, в котором указываются конкретные наркотические средства и психотропные вещества, а также копии документов, подтверждающие наличие у соискателя лицензии на праве собственности или на ином законном основании, соответствующих установленным требованиям и необходимым для осуществления выше определенной деятельности оборудование, помещений и земельных участков, права, на которые не зарегистрированы в ЕГРН; сведения о наличии лицензии на осуществление медицинской деятельности только в том случае, если лицензиатом является медицинская организация; копию сертификата, подтверждающую подготовку руководителя юридического лица при осуществлении данной деятельности; иметь в собственности специально оборудо-

ванное помещение, наличие специалиста в данной сфере, сейф или металлический ящик для хранения данных веществ, которые подразделяются на несколько групп и т.д.

Но для предпринимательской деятельности существует проблема монополизации оказания данной услуги. Государство регулирует большую часть рынка предоставления данного товара.

Подводя итогу, можно сделать вывод, что юридическое лицо обязано строго соблюдать правила, рекомендации по осуществлению данной деятельности, примером может послужить привлечение к административной ответственности ООО «Центр диагностики и лечения» [4].

Данный центр по оказанию медицинских услуг не соблюдал лицензионные требования такие, как: не соблюдались определенные условия хранения наркотических средств и психотропных веществ; нарушение правил ведения журналов регистрации; неправильно сдавались использованные ампулы из-под наркотических средств; отсутствие работников с соответствующим образованием. Данные нарушения стали основанием для привлечения ООО «Центр диагностики и лечения» к административной ответственности в соответствии с частью 4 статьи 14.1 КоАП РФ.

Литература

1. О наркотических средствах и психотропных веществах: Федер. закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 08.12.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О международном медицинском кластере и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 29.06.2015 № 160-ФЗ (ред. от 26.07.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Постановление Правительства РФ «О порядке представления сведений о деятельности, связанной с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также о культивировании растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и регистрации операций, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в результате которых изменяются количество и состояние наркотических средств и психотропных веществ, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» от 30.11.2021 №2117 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.09.2013 № 18АП-7508/2013 по делу № А76-6647/2013 Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А. И. Минеева
Студент ПГНИУ
Научный руководитель: Е. В. Любимова

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ КАК СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается понятие и сущность электронных документов. Анализируется судебная практика принятия судами электронных документов в качестве доказательств, а также рассмотрен порядок сбора (представления и истребования) электронных документов.

Ключевые слова: электронные доказательства, электронный документ, письменные доказательства, электронная подпись.

A. I. Mineeva
Student, Perm State University
Supervisor: E. V. Lyubimova

ELECTRONIC DOCUMENTS AS A MEANS OF PROOF IN CIVIL AND ARBITRATION PROCEDURES

The article discusses the concept and essence of electronic documents. The judicial practice of courts accepting electronic documents as evidence is analyzed, and the procedure for collecting (submitting and requesting) electronic documents is also considered.

Keywords: electronic evidence, electronic document, written evidence, electronic signature.

Современное общество уже невозможно представить без развития информационных технологий. Стремительное развитие науки и техники приводит к открытию новых источники информации, которые постоянно и быстро меняются. Подобная информатизация оказывает влияние не только на область материального права, но и на область процессуального права. На сегодняшний день процессуальные кодексы не содержат конкретных критериев достоверности информации, полученной из электронных источников, отсутствие таких критериев осложняет процесс доказывания и приводит к сложности их применения как доказательства.

Наиболее широкое понятие электронного документа можно сформулировать следующим образом:

Электронный документ – это информационные данные, которые записываются или хранятся на любом носителе в компьютерной системе или другом

подобном устройстве, или с их помощью, и которые могут быть прочитаны или восприняты человеком, компьютерной системой или другим подобным устройством.

Электронный документ – это информационные данные, которые записываются или хранятся на любом носителе в компьютерной системе или другом подобном устройстве, или с их помощью, и которые могут быть прочитаны или восприняты человеком, компьютерной системой или другим подобным устройством.

В отечественном судопроизводстве имеются примеры принятия судами электронных документов в качестве доказательств принятия судами электронных документов в качестве доказательств. Например, согласно судебным решениям, заключение договора может подтверждаться обменом электронными копиями подписанных экземпляров договора и переписка по э/почте принимается судами в качестве доказательства заключения договора.

Так, в рамках одного из дел переписка сторон через мессенджер WhatsApp и электронной почты, оценены в их совокупности и взаимосвязи по правилам статьи 1 АПК РФ [1]. Судам также была принята и приобщена к материалам дела переписка сторон, представленная виде скриншотов на персональном компьютере ответчика. Совокупность представленных доказательств подтверждает довод ответчика о заключении дополнительных соглашений (подтвержден факт заключения договора) [2].

В другом случае в решении суда указано, что договор, представленный хоть и в электронном виде, но содержащий существенные условия, подписи и печати сторон и заключен в надлежащей форме, акты содержат ссылки на договор, подписаны арендатором без замечаний, арендатор признавал наличие договора, отсутствие оригинала договора не исключает его достоверность, наличие задолженности подтверждено [3].

В настоящее время суды относительно положительно относятся к электронным документам. Стоит заметить, что, например, арбитражные суды в большинстве своем признают даже распечатки с сайтов, различные скриншоты с мессенджеров в качестве допустимых доказательств. В этом плане суды общей юрисдикции более консервативны и считают, что «такая разновидность» доказательств не предусмотрена в ГПК РФ [4].

Судебная практика относит электронные документы к таким документам, которые были созданы с использованием электронной цифровой подписью, а также переписку по электронной почте, посредством интернет-мессенджеров, СМС-сообщений, веб-страницы в сети Интернет и др.

Однако, на практике в случае спора суды не всегда однозначно подходят к вопросу о юридической силе таких электронных документов, так как записи являются электронными, это делает их более гибкими, и поэтому их подлинность и надежность следует рассматривать более внимательно. Проще говоря, сложности возникают в связи с особой формой документа, благодаря которой становится легко фальсифицировать содержание.

Необходимо обратить внимание на то, что электронные документы в отечественном законодательстве в качестве самостоятельного средства доказывания не фигурируют. Вместе с тем, в статье 71 ГПК РФ и статье 75 АПК РФ указано, что письменными доказательствами, в том числе, являются «документы и материалы, выполненные в форме цифровой записи, полученные посредством... электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также иные документы, выполненные в форме цифровой, графической записи или иным способом, позволяющим установить достоверность документа».

Кроме этого, порядок сбора (представления и истребования) и условия, позволяющие отнести электронные документы к разряду письменных доказательств, сформулированы в пункте 2 статьи 160, частях 5, 6 статьи 183, статьях 363, 376, 425, пункте 2 статьи 434 ГК РФ (часть первая); подпункте 11.1 статьи 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», пункте 5 статьи 9 Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» [5]; Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [6].

Проведенное изучение и обобщение информации по рассматриваемому вопросу показывает, что в действующем законодательстве Российской Федерации отсутствуют нормы, непосредственно регулирующие сбор (представление и истребование) электронных источников информации в качестве доказательств в суд. Законодательство фиксирует лишь общие положения, регламентирующие порядок работы с доказательствами в целом. В настоящее время нет и единой формы представления и истребования электронных документов, зафиксированной в нормативно-правовых актах и стандартах.

Поскольку законодателем электронные документы отнесены к письменным доказательствам, следовательно, по аналогии, к ним должны применяться общие правила о порядке сбора и исследования письменных доказательств. Представление электронных документов, по аналогии с письменными доказательствами является прерогативой лиц, участвующих в деле. Истребование электронных документов относится к числу полномочий суда (суд оказывает содействие в собирании доказательств).

При исследовании электронных документов, представленных в качестве доказательств, в судебном процессе, суд в соответствии со статьями 55, 59–61, 67, 181 ГПК РФ, статьями 64–71, 162 АПК РФ предварительно проверяет их относимость и допустимость, а также выясняет, является ли их содержание достаточно полным и ясным, достоверным, т.е. идентичным, аутентичным и подлинным.

При исследовании электронных документов важную роль играет помощь специалистов в области информационных технологий, поскольку при простом визуальном осмотре могут возникнуть сомнения в подлинности представленных или истребованных электронных документов, так как они, как в принципе, и любые

инные доказательства, могут быть сфальсифицированы или изменены до невозможности восприятия человеком. При недостаточности консультаций привлеченных специалистов, проводятся соответствующие судебные экспертизы, которые являются еще более надежным инструментом для установления и подтверждения допустимости электронных документов.

Кроме этого, судом в обязательном порядке исследуется электронные документы на предмет соблюдения атрибутики, т.е. наличия необходимых реквизитов.

В. В. Сас и С. С. Хачатурова указывают, что такие документы должны содержать достоверную и правдивую информацию, а также содержать реквизиты, соответствующие определенным требованиям и установленным правилам. Особенно важным является наличие электронной подписи, появление которой связано с необходимостью проверки достоверности информации, к тому же она выполняет функцию идентификации автора или лица, подписавшего документ [7, с. 103; 8, с. 62].

Верховный Суд Российской Федерации выделяет не только особый способ создания электронного документа – электронная форма, но и вводит обязательный для него реквизит – электронную подпись. Наличие такого атрибута как подпись, делает документ достоверным, а соответственно и возможным для рассмотрения его в суде в качестве доказательства [9, с. 144; 10, с. 520].

В связи с тем, что законодательная и нормативная регламентация представления и истребования электронных документов в настоящее время отсутствует, в современной судебной практике принимаются различные формы электронных документов.

Анализ судебной практики и теоретической литературы позволяет выделить ключевые характеристики электронных документов:

1. Подлинность – идентификационные данные;
2. Достоверность – полное и исчерпывающее изложение фактов;
3. Целостность – исключение факта изменения документа после его создания;
4. Применимость – возможность воспроизведения и использования документа в любое время.

В связи с выше сказанным, оценивая электронный документ как доказательства, особое внимание необходимо обращать на его допустимость и достоверность, особое значение имеет идентификация и аутентификация источника происхождения информации. С ростом использования электронных документов и развитием информационно-телекоммуникационных технологий возникает потребность закрепления на законодательном уровне современных высокотехнологичных средств доказывания, а современная законодательная реальность от «фактической процессуальной деятельности», о которой писал еще в прошлом веке профессор А. Т. Боннер [11; 12], по-прежнему существенно отстает и бесспорно нуждается в адаптации в соответствии с инновациями современности.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14.11.2022 № Ф06-23757/2022 по делу № А57-5658/2021 [Электронный доступ]. Доступ из справ.-правовой системе «КонсультантПлюс».
3. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.04.2021 № Ф09-1869/21 по делу № А60-28828/2020. [Электронный доступ]. Доступ из справ.-правовой системе «КонсультантПлюс».
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
5. О бухгалтерском учете: Федер. закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. от 12.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7344.
6. Об электронной подписи: Федер. закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2036.
7. Сас В. В. «Электронное правосудие» как элемент «сетевого общества»: теоретические проблемы // Юридическая наука. 2012. № 2. С. 101–104.
8. Хачатурова С.С. Электронная цифровая подпись: удостоверение подлинности документа // Наука, техника и образование. 2016. № 9. С. 61–62.
9. Ключев С. Г. Новый формат представления документов в электронном виде // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 4. С. 143–145.
10. Антрушина Д. А. Проблемы категориального аппарата электронного документооборота гражданских правоотношениях // Вопросы российской юстиции. 2020. № 6. С. 514–529.
11. Боннер А.Т. Гражданский процессуальный закон и фактическая процессуальная деятельность // Труды Всесоюзного юридического заочного института. М.,1977. Т. 51. 800 с.
12. Боннер А. Т. Избранные труды: в 7 т. Т. 5. Проблемы теории судебных доказательств. М.: Проспект, 2017. 556 с.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ТРАНСПОРТНО-ЭКСПЕДИТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ СТОРОН

В статье проводится анализ законодательства Российской Федерации в сфере транспортной экспедиции, а также рассматриваются предложения по совершенствованию законодательства в сфере транспортно-экспедиторских услуг в России. Автор обосновывает необходимость законодательного закрепления ряда нововведений, направленных на соблюдение баланса интересов участников правоотношений - экспедиторов и клиентов.

Ключевые слова: транспортно-экспедиторские услуги, удержание грузов, обязательства сторон, баланс интересов, скоропортящиеся грузы.

Ya. K. Mishin

Student, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping
(Saint-Petersburg)

IMPROVEMENT OF LEGISLATION IN THE FIELD OF FREIGHT FORWARDING ACTIVITIES: ENSURING A BALANCE OF INTERESTS OF THE PARTIES

In this article, the author analyzes the legislation of the Russian Federation in the field of freight forwarding and examines proposals for improving the legislation in the field of freight forwarding services in Russia. The author substantiates the need for legislative consolidation of a number of innovations aimed at maintaining a balance of interests between the parties to the legal relationship – freight forwarders and clients.

Keywords: freight forwarding services, cargo retention, obligations of the parties, balance of interests, perishable goods.

Транспорт имеет большое значение в развитии экономики любого государства. Безусловно, данная сфера во все времена нуждалась в качественном правовом регулировании. Российский законодатель всегда осознавал важность развития транспортного законодательства, в связи с чем в 2003 году был принят Федеральный закон № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» [1]. До принятия данного закона основными положениями, которыми руководствовались юридические лица, осуществляющие вспомогательную и прочую деятельность, связанную с перевозками, были статьи гражданского кодекса, в частности, статья 801, которая не была способна в полной мере описать специфику транспортной экспедиции [2]. ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» в

значительной степени упростил и конкретизировал правовое регулирование данного вопроса. Благодаря нему были конкретизированы права и обязанности сторон по договору транспортной экспедиции, ответственность сторон и порядок разрешения споров. Не смотря на качественную проработку данного нормативно-правового акта, в наши дни сохраняются некоторые положения нуждающиеся в корректировке и уточнении.

Вопросы, связанные с удержанием груза заказчика до уплаты вознаграждения, также прописаны в данном нормативно-правовом акте. Так, в соответствии с пунктом 3 статьи 3 87 ФЗ, экспедитор, если это предусмотрено договором транспортной экспедиции, вправе удерживать находящийся в его распоряжении груз до уплаты вознаграждения и возмещения понесенных им в интересах клиента расходов или до предоставления клиентом надлежащего обеспечения исполнения своих обязательств в части уплаты вознаграждения и возмещения понесенных им расходов. В этом случае клиент также оплачивает расходы, связанные с удержанием имущества. За возникшую порчу груза вследствие удержания груза ответственность также несет клиент.

Законодатель внедрил данную норму с целью защиты интересов экспедитора, обеспечивая таким образом заинтересованность клиента в своевременной и полной оплате услуг экспедитора. В случае если клиент вовремя не оплатил услуги по сопровождению груза, экспедитор вправе удерживать данный груз, более того удерживать груз, за который уже произведена оплата тем же клиентом, в связи с чем у клиента могут быть нарушены обязательства перед третьими лицами, а также может пострадать его профессиональная репутация. Поэтому клиенту выгодно вести себя добросовестно и в срок исполнять все свои обязательства по оплате. На первый взгляд, данная норма может показаться крайне удачной, однако ее практическая реализация не всегда позволяет соблюсти баланс интересов сторон договора.

Зачастую экспедитор злоупотребляет своим правом в договорах на транспортно-экспедиторское обслуживание и допускает реализацию любых перевозимых или удерживаемых им грузов с обращением полученной выручки на погашение задолженности, в случае отсутствия оплаты услуг экспедитора несмотря на то, что данная реализация должна быть признана незаконной, т.к. Экспедитор не является собственником и не может распоряжаться грузом. Как правило данное действие создает значительные проблемы и в последствии ведет к длительным судебным разбирательствам и ненужным затратам для всех заинтересованных лиц.

При всем этом стоит учитывать, что сами экспедиторы пользуются услугами других экспедиторов для осуществление своих обязательств перед клиентами. Особенно остро данная проблема ощущается при заключении договора с иностранными компаниями, которые не являются резидентами стран, входящих в

ЕАЭС. Таким образом возникает ситуация, в которой экспедитор может реализовать имущество, которое не принадлежит его прямому клиенту, тем самым нарушив права не только клиента, но и третьего лица. Более того также существует проблема, связанная с реализацией груза ниже себестоимости.

В качестве решения данной проблемы автором предлагается запретить удерживать грузы, подверженные скоротечной порче. Это позволит создать здоровую практику взаимоотношений между экспедитором и клиентом и лишь в незначительной степени снизит защищенность компаний, осуществляющих транспортно-экспедиторскую деятельность. Также данная новация улучшит предпринимательский климат в России и повысит благонадежность российских экспедиторов в глазах мирового сообщества. С целью соблюдения баланса интересов сторон также предлагается законодательно закрепить обязательное авансирование в размере 50% от стоимости услуг экспедитора в договорах, связанных с экспедированием скоропортящихся грузов. Таким образом, это позволит исключить необходимость удержания груза Экспедитором и обезопасит обе стороны договора.

Более того, есть возможность соблюсти баланс интересов сторон, путем предусмотрены авансового порядка оплаты или же, частично авансового порядка платежа. Также существуют договоры, в которых предусмотрен как авансовый платеж, так и право на удержание и реализацию груза, что делает наличие пункта об удержании и реализации груза еще более обременительным для клиента. В связи с этим, по мнению автора, будет целесообразным законодательно закрепить запрет на реализацию грузов в случае неисполнения своих обязательств перед экспедитором, а также ограничить право на удержания груза и допускать его только в случае, если правоотношениями между сторонами не предусмотрена авансовая форма оплаты, а также экспедирование не связано со скоропортящимся грузом.

Таким образом, для усовершенствования и актуализации законодательства в области оказания услуг по транспортно-экспедиторскому обслуживанию необходимо ограничить права экспедитора в области удержания груза. В частности, запретить экспедитору удерживать скоропортящийся груз в случае наличия авансовой формы оплаты.

Литература

1. О транспортно-экспедиционной деятельности: Федер. закон от 30.06.2003 № 87-ФЗ (ред. от 18.03.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2701.
2. Дмитриев П. А., Костюк Н. Н. Проблемы, возникающие в процессе исполнения договора поставки продукции посредством оказания услуг по транспортно-экспедиционному обслуживанию, и пути их решения // Вестник науки. 2023. №1 (58). С. 238–243.

ПЕРЕВОЗКА ГРУЗА БЕСПИЛОТНЫМ ТРАНСПОРТОМ: СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

На основе существующего экспериментального правового режима и законопроекта рассматривается возможный перечень лиц, на которых может быть возложено несение гражданско-правовой ответственности за повреждение груза при осуществлении перевозки груза с применением беспилотного транспорта.

Ключевые слова: перевозка груза, беспилотный транспорт, гражданско-правовая ответственность.

M. Yu. Nazarov
Assistant in Department
Perm State University

TRANSPORTATION OF CARGO BY UNCREWED VEHICLE: SUBJECT OF CIVIL LIABILITY

On the basis of the existing experimental legal regime and the bill, a possible list of persons who may be charged with civil liability for damage to cargo when transporting goods using uncrewed vehicles is being considered.

Keywords: cargo transportation, uncrewed vehicle, civil liability.

Перевозки грузов являются одной из основных отраслей как мировой экономики в целом, так и российской в частности [1, с. 465]. Применение беспилотных технологий – одно из перспективных направлений развития. Так, с июля 2023 г. проводится эксперимент беспилотных грузоперевозок на трассе М-11 [2], в марте 2024 г. Минтрансу поручено проработать вопрос о расширении эксперимента на трассы М-12 и М-4 [3]. Тем не менее учеными в качестве наиболее перспективной сферы рассматривается железнодорожный транспорт [4, с. 301].

Специалистами в литературе выделяется достоинства и недостатки применения беспилотного транспорта в перевозочной деятельности.

Начнем с положительных аспектов. Во-первых, это снижение затрат на организацию перевозок и сокращение количества ДТП [4, с. 301]. Во-вторых, исключение человеческого фактора положительно влияет на повышение общей безопасности [5, с. 41].

При этом применение беспилотного транспорта имеет и недостатки. Участники рынка отмечают, что такие перевозки экономически нецелесообразны [6],

надежность автоматизированных систем в отсутствие контроля человека приводит к происшествиям [5, с. 42], существуют социальные риски, связанные с сокращением рабочих мест [7, с. 292] и общим недоверием к беспилотному транспорту [8, с. 5].

Однако перейдем к главному недостатку – а именно к необходимости учета рисков от участия в перевозке дополнительных лиц [9, с. 7]. Появляются такие лица, как разработчик, производитель и оператор беспилотного транспортного средства, помимо собственно перевозчика и владельца данного транспортного средства.

Важно, что в настоящее время законодательство и судебная практика в данной сфере отсутствует, в науке считается, что вред, причиненный беспилотным транспортным средством, необходимо рассматривать как вред, причиненный источником повышенной опасности [10, с. 108].

Существующий проект Федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах» [11] до сих пор не внесен Госдуме. Ценность в данном законопроекте представляет перечень новых терминов, среди которых есть в том числе: владелец, диспетчер и производитель высокоавтоматизированного транспортного средства.

При этом ключевым недостатком данного проекта является то, что ответственность за причинение вреда не определена, есть лишь ссылка на действующее законодательство. Однако именно вопросы ответственности являются одними из основных в сфере беспилотного транспорта. Экспертное заключение [12] также оценивает законопроект негативно. В частности, отмечается, что проект носит рамочный характер и положения не предусматривают самостоятельного регулирования.

Стоит заметить, что в отсутствие законодательства, правовое регулирование беспилотного транспорта отчасти уже существует, однако носит фрагментарный характер. Так, в 2022 году принята Программа экспериментального правового режима [13].

В отличие от законопроекта, в данной программе предусмотрена обязанность страхования риска ответственности по обязательствам вследствие причинения вреда на сумму не менее 10 млн. рублей в отношении каждого транспортного средства. Также частично решен вопрос ответственности (только при причинении вреда жизни и здоровью) – ответственность несет оператор транспортного средства при ненадлежащей маршрутизации и диспетчеризации и единоличный исполнительный орган субъекта экспериментальной программы при неисправности транспортного средства.

В перевозке груза с применением беспилотного транспорта можно рассматривать несколько потенциальных субъектов, на которых можно возложить гражданско-правовую ответственность за повреждение груза.

Во-первых, это перевозчик. Для грузоотправителя и грузополучателя с точки зрения ответственного субъекта не имеет значение, каким образом осуществляется перевозка груза с применением беспилотного транспорта или нет. Ответственность несет только перевозчик, который уже в рамках регрессных требований может рассматривать ответственного субъекта.

Во-вторых, это разработчик беспилотной транспортной системы. Разработчик с точки зрения экономического анализа права установил систему рационального выбора для беспилотной системы, то есть он создал правило, согласно которому беспилотный транспорт потенциально может причинить вред, отдавая управляющие сигналы на основе поступающей информации из внешнего мира.

Далее, разработчик беспилотной транспортной системы не всегда тождественен производителю данного транспортного средства. Поэтому необходимо учитывать риск, что вред может быть причинен вследствие производственных недостатков. Подобный риск не может контролировать как разработчик, так и конечный владелец подобной системы.

В-третьих, это владелец беспилотного транспортного средства. Порядок ответственности владельца беспилотного транспорта за вред перед третьими лицами в настоящее время может рассматриваться как вред, причиненный источником повышенной опасности, в качестве которого выступает само транспортное средство, вне зависимости пилотируемое оно или нет.

В итоге, наиболее целесообразный и обоснованный вариант несения гражданско-правовой ответственности заключается в построении последовательности лиц: 1) перевозчик – как непосредственный контрагент грузовладельца; 2) владелец беспилотного транспортного средства – как источника повышенной опасности; 3) производитель беспилотного транспортного средства или разработчик беспилотной транспортной системы – в зависимости от причины возникновения вреда.

Литература

1. Предпринимательское право: учебник / ред. В. Г. Голубцов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. 482 с.
2. SberAutoTech и один из ведущих автомобильных грузоперевозчиков Globaltruck запустили коммерческие беспилотные грузоперевозки // Безопасное беспилотное будущее. URL: <https://sberautotech.ru/news/GlobalTruck-cargo-transportation> (дата обращения: 31.03.2024).
3. Михаил Мишустин дал поручения по итогам стратегической сессии о реализации инициатив социально-экономического развития: технологический рывок // Новости – Правительство России. URL: <http://government.ru/news/51199/> (дата обращения: 31.03.2024).
4. Смирнов А.Ю. Инновации в развитии транспортной системы Санкт-Петербурга // Вестник Академии знаний. 2022. № 50 (3). С. 299–302.
5. Малышев М.И. Инновации в области городского общественного транспорта и перспективы внедрения принципов новой мобильности // Научный Вестник МГТУ ГА. 2022. Т. 25. № 3. С. 36–50.
6. Обсуждается расширение тестов беспилотных грузовых автоперевозок на ЦКАД и М-12 // Интерфакс: новости. URL: <https://www.interfax.ru/russia/953057> (дата обращения: 31.03.2024).

7. Латыпова К. Э. Салимов К. Э. Пути совершенствования рынка беспилотных грузоперевозок // Эпомен: экономические науки. 2023. № 2. С. 286–293.
8. Васильева Н. Н., Король Р. Г. Теоретические вопросы организации перевозок с помощью беспилотных транспортных систем // Инновационный транспорт. 2023. № 2 (48). С. 3–6.
9. Лещов Г.Ю. Современные аспекты формирования нормативно-правовой базы для создания инфраструктуры беспилотного транспорта // Вестник евразийской науки. 2022. Т. 14. № 1. С. 1–11.
10. Дроздова М.А. Актуальные вопросы международно-правового регулирования применения беспилотных технологий на железнодорожном транспорте в рамках ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 2 (44). С. 102–110.
11. Проект Федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (подготовлен Минтрансом России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 19.05.2022): Официальный сайт для размещения информации о подготовке нормативных правовых актов и результатах их обсуждения. URL: <https://regulation.gov.ru> (дата обращения: 31.03.2024).
12. Экспертное заключение по проекту федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 19.05.2022 № 219-2/2022) [Электронный ресурс]: Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств на территориях отдельных субъектов Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 29.12.2022 № 2495 (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1 (часть II). Ст. 300.

Т. В. Паначева
Студент ПГНИУ
Научный руководитель: Т. В. Шершень

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА КАК ОБЪЕКТА НЕДВИЖИМОСТИ

Несмотря на то что законодательство не содержит определения имущественного комплекса, его можно установить и раскрыть через его составляющие. В статье рассмотрен вопрос о соотношении понятий «недвижимость», «недвижимое имущество» и «недвижимые вещи», произведен анализ категории, выявлены причины законодательного выделения такой сложной правовой конструкции как имущественный комплекс.

Ключевые слова: недвижимость, недвижимые вещи, недвижимое имущество, недвижимость в силу природы, недвижимость в силу закона, недвижимость по назначению, имущественные комплексы, предприятие, единый недвижимый комплекс, многоквартирный дом.

T. V. Panacheva
Student, Perm State University
Supervisor: T. V. Shershen

ON THE ISSUE OF DEFINING THE CONCEPT OF A PROPERTY COMPLEX AS A REAL ESTATE OBJECT

Despite the fact that the legislation does not contain a definition of the property complex, it can be established and disclosed through its components. The article considers the question of the relationship between the concepts of "real estate", "immovable property" and "immovable things", analyzes the category, identifies the reasons for the legislative allocation of such a complex legal structure as a property complex.

Keywords: real estate, immovable things, immovable property, real estate by nature, real estate by law, real estate for its intended purpose, property complexes, enterprise, single immovable complex, apartment building.

Категорию недвижимых вещей законодатель раскрывает в статье 130 ГК РФ [1], вместе с ней упоминает «недвижимость» и «недвижимое имущество», что дает основание для их истолкования как синонимов. Однако анализ норм статей 128 и 130 ГК РФ свидетельствует, о различии категорий. Статья 128 ГК РФ содержит в качестве разновидности имущества – имущественные права. На основании того, что они входят в состав имущества, это дает утверждать, что понятие «имущество» значительно шире термина «вещь», потому что охватывает как вещи, так и имущественные права. Понятие «имущество» наряду с «вещью», поэтому охватывает

имущественные права. Следовательно, «недвижимая вещь» не ставится в один ряд с «недвижимым имуществом» и данную категорию можно включить в последнее в качестве составной части. По мнению Н. В. Диаковской [2], при реализации понятия недвижимости необходимо обратиться к опыту зарубежных стран, причисляя к анализируемому понятию имущественные права на недвижимые вещи. В законодательстве Франции и Германии и др. к недвижимости относят иные виды имущества, которые включают имущественные права. На сегодняшний день введение имущественных прав в содержание понятия «имущество», возможно, но во взаимосвязи с вещами иными (ст. 132 ГК РФ). О. М. Козырь [3] полагает, что «недвижимость», упоминаемая в статье 130 ГК РФ, больше отвечает признакам «недвижимой вещи», но термин «недвижимое имущество» больше присущ предприятию. Данный подход основан на том, что понятие предприятия гораздо шире и включает в себя множество разнородных элементов, следовательно, более попадает под характеристику имущественного комплекса. Состав такого комплекса может включать вместе с недвижимыми вещами и иные объекты гражданских прав, считающиеся по своей природе вещами движимыми, или же вообще не считающимися таковыми.

По мнению Г. В. Чубукова [4], недвижимое имущество создает человек, данная категория обладает имущественной составляющей, которая определяется количеством человеческого труда, вложенного в их создание. Недвижимое имущество признается связывающим понятием по отношению к «недвижимости», «недвижимой вещи», данные дефиниции могут быть включены в упомянутую категорию. Однако «недвижимая вещь» включает в себя помимо зданий, сооружений и пр., также и земельный участок под данной недвижимостью. Следовательно, при необходимости обозначения имущества, будет логичным употребление термина «недвижимая вещь», а также «недвижимое имущество», но в значении не только совокупности вещей, а также и имущественных прав, долгов, прав требования, которые связаны с данным недвижимым имуществом.

В силу статьи 130 ГК РФ объекты недвижимости можно разделить на три группы. Первая включает вещи недвижимые по своей природе: земельные участки и участки недр. До введения Водного кодекса РФ [5] в данную группу входили также обособленные объекты водных ресурсов (были исключены в 2006 г.). Объектом недвижимости считаются не сами воды, хотя и связанные с дном и берегом водного объекта, а участок земли, на котором данный объект располагается. Поэтому данные объекты не могут рассматриваться как недвижимость в силу того, что их физические характеристики постоянно меняются [6]. Леса и многолетние насаждения [7] признаются улучшением земельного участка, на основании этого они были исключены в 2006 г. из перечня объектов недвижимости. Недви-

жимостью считаются участки земли, на которых они расположены. Также подлежат включению в эту группу объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно: здания, сооружения. В 2004 году к ним отнесли объекты незавершенного строительства. Они признаются «не застроенными» земельными участками [8], из этого следует признак неразрывной связи с ним. Данный объект становится оборотоспособным после того как будут произведены работы, результат которых имеет неразрывную связь с землей, также заложен фундамент, проведена процедура государственной регистрации. Без нее объект незавершенного строительства будет набором строительных материалов, к которым свои усилия приложил человек и только после связи с земельным участком из самостоятельной вещи объект преобразуется в недвижимое имущество.

С 1 января 2017 г. законодатель определился со статусом машино-места и признал его самостоятельным объектом недвижимости. Во-первых, машино-место относится к недвижимости только, если является частью здания или сооружения, благодаря данному признаку разграничивается машино-место со стоянками на земельном участке. Во-вторых, машино-место необходимо индивидуализировать, а именно определить его границы проектной документацией здания, при расположении на асфальтовом покрытии, так оно разграничивается с парковкой, которая также обустроена и оборудована, но является частью автомобильной дороги, из этого следует, что машино-место может быть расположено только в подземной автостоянке.

Ко второй группе недвижимого имущества закон относит объекты, которые признаны недвижимостью не в силу их естественных свойств, а по иным причинам. К недвижимости относятся, подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, которые способны к пространственному перемещению без ущерба назначению, а также специально предназначены для этого. Признание их недвижимостью обусловлено большой стоимостью данных объектов и необходимостью реализации повышенной надежности правил их оборота.

Третью группу составляют имущественные комплексы, как особые, самостоятельные гражданско-правовые объекты, выделение их в качестве недвижимого имущества вызвано тем, что все входящие в состав комплекса элементы в отдельности признаются самостоятельными вещами, со своим правовым режимом. Главная проблема – объединение всех объектов в один. Значение данного объединения в том, что все элементы должны иметь одну юридическую судьбу, поэтому имущественный комплекс признается системой, которая включает в себя вещи, имущественные права, а назначение системы проявляется в том, и что они имеют общую судьбу ее составляющих [9].

Предприятие является сложной вещью, потому что состоит из недвижимого и движимого имущества, а также имущественных прав в совокупности дает основание рассматривать данный объект как единое целое. Единый недвижимый комплекс относится к недвижимому имуществу, в его составе находятся объекты, которые связаны общим назначением и не могут существовать обособленно, комплекс как одна недвижимая вещь подлежит государственной регистрации, что является одним из признаков отнесения данного объекта к недвижимости. Многоквартирный дом стоит отождествлять с имущественным комплексом, поскольку данный уникальный объект включает в себя не только совокупность простых объектов недвижимости в обычном ее понимании, но и общую долевую собственность субъектов на имущество, которое расположено в доме, то есть имущественные права на объекты недвижимости.

Статус недвижимого имущества присущ имущественному комплексу неспроста. Во-первых, он является одной из важнейших составляющих экономического благополучия общества, является большой ценностью для государства, обеспечивая ее развитие, что определяет порядок обращения комплекса в имущественном обороте. Во-вторых, в комплексе фигурирует множество традиционных как недвижимых объектов, так и движимых. Так, Девятый Арбитражный Апелляционный Суд в Определении от 22.12.2021 указал, что по отдельности каждый объект сам не может признаваться недвижимым в силу естественных свойств и его нельзя свести к объектам недвижимости. Однако, в случае, если такой объект, не имея прочной связи с землей, а также самостоятельного правового значения или данный объект имеет четко, выраженный подчиненный характер, соединяясь с другими частями в составной вещи, то данный объект признается недвижимостью в составе имущественного комплекса [10]. В-третьих, как объект недвижимости, имущественный комплекс, подлежит государственной регистрации в качестве единой вещи, которая включает в себя различные объекты и регистрации во всех случаях подлежит комплекс в целом как единая недвижимая вещь.

Таким образом, недвижимое имущество постоянно подвергается изменениям и дополнениям со стороны законодателя, одни объекты исключают из его перечня, другие подлежат включению, и на основании того, что многие объекты достаточно сложно зарегистрировать в качестве недвижимости, они подлежат исключению из данного перечня, а также в случаях, когда одни объекты признаются улучшением земельного участка, они не причастны к категории недвижимости, а будут служить лишь неким ее улучшением. Имущественные комплексы признаются достаточно сложной правовой конструкцией, так как представляет собой не простую совокупность вещей, а связанный логически их конгломерат, который обладает единой целью действия комплекса.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1: Федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 130.
2. Диаковская Н. В. Правовое регулирование государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: автореф. ... канд. юрид. наук. М, 2001. С. 23–46.
3. Козырь О. М. Недвижимость в новом Гражданском кодексе России // Гражданский Кодекс России: проблемы, теория, практика // отв. ред. Маковский А. Л., М., 1998. С. 137–140.
4. Чубуков Г.В. Земельная недвижимость как правовая категория // Экологическое право. 2002. № 3. С. 34–37.
5. Водный кодекс Российской Федерации. Федер. закон от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. 2006. № 12. Ст. 7.
6. Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе / под общ. ред.: Витрянский В. В., Козырь О. М., Маковская А. А. М.: Статут, 2004.
7. Лесной кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 50. Ст. 130.
8. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 559 с.
9. Лаптева А. М. Понятие «Имущественный комплекс» // Ленинградский юридический журнал. 2010. С. 203–211.
10. Апелляционное определение Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.12.2021. № 09АП-48149/21. [Электронный ресурс]. Доступ из системы «ГАРАНТ».

Г. А. Пачин
Студент ПГНИУ
Научный руководитель: Э. М. Фролович

К ВОПРОСУ ОБ ОТКАЗЕ ПРОКУРОРА ОТ АДМИНИСТРАТИВНОГО ИСКА

Рассмотрены проблемные вопросы, связанные с участием прокурора в административном процессе посредством обращения в суд с административным исковым заявлением. Обозначены недостатки административного процессуального законодательства в части последствий отказа прокурора от административного иска, поданного им в защиту прав, свобод и законных интересов граждан. Предложены изменения для совершенствования положений законодательства, регулирующих отказ прокурора от административного искового заявления в целях защиты прав и свобод граждан.

Ключевые слова: прокурор, административное судопроизводство, отказ от административного иска, полномочия прокурора в административном процессе.

G. A. Pachin
Student, Perm State University
Supervisor: E. M. Frolovich

ON THE ISSUE OF THE PROSECUTOR'S REFUSAL FROM AN ADMINISTRATIVE CLAIM

The problematic issues related to the participation of the prosecutor in the administrative process by applying to the court with an administrative statement of claim are considered. The shortcomings of the administrative procedural legislation are outlined in terms of the consequences of the prosecutor's refusal from an administrative claim filed by him in defense of the rights, freedoms and legitimate interests of citizens. Amendments are proposed to improve the provisions of legislation governing the refusal of the prosecutor from an administrative statement of claim in order to protect the rights and freedoms of citizens.

Keywords: prosecutor, administrative proceedings, refusal of an administrative claim, powers of the prosecutor in the administrative process.

Прокурор при участии в судебном разбирательстве в качестве административного истца пользуется правами и обязанностями, которые предоставлены КАС РФ сторонам спора. Одним из специальных прав является отказ прокурором от административного иска, который вызывает в научной литературе существенные вопросы.

Как уже отмечено, прокурор вправе отказаться от поданного им административного иска в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина. При таких обстоятельствах суд оставляет административное исковое заявление без рассмотрения в случае, если само лицо или его представитель (законный представитель) не откажется от иска. В случае поступления отказа от указанных лиц, суд прекращает производство по делу, если это не противоречит закону и не нарушает права гражданина (ч. 6 ст. 39 КАС РФ).

Анализируя отказ от административного иска, следует также рассмотреть отказ прокурора от иска в гражданском процессе, а именно последствия такого отказа.

В соответствии с частью 2 статьи 45 ГПК РФ в случае отказа прокурора от заявления, поданного в защиту законных интересов другого лица, рассмотрение дела по существу продолжается, если это лицо или его законный представитель не заявит об отказе от иска. При отказе истца от иска суд прекращает производство по делу, если это не противоречит закону или не нарушает права и законные интересы других лиц [1].

Из приведенных норм процессуального законодательства прослеживается, что последствия отказа прокурора от административного иска и от иска в гражданском процессе значительно отличаются.

В сравнении с гражданско-процессуальным правом законодателем приняты кардинально новые положения в Кодексе административного судопроизводства РФ.

Так, в гражданском процессе при отказе прокурора от иска суд продолжает рассмотрение дела, а соответственно дальнейшую защиту прав лица.

Суд является местом, в котором право осуществляется в его полноте [2, с. 67]. Однако при рассмотрении дела в рамках административного судопроизводства суд оставляет административное исковое заявление без рассмотрения, тем самым лишая слабую сторону процесса на устранение нарушений и восстановления прав.

В законодательстве сохраняются пробелы в регулировании данных вопросов и как их следствие – противоречия в правоприменительной практике судов общей юрисдикции [3, с. 44].

Подобные законодательные различия в цивилистических процессах являются нелогичными, особенно учитывая тот факт, что административное судопроизводство характеризуется оспариванием действий, решений государственных органов. В таком случае законотворческая деятельность должна быть направлена на изменение анализируемой нормы КАС РФ с целью предоставления субъектам, права которых нарушены, возможности для реализации судебной защиты по аналогии с ГПК РФ [4, с. 23].

Отказ прокурора от административного искового заявления также допустим в случае защиты прав, свобод и законных интересов РФ, субъектов РФ, муниципальных образований, неограниченного круга лиц. В рассматриваемом случае также имеются вопросы административного процессуального законодательства, которые поднимаются учеными-юристами.

Часть 5 статьи 39 КАС РФ в первоначальной редакции устанавливала действия суда в случае отказа прокурора от административного иска, поданного в защиту неопределенного круга лиц. В указанной редакция норма предписывала судам продолжать рассмотрение дела по существу либо прекращать производство по делу, если отказ связан с добровольным удовлетворением требований со стороны административного ответчика.

Вследствие изменения положений КАС РФ анализируемая норма прекратила свое действие, ввиду чего возник правовой пробел, как судам действовать при таких обстоятельствах [5, с. 14].

Вопрос отказа прокурора от административного искового заявления в защиту неограниченного круга лиц не разрешен процессуальным законодательством или разъяснениями ВС РФ. При таком отказе прокурора от административного иска, суд уже не может оставить заявление без рассмотрения, ввиду отсутствия конкретного лица и отсутствия необходимости выяснения воли по отношению к процессу, суд вправе принять отказ от иска и прекратить производство по делу. Однако, это является не совсем целесообразным, т.к. необходимо детально проверить материалы дела в ходе судебного разбирательства с целью последующей защиты прав неограниченного круга лиц.

Поэтому в доктрине предлагается следующее решение проблемы. Необходимо внести изменения в закон, которые урегулируют право суда поручить участие в деле другому прокурору либо привлечь в процесс должностное лицо органа, полномочного обращаться в суд в целях защиты неопределенного круга лиц по рассматриваемому в деле вопросу [6, с. 64].

Российская судебная реформа находится на первом этапе своего развития [7]. Именно поэтому развитие судопроизводства в настоящее время имеет свои недостатки, которые должны быть замечены и исправлены законодателем.

Учитывая изложенное, законодателю необходимо унифицировать последствия отказа прокурора от иска в гражданском и административном процессах, а также дополнить статью 39 КАС РФ положением следующего содержания: «В случае отказа прокурора от административного искового заявления в защиту неограниченного круга лиц судам следует привлекать в дело в качестве административного истца другого прокурора или должностное лицо органа, уполномоченного обращаться в суд для защиты интересов неограниченного круга лиц».

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Предпринимательское право: учебник / В. В. Акинфиева, Е. В. Аристов, А. Б. Афанасьев [и др.]; под ред. В. Г. Голубцова. 2-е изд. М. : Статут, 2023. 482 с.
3. Кремнева Е. В. Проблемы унификации процессуального статуса прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессах // Проблемы реализации полномочий прокурора в гражданском, административном и арбитражном процессе: сборник материалов круглого стола. 2019. С. 40–48.
4. Августина И. Д. Активная роль суда в административном судопроизводстве // Российский судья. 2021. № 1. С. 19–25.
5. Михайлова Е. В. Правовой статус суда в административном судопроизводстве // Российская юстиция. 2023. № 11. С. 10–19.
6. Фирсова О. А., Филимонов А. Д. К вопросу о полномочиях прокурора в административном и гражданском судопроизводстве: проблемы и сравнительный анализ // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 6 (98). С. 59–66.
7. Акинфиева В. В. Воронцов С. Г. Понятие и этапы судебной реформы в современной России // Право и наука в современном мире: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф, 2018. С. 8–12.

А. А. Плотникова, Е. С. Рыбакова
Студенты Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (Вологда)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА ПОСРЕДСТВОМ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ

Развитие системы поддержки малого и среднего предпринимательства является одной из стратегических задач Правительства Российской Федерации. В статье обосновывается социальная и экономическая необходимость создания цифровой платформы МСП. В результате автор приходит к выводу, что создание наиболее благоприятных условий для развития МСП является одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. Используя цифровые технологии, предприниматели могут оптимизировать свой бизнес.

Ключевые слова: экономика, малое и среднее предпринимательство, субъекты МСП, система поддержки МСП, цифровая платформа.

A. A. Plotnikova., E. S. Rybakova
Students

The North-Western Institute (branch) of the University named after O. E. Kutafin (MSAL)
(Vologda)

GOVERNMENT SUPPORT OF SMALL AND MEDIUM BUSINESSES THROUGH DIGITAL PLATFORMS

The development of a support system for small and medium-sized businesses is one of the strategic objectives of the Government of the Russian Federation. The article substantiates the social and economic need for creating a digital platform for SMEs. As a result, the author comes to the conclusion that creating the most favorable conditions for the development of SMEs is one of the priority areas of state policy of the Russian Federation. By using digital technology, entrepreneurs can optimize their business.

Keywords: economics, small and medium-sized businesses, SMEs, SME support system, digital platform.

Согласно федеральному проекту «Цифровое государственное управление», одной из стратегических задач государства является исключение участия человека в процессе принятия решения при предоставлении приоритетных государственных услуг [1]. Подразумевается, что между гражданами и государством будет «компьютерный» посредник, который должен способствовать эффективному оказанию государственных услуг в электронном виде.

Ежегодно разрабатываются программно-проектные решения, направленные на предоставление финансовой, организационной, информационной поддержки

МСП. Так, Минэкономразвития России разработало структуру паспорта национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», который включает четыре федеральных проекта, один из которых – «Создание Цифровой платформы с механизмом адресного подбора и возможностью дистанционного получения мер поддержки и специальных сервисов субъектами МСП и самозанятыми гражданами» [2].

Актуальность разработки административно-правовых, финансовых, технологических и иных инструментов поддержки МСП обусловлено высокой социально-экономической значимостью данного сектора экономики. Так, Измайлов Б. А. в своей работе ссылается на мнение Балдиной Ю. А., которая отмечает, что среди наиболее важных задач, решаемых субъектами МСП можно отметить: создание новых рабочих мест, развитие здоровой конкурентной среды экономики, диверсификация коммерческих услуг и повышение их качества, рост налоговых доходов и др. [3]

С технической точки зрения под цифровой платформой понимают многоуровневую модульную архитектуру с гибкими модулями, обеспечивающую цифровые инновации, а с социотехнической – совокупность, включающую технические элементы и связанные с ними организационные процессы и стандарты [4].

Следовательно, цифровая платформа МСП – это то, посредством чего с должен упрощаться и ускоряться процесс обмена данными, а также предоставления электронных услуг в цифровой экосистеме. По мнению А. А. Кобелян платформа рассчитана на экономию времени предпринимателей и самозанятых, их коммуникацию с государством и предоставление им наиболее востребованных государственных услуг и коммерческих сервисов [5].

Анализируя научную литературу, можно сделать вывод о том, что одной из причин создания цифровой платформ стало то, что в условиях сложившейся геополитической ситуации и нарастающим пакетом санкций, коммерческий сектор, в том числе субъекты МСП, столкнулись с большим количеством трудностей, среди которых рост цен на комплектующие, изменение цепочек поставок, отсутствие отечественных товаров-заменителей (в первую очередь – IT-продуктов). Цифровое взаимодействие органов власти, коммерческого сектора, самозанятых позволяет не только ускорить бизнес-процессы, но и оперативно устранять дисфункции, которые в дальнейшем могут стать точкой роста.

Согласно Постановлению Правительства РФ от 21.12.2021 №2371 срок запуска эксперимента по оказанию поддержки на базе цифровой платформы МСП – с 01.02.2022 до 01.02.2025 [6].

В рамках проведения эксперимента организуется обмен сведениями, необходимыми для предоставления услуг, мер поддержки и сервисов в целях развития МСП путем предоставления сведений в инфраструктуру профиля пользователя в

информационно-аналитической системе и в личный кабинет в ФГИС "ЕПГУ» интегрированный с единой системой идентификации и аутентификации. Из этого следует, что цифровая платформа МСП собирает информацию из разных источников выступая в роли интегратора.

На данный момент на платформе доступны более 20 различных онлайн-сервисов. Также с 2024 года пользователям платформы стала доступна возможность подачи онлайн-заявок на покупку франшизы [7].

Таким образом, создание наиболее благоприятных условий для развития МСП является одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. Используя цифровые технологии, предприниматели могут оптимизировать свой бизнес.

Литература

1. Федеральный проект «Цифровое государственное управление». URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 24.09.2023).
2. Паспорт федерального проекта «Создание Цифровой платформы с механизмом адресного подбора и возможностью дистанционного получения мер поддержки и специальных сервисов субъектами МСП и самозанятыми гражданами» (утв. Минэкономразвития России). URL: <https://economy.gov.ru/> (дата обращения: 24.05.2024).
3. Единая цифровая платформа МСП.РФ для малого и среднего бизнеса: функционал, первые результаты. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49392007> (дата обращения: 24.05.2024).
4. Designing boundary resources in digital government platforms for collaborative service innovation. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0740624X22001137> (дата обращения: 24.05.2024).
5. Кобелян А. А. Цифровая платформа МСП.РФ как единая экосистема мер и институтов поддержки для малого и среднего бизнеса. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49789626> (дата обращения: 25.04.2024).
6. О проведении эксперимента по цифровой трансформации предоставления услуг, мер поддержки и сервисов в целях развития малого и среднего предпринимательства: Постановление Правительства РФ от 21.12.2021 № 2371 (ред. от 14.10.2023) (вместе с Положением о проведении эксперимента по цифровой трансформации предоставления услуг, мер поддержки и сервисов в целях развития малого и среднего предпринимательства) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. На цифровой платформе МСП. РФ появился сервис по выбору франшизы для бизнеса. URL: <https://muksun.fm/news/2024-03-04/na-tsifrovoy-platforme-msp-rf-poyavilsya-servis-po-vyboru-franzhizy-dlya-biznesa-5015600> (дата обращения: 12.04.2024).

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩИХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ СПОСОБАХ ЗАЩИТЫ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ УЧАСТНИКОВ КОММЕРЧЕСКИХ КОРПОРАЦИЙ

В статье рассматриваются доктринальные подходы к вопросу о существовании специальных способов защиты прав участников коммерческих корпораций, анализируются нормы законодательства и материалы судебной практики. Автор приходит к выводу о том, что специальные способы защиты прав членов корпорации существуют, предлагает определение указанного понятия. Специальные федеральные законы следует дополнить нормой, устанавливающей открытый перечень специальных способов защиты прав членов корпорации.

Ключевые слова: защита корпоративных прав, специальные способы защиты корпоративных прав, общие способы защиты корпоративных прав, универсальные способы защиты гражданских прав, защита прав участников корпорации.

A. S. Povarnitsyn
Student, Perm State University
Supervisor: T. V. Shershen

TO THE QUESTION OF GENERAL AND SPECIAL METHODS OF PROTECTION OF PARTICIPANTS' CORPORATE RIGHTS IN COMMERCIAL CORPORATIONS

The article deals with doctrinal approaches to the question of the existence of special methods of the participants' rights protection of commercial corporations, analyzes the norms of legislation and materials of judicial practice. The author comes to the conclusion that special methods of protection of the corporation participants' rights exist, proposes a definition of this concept. Special federal laws should be supplemented with a rule establishing an open list of special methods of corporate participants' rights protection.

Key words: protection of corporate rights, special methods of corporate rights protection, general methods of corporate rights protection, universal methods of civil rights protection, protection of corporate participants' rights.

Способы защиты гражданских прав являются неотъемлемым элементом механизма гражданско-правовой защиты [1, с. 112]. В российской цивилистической науке признана классификация способов защиты гражданских прав на общие и специальные в зависимости от вида защищаемых гражданских прав [2, с. 81]. В статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации установлен открытый перечень способов защиты гражданских прав [3], что позволяет применять специальные способы защиты прав членов коммерческих корпораций, не тождественные общим и не являющиеся их разновидностью.

В российской цивилистической доктрине неоднозначны позиции по вопросу о существовании специальных способов защиты корпоративных прав в силу специфики корпоративного права, признаваемого некодифицированной подотраслью гражданского права (нормы о защите прав членов коммерческих корпораций рассредоточены в специальных федеральных законах, посвященных организационно-правовым формам корпораций), что обуславливает наличие двух основных позиций относительно существования специальных способов защиты прав членов корпораций. Поддерживают позицию существования специальных способов защиты Д. В. Ломакин [4, с. 422], О. В. Гутников [5], В. К. Андреев и В. А. Лаптев [6]. Не поддерживают позицию существования корпоративных способов защиты С. Ю. Филиппова [7, с. 618], С. Д. Могилевский и М. А. Егорова [8].

Мы являемся сторонниками выделения специальных способов защиты гражданских прав участников корпоративных правоотношений, приведем следующие аргументы. Во-первых, возможность дифференциации способов защиты на общие и специальные предусматривается в абзаце 14 статьи 12 ГК РФ, допускающем применение иных способов, предусмотренных законом. Во-вторых, в силу специфики корпоративного права законодателем предусмотрены способы защиты прав корпорации (юридического лица) и ее участников (физических лиц) в зависимости от организационно-правовой формы корпорации [4, с. 423].

В юридической литературе предпринимаются попытки создания перечня специальных способов защиты прав членов коммерческих корпораций. В большинстве случаев предлагаемый авторами открытый перечень содержит лишь известные законодателю и применяемые часто в правоприменительной практике способы [4, с. 425], допускает смешение общих и специальных способов [6]. Нами анализируются нормы специальных федеральных законов об организационно-правовых формах коммерческих корпораций «Об акционерных обществах» (далее – Закон об АО) [9], «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО) [10]; О хозяйственных партнерствах (далее – Закон о ХП) [11], «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (далее – Закон о КФХ) [12], а также положения ГК РФ (в том числе §2 главы 4, включая нормы о хозяйственных товариществах (далее – ХТ)) с целью построения системы общих и специальных способов защиты корпоративных прав членов коммерческих корпораций.

Общие положения корпоративного права (о коммерческих корпорациях) законодательно урегулированы в главе 4 ГК РФ, а специальные – в законах, посвященных отдельным организационно-правовым формам коммерческих корпораций, поэтому в качестве оптимального критерия разграничения общих и специальных корпоративных способов защиты можно рассмотреть организационно-

правовую форму коммерческой корпорации. Следовательно, к общим корпоративным способам защиты необходимо относить закрепленные в статье 12 ГК РФ и в главе 4 ГК РФ способы, а к специальным – закрепленные в главе 4 ГК РФ способы в случае указания на их применение для защиты прав членов коммерческой корпорации определенной организационно-правовой формы, а также указанные в специальных законах о конкретных организационно-правовых формах коммерческих корпораций.

Так, общими корпоративными способами защиты прав членов коммерческих корпораций следует признать: взыскание убытков с лиц, осуществляющих функции органов корпорации, и обжалование решения общего собрания членами ООО и акционерами (разновидности поименованных в статье 12 ГК РФ способов защиты); предусмотренные в главе 4 ГК РФ требования о восстановлении корпоративного контроля по пункту 3 статьи 65.2 ГК РФ, о признании недействительным решения о реорганизации корпорации (п. 1 ст. 60.1 ГК РФ), о признании реорганизации корпорации несостоявшейся (п. 1 ст. 60.2 ГК РФ), о признании недействительными сделок корпорации по специальным основаниям (ст. 174 ГК РФ), о применении последствий недействительности ничтожных сделок по абзацу 6 пункта 1 статьи 65.2 ГК РФ, о ликвидации корпорации (подп. 5 п. 3 ст. 61 ГК РФ).

Для участников хозяйственных товариществ (далее – ХТ), хозяйственных обществ (далее – ХО), за исключением ПАО (абз. 4 п. 1 ст. 67 ГК РФ), и хозяйственных партнерств (далее – ХП) (п. 1 ст. 7 Закона о ХП) предусмотрен специальный корпоративный способ защиты: иск об исключении участника из корпорации – мера разрешения корпоративного конфликта, при которой корпорация обязана выплатить участнику действительную стоимость доли (правоотношение автоматически не прекращается) [4, с. 425–426]. Выводы о специальном характере этого способа защиты подтверждаются актуальной судебной практикой [13, с. 425]. Для защиты прав членов ХО и ХТ предусмотрены специальные требования: о переводе прав и обязанностей покупателя при нарушении преимущественного права покупки акций (доли) (п. 8 ст. 15 Закона о ХП; п. 18 ст. 21 Закона об ООО; п. 4 ст. 7 Закона об АО), о принудительном приобретении корпорацией доли (акций) (п. 1 ст. 75 и п. 1 ст. 76 Закона об АО; п. 2 ст. 23 Закона об ООО; п. 5 ст. 17 Закона о ХП).

При этом специальными корпоративными способами защиты могут являться разновидности общих (поименованных в ст. 12 ГК РФ) способов, используемые в целях защиты корпоративных прав членов отдельных видов коммерческих корпораций. Разновидностью присуждения к исполнению обязанности в натуре являются способы, применимые в судебном порядке при неисполнении корпорацией возложенной на нее обязанности: 1) требование участника ХП об обязанности иных членов продать свои доли в партнерстве определенным членам или иным лицам

(подп. 7 п. 7 ст. 6 Закона о ХП); 2) о понуждении хозяйственного общества включить в повестку дня общего собрания членов ХО определенный вопрос (абз. 2 п. 2 ст. 36 Закона об ООО; абз. 2 п. 6 ст. 53 Закона об АО); 3) об обязанности ХП, ХТ, производственного кооператива (далее – ПК) и ХО предоставить информацию о деятельности корпорации (п. 1 ст. 23 Закона о ХП; п. 3 ст. 71 ГК РФ; п. 2 ст. 24 Закона о ПК; п. 1 ст. 91 Закона об АО; п. 2 ст. 50 Закона об ООО); (участник ООО вправе запросить любую информацию о деятельности ООО, в отличие от закрытого перечня по Закону об АО, что следует из подпункта 10–11 Обобщения судебной практики [14]).

Специальный способ защиты участников полного товарищества представляет собой иск о прекращении полномочий соответствующего товарища на ведение дел товарищества при грубом нарушении обязанностей или обнаружившейся неспособности лица к разумному ведению дел (п. 2 ст. 72 ГК РФ), учредительный договор подлежит изменению на основании судебного решения. Специальным судебным способом защиты прав членов АО является требование о восстановлении данных учета прав на бездокументарные ценные бумаги в силу абзаца 2 пункта 1 статьи 149.5 ГК РФ, не тождественный признанию права, поскольку до утраты данных право уже было признано. Если же с таким требованием обращается регистратор (держатель реестра акций), то речь идет об охране права, а не о способе защиты [7, с. 633].

Для участников ПК и крестьянского (фермерского) хозяйства специальными законами не предусмотрены специальные способы защиты.

Таким образом, в цивилистической доктрине на сегодняшний день отсутствует однозначная позиция по вопросу о существовании специальных корпоративных способов защиты, смешиваются общие и специальные способы. Выделение специальных (корпоративных) способов защиты позволит обобщать практику их применения в рамках корпоративных споров. Под общими способами защиты корпоративных прав членов коммерческих корпораций следует понимать способы, поименованные в статье 12 и главе 4 ГК РФ, в том числе являющиеся их разновидностью, если такие способы применимы для защиты прав участников всех видов коммерческих корпораций. Специальными способами следует признать способы, закрепленные в главе 4 ГК РФ (в случае прямого указания на их применение для защиты прав участников конкретных видов коммерческих корпораций) и в нормах специальных федеральных законов. В качестве перспективы развития законодательства следует отметить необходимость введения в специальные федеральные законы статей (например, ст. 2.1 Закона об ООО и ст. 2.1 Закона об АО), закрепляющих открытый перечень способов защиты прав членов коммерческих корпораций.

Литература

1. Андреев Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М.: Норма, 2010. 462 с.
2. Кудря С.А. Общие и специальные способы защиты гражданских прав // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 1 (20). С. 80–83.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. 509 с.
5. Гутников О. В. Пределы императивности в акционерном праве // Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / отв. ред. Д. В. Ломакин. М.: Статут, 2021. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Андреев В. К., Лаптев В. А. Корпоративное право современной России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Филиппова С. Ю. Охрана и защита прав участников корпоративных правоотношений // Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2017. Т. 2. 974 с.
8. Могилевский С. Д., Егорова М. А. Корпоративная защита как отражение сущности корпоративных прав // Гражданское право. 2015. № 1. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Об акционерных обществах: Федер. закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.
10. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федер. закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (в ред. от 13.06.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.
11. О хозяйственных партнерствах: Федер. закон от 03.12.2011 № 308-ФЗ (в ред. от 23.07.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49 (Ч. 5). Ст. 7058.
12. О крестьянском (фермерском) хозяйстве: Федер. закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ (в ред. от 06.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 24. Ст. 2249.
13. Решение Башкортостанского УФАС России от 28.10.2022 по делу № 002/01/14.6-2658/2021. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023). Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СООТНОШЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНОСТНОГО И ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Статья посвящена изучению института административной ответственности. Выявлены отличительные особенности и соотношение понятий должностное и юридическое лицо. Предложены дополнения в существующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административная ответственность, должностное лицо, юридическое лицо, правоотношения

A. A. Povysheva
Master's student, Perm State University

THE RATIO OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF AN OFFICIAL AND A LEGAL ENTITY

The work is devoted to the study of the institute of administrative responsibility. The distinctive features and correlation of the concepts of an official and a legal entity are revealed. Amendments to the existing Code of Administrative Offences of the Russian Federation are proposed.

Keywords: administrative responsibility, official, legal entity, legal relations

В Российской Федерации широко применяется институт административной ответственности и ему посвящено множество фундаментальных трудов. Однако дискуссии и научные работы, посвященные этой сфере, продолжают до настоящего момента. С течением времени весь мир постепенно модернизируется и соответственно законодательство, регулирующее такую важную сферу, как административная ответственность должно подстраиваться под существующие реалии и совершенствоваться.

Должностные лица выполняют значительную роль по реализации законности, охраны общественного порядка и от их добросовестного выполнения своих обязанностей зависит качество жизни населения. Неумолима также роль юридических лиц в совершенствовании государства, которые способствуют развитию экономической среды, созданию объединений для помощи людям и достижению общих поставленных целей.

В данной статье рассмотрен вопрос соотношения понятий должностного и юридического лица, определения дефиниции административной ответственности,

приведены виды наказаний для должностных и юридических лиц предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [1]. Также рассмотрен вопрос о возможности наложения административного наказания, если одно и тоже лицо является должностным и юридическим.

Понятие «должностного лица» дано в примечании к статье 2.4 КоАП РФ. Под должностным лицом следует понимать лицо, постоянно, временно или в соответствии со специальными полномочиями осуществляющее функции представителя власти, то есть наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от него, а равно лицо, выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных организациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

В КоАП РФ нет прямого определения понятия «юридическое лицо». В соответствии со статьей 48 Гражданского кодекса Российской Федерации юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде [2]

На первый взгляд различие в определениях очевидно: должностное лицо – это человек, который занимает должность, а юридическое лицо – это организация. Но при соотношении понятий можно увидеть двойственность правовой природы юридических лиц, а именно, что юридическое лицо состоит из должностных лиц. Должностные лица могут сменяться, но механизм юридического лица будет по-прежнему работать. Вследствие этого необходимо в КоАП РФ дать определение «юридического лица» для конкретизации сферы применения и разграничения полномочий между субъектами правоотношений.

Признаки и характеристика административного правонарушения содержатся в статье 2.1 КоАП РФ, однако законодательно закрепленное определение административной ответственности отсутствует. Б. В. Россинским было сформулировано следующее определение: «Административная ответственность – это вид юридической ответственности, которая выражается в назначении органом или должностным лицом, наделенным соответствующими полномочиями, административного наказания лицу, совершившему административное правонарушение» [3]. Схожие определения дают другие авторы в своих работах, среди которых труд А. В. Агапова, который идентифицирует административную ответственность как «меры принудительного воздействия, применяемые к лицу, виновному в совершении административного правонарушения, ограничивающие имущественные

(неимущественные) права нарушителя либо устанавливающие его дополнительные обязанности» [4].

Следует законодательно закрепить понятие административной ответственности, раскрыть его содержание, отделить административную ответственность от других видов ответственности: уголовной, дисциплинарной, юридической и гражданско-правовой. Правоприменителям будет гораздо доступнее использовать эту дефиницию в своей практике и назначать правильные меры наказания при выявлении правонарушений.

Должностные лица подлежат административной ответственности в случае ненадлежащего исполнения или не исполнения возложенных на них служебных обязанностей, которые несут общественно опасные последствия.

В статье 3.2 КоАП РФ установлен перечень видов наказаний, которые применяются за административные правонарушения. Основными видами наказаний для должностных лиц являются: предупреждение, административный штраф, административный арест, дисквалификация, конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения, лишение специального права, предоставленного должностному лицу.

Юридические лица являются объектом значительного внимания в КоАП РФ так как с ними связано большое количество правонарушений. Про эту особенность пишет Е. Ю. Антонова, а именно, что из 474 статей Особенной части КоАП РФ 288 предусматривают ответственность юридических лиц [5].

Административная ответственность юридических лиц закреплена в статье 2.10 КоАП. Для юридических лиц предусмотрено четыре основных вида наказаний: предупреждение, административный штраф, дисквалификация, административное приостановление деятельности.

При анализе видов наказаний по количеству лидируют применимые к должностным, но к юридическим лицам используется повышенная мера наказания, что не всегда является справедливым при незначительных правонарушениях, которые отрицательно отражаются на их деятельности, особенно если юридическое лицо только начало свой путь. Связано это с тем, что юридическое лицо является не отдельным индивидом, а коммерческой, либо некоммерческой организацией, которая отвечает за сопутствующие риски, связанные с ее деятельностью, имеет повышенную степень ответственности.

Следует дополнить перечень условий для юридических лиц при которых они будут привлечены к административной ответственности, уменьшить размер штрафов при первом проступке, а также рассмотреть возможность снижения в целом административной нагрузки. Это поможет развитию бизнеса в России и экономической среды, а также привлечению новых лиц в эту сферу.

Рассмотрим вопрос возможности одновременного привлечения за административное правонарушение по одной и той же норме к ответственности должностного и юридического лица. Как уже выше говорилось юридическое лицо состоит из должностных лиц. Поэтому если на должностное лицо возложены полномочия по управлению юридическим лицом, оно действует в интересах юридического лица и в пределах своей трудовой функции его можно привлечь к административной ответственности по одной и той же норме, но это правило работает только при условии соблюдения этих условий.

Это подтверждается в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. «О некоторых вопросах, возникших у судов при применении КоАП РФ» [6]. В нем указано, что в случае совершения юридическим лицом и выявления конкретных должностных лиц, по вине которых оно было совершено, допускается привлечение к административной ответственности по одной и той же норме, как юридического лица, так и указанных должностных лиц. Эта двойственность требует четкого разграничения административной ответственности у юридических и должностных лиц. Более четкая структура поможет правоприменителям правильно назначать порядок привлечения к административной ответственности.

Фундаментом правоприменительной практики должна служить справедливость. Неточность и отсутствие трактовок, пробелы, двойственность определений вносит неясность в осуществление правоприменительной практики. Поэтому существует необходимость развития и исследования института административной ответственности, внесения изменений в КоАП РФ. В том числе дополнения КоАП РФ определениями «юридического лица», «административной ответственности», разграничения административной ответственности между должностными и юридическими лицами, дополнения перечня условий, при которых юридическое лицо будет привлечено к административной ответственности, а также смягчение наказаний при первом проступке. Эти меры помогут принимать более справедливые решения и развивать государство.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Россинский Б. В. Административная ответственность: учебное пособие. И: Норма. 2020. 248 с.
4. Агапов А. В. Административная ответственность: учебник для вузов. И: Юрайт. 2024. 495 с.
5. Антонова Е. Ю. Административная ответственность юридических лиц – «испытательный полигон» для корпоративной (коллективной) уголовной ответственности. Доступ из системы «ГАРАНТ».
6. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 (ред. от 23.12.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ю. А. Полякова
Магистрант ПГНИУ
Научный руководитель: Н. В. Сыропятова

СООТНОШЕНИЕ ДОГОВОРОВ СЧЕТА ЭСКРОУ И НОМИНАЛЬНОГО СЧЕТА

Договор счета эскроу – соглашение, предназначенное для обеспечения безопасности сделок, в рамках которого банк выполняет роль посредника между сторонами сделки. Подчеркивается важность такого договора как одного из способов минимизации рисков при проведении финансовых операций и обеспечения доверия между сторонами. Договор счета эскроу имеет большое значение в современной банковской практике и способствует повышению безопасности и прозрачности финансовых отношений.

Ключевые слова: договор счета эскроу, банковский счет, обеспечение исполнения обязательств.

Yu. A. Polyakova
Master's student, Perm State University
Supervisor: N. V. Syropyatova

RELATIONSHIP OF ESCROW ACCOUNT AND NOMINAL ACCOUNT AGREEMENTS

An escrow account agreement is an agreement designed to ensure the security of transactions, under which the bank acts as an intermediary between the parties to the transaction. The importance of such an agreement is emphasized as one of the ways to minimize risks when conducting financial transactions and ensure trust between the parties. The escrow account agreement is of great importance in modern banking practice and helps to increase the security and transparency of financial relations.

Keywords: escrow account agreement, bank account, ensuring the fulfillment of obligations.

Договор счета эскроу является самостоятельным видом гражданско-правового договора.

Легальное определение договора счета эскроу содержится в статье. 860.7 ГК РФ. Однако стоит заметить, что закрепленное законодателем определение договора счета эскроу не раскрывает в полном объеме его содержания, не является достаточным для квалификации данного договора, выявления его места среди гражданско-правовых договоров. Это, в свою очередь, обуславливает наличие в правовой литературе множества мнений относительно правовой природы договора счета эскроу, создает почву для научных дискуссий о месте договора счета эскроу, его основных характеристиках.

Договор счета эскроу входит в систему договоров банковского счета. Н. В. Сыропятова предлагает классифицировать договоры банковского счета, поделив их на три группы: 1) договоры, для которых характерны общие функции; 2) договоры, обладающие видовыми функциями; 3) договоры, имеющие специальные (специфические) функции (договоры специальных банковских счетов) [1, с. 69].

Одной из значимых проблем является отсутствие законодательно закрепленного разграничения понятий «вид договора банковского счета» и «вид банковского счета», что указывает на непоследовательное изложение законодателем правовых норм в ГК РФ.

Для открытия и обслуживания универсальных счетов (текущий, расчетный и т. п.) банк использует стандартный договор банковского счета. Однако, существует целая система специальных счетов, для каждого из которых законодатель предусматривает особый порядок открытия, закрытия, наложения арестов и обеспечительных мер на счет, особые требования к банку и т.п. Поэтому банки вынуждены отходить от стандартного договора и применять новые положения закона на практике.

В обозначенной классификации договор счета эскроу будет находиться во 2-й группе, поскольку он обладает видовой функцией договора банковского счета.

Договор счета эскроу обладает отличительными чертами, позволяющими говорить о том, что это самостоятельный вид гражданско-правового договора. В понятии договора банковского счета указаны основные обязанности банка: принимать и зачислять денежные средства, выполнять распоряжения клиента. В рамках договора счета эскроу у банка совершенно иные основные обязанности: учитывать и блокировать денежные средства, а также передать их бенефициару при наступлении условий, оговоренных в договоре. Как мы видим, на специфику этого вида договора указывает понятие, которое позволяет именовать его самостоятельным.

Кроме того, отличием является количество сторон договора. В договоре банковского счета 2 стороны: банк и клиент. В договоре счета эскроу 3 стороны. Возможна ситуация, когда бенефициар и эскроу-агент совпадают в одном лице. Так, например, заключается договор купли-продажи квартиры, обремененной залогом. Залогодержателем является банк. Если банк одобряет такую сделку, но при условии заключения договора счета эскроу и перечисления денежных средств на открытый счет эскроу покупателем квартиры. Продавец в такой ситуации не получает денежные средства, а банк получает исполнение от 3-го лица (депонента) [2, с. 61]. Можно ли говорить о двустороннем характере такого договора счета эскроу. Едва ли, поскольку обязательство продавца перед банком по возврату кредитных денежных средств (фактического бенефициара) прекращается по причине исполнения со стороны 3-го лица (депонента).

Рассмотрим основные отличия договора счета эскроу и договора номинального счета, поскольку, с нашей точки зрения, они имеют наибольшую схожесть.

Первым отличием является количество сторон таких договоров. В договоре номинального счета существует вариативность: а) может быть 2 стороны (владелец счета и банк), тогда договор номинального счета является договором в пользу 3-го лиц (бенефициара), б) бенефициар может быть третьей стороной по договору. В то время, как договор счета эскроу всегда является трехсторонним.

Договор номинального счета заключается путем составления одного документа, подписанного сторонами, при этом в договоре должен быть указан бенефициар или порядок получения информации о бенефициаре от клиента, а также основание участия бенефициара в отношениях по договору номинального счета.

Стороны при договоре номинального счета, в случае, если он заключается в соответствии со статьей 19 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» [3], размер денежных средств на таком счете не может превышать 1,4 млн рублей – то есть максимальный размер страховой выплаты при наступлении страхового случая в соответствии с Федеральным законом о страховании вкладов в то время как по договору счета эскроу ограничения по количеству внесения денежных средств на счет эскроу не устанавливаются.

Расторжение договора номинального счета по общему правилу с согласия бенефициара, если договор заключен с участием бенефициара. Также договором может быть предусмотрено обязательное информирование банком бенефициара о поступлении в банк заявления владельца счета о расторжении договора номинального счета.

Прекращение договора счета эскроу законодатель связывает с истечением срока или с выполнением бенефициаром условий. Однако, договор счета эскроу в рамках отношений по участию в долевом строительстве носит акцессорный характер ввиду его тесной связи с договором долевого участия в строительстве, поэтому порядок расторжения договора, дальнейшая судьба счета эскроу вызывают практические вопросы [4, с. 59]. Это также подчеркивает особенность договора счета эскроу, поскольку остальные договоры банковского счета не имеют такой особенности.

В. А. Белов разграничивает договоры счета эскроу и номинального счета не только по функционалу, но и по цели заключения. Так, договор счета эскроу имеет своей целью накопление, депонирование, аккумуляцию банком денежных средств на счете эскроу, которые вносятся депонентом в определенном тем или иным договором между сторонами [5, с. 81].

Е. С. Мартянова также указывает на то, что договор номинального счета имеет отличные существенные условия от договора счета эскроу. Так, существенными условиями договора номинального счета выступают: «условие о предмете;

условие, содержащее сведения о бенефициаре либо сведения о порядке получения информации от владельца счета о бенефициаре либо бенефициарах; условие, содержащее сведения об основании участия бенефициара либо бенефициаров в отношениях по договору номинального счета» [6, с. 30] Как мы уже установили, единственным существенным условием договора счета эскроу будет являться предмет, который включает в себя не только денежные средства, но и условия, при которых бенефициару подлежат передаче денежные средства со счета эскроу.

Договоры банковского счета, договор номинального счета, публичного депозитного счета и других счетов носят консенсуальный характер, в то время как договор счета эскроу имеет двойственную природу, которая обуславливается тем, что к нему субсидиарно применяются положения о договоре условного депонирования.

На основании изложенного можно сделать вывод, что договор счета эскроу занимает особое место в системе договоров банковского счета, имея специфические черты по его заключению, расторжению, по содержанию, количеству сторон, целям, сфере применения. Отличие от договора номинального счета состоит в том, что в договоре номинального счета другое количество сторон, договор номинального счета заключается путем составления одного документа, подписанного сторонами, при этом в договоре должен быть указан бенефициар или порядок получения информации о бенефициаре от клиента, а также основание участия бенефициара в отношениях по договору номинального счета, так же, расторжение договора номинального счета по общему правилу с согласия бенефициара, если договор заключен с участием бенефициара.

Литература

1. Сыропятова Н. В. функции договоров банковского счета в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2019. 211 с.
2. Плешанова О. В. Продажа заложенных квартир: поможет ли счет эскроу? // Юридическая работа в кредитной организации. 2020. № 1. С. 58–64.
3. Об опеке и попечительстве. Федер. закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Российская газета. № 94. 30.04.2008.
4. Плешанова О. В. Что происходит со счетом эскроу в долевом строительстве при прекращении обязательств? // Юридическая работа в кредитной организации. 2019. № 4. С. 59–63.
5. Белов В. А. Что изменилось в Гражданском кодексе: Практическое пособие. М.: Юрайт, 2019. 359 с.
6. Мартыанова Е. С. Счет эскроу и номинальный счет как элементы конструкции условного депонирования (эскроу) // Финансовое право. 2019. № 5. С. 27–32.

П. Ю. Самкова
Студент ПГНИУ
Научный руководитель: А. В. Сятчихин

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫМИ (БАНКРОТАМИ) НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Представлена судебная практика по признанию иностранных юридических лиц несостоятельными (банкротами) на территории Российской Федерации, а также приведены критерии, по которым можно определить центр основных интересов должника и «тесную связь» должника с российским правовым порядком.

Ключевые слова: трансграничная несостоятельность, основное производство, вторичное производство, центр основных интересов должника.

P. Y. Samkova
Student, Perm State University
Supervisor: A. V. Syatchikhin

ON THE ISSUE OF RECOGNIZING FOREIGN LEGAL ENTITIES AS INSOLVENT (BANKRUPT) ON THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article presents judicial practice on declaring foreign legal entities insolvent (bankrupt) on the territory of the Russian Federation, and also provides criteria by which one can determine the center of the main interests of the debtor and the "close connection" of the debtor with the Russian legal order.

Keywords: cross-border insolvency, main production, secondary production, the center of the debtor's main interests.

В. В. Акинфиева под несостоятельностью (банкротством) понимает установленную в судебном порядке неспособность лица, именуемого должником, исполнить свои денежные обязательства надлежащим образом [1, с. 243–244].

До недавнего времени на территории Российской Федерации отсутствовала возможность осуществить банкротство иностранного юридического лица. Для того, чтобы признать иностранную организацию банкротом, требовалось обратиться в компетентный иностранный суд. Это было связано с тем, что Россия не является участницей международных договоров, регулирующих вопросы трансграничной несостоятельности.

Данный вывод подтверждается определением Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-15873/17, которым было прекращено производство по

делу. Суд отметил, что заявление о банкротстве кипрского юридического лица должно подаваться в суд по месту нахождения должника.

Но с 2022 года было положено начало банкротству иностранных юридических лиц на территории России. Впервые иностранное юридическое лицо было признано банкротом Арбитражным судом Челябинской области по делу №А76-31539/2021 [2]. В 2023 году произошло дальнейшее развитие судебной практики по признанию иностранных юридических лиц банкротами. Так, банкротами были признаны две кипрские (дело №А40-5658/23-129-14 Б [3], дело № А40-112325/23-175-178Б [4]) и немецкая компании (дело № № А40-9555/23-18-24 «Б» [5]).

Тем самым, что ранее казалось невозможным, становится реальностью. В отсутствие правового регулирования появилась возможность произвести банкротство иностранного юридического лица.

Большую ясность внес Верховный суд, который рассмотрел жалобу о банкротстве иностранного юридического лица. Своим определением Верховный суд определил признаки, которые допускают проведение банкротства иностранной компании, сформировал критерии для определения центра основных интересов должника (далее — «СОМІ-стандарт»), а также установил подходы в проведении процедуры: «основное» и «локальное (т.е. вторичное) производство» [6].

Исходя из сложившейся ранее судебной практики и определения Верховного суда, для признания иностранной компании банкротом необходимо наличие «тесной связи» между должником и российским правопорядком. Верховный суд приводит следующие признаки, свидетельствующие о наличии «тесной связи»: компания ведет не носящую временного характера экономическую деятельность на территории РФ; коммерческая деятельность юридического лица направлена на лиц, находящихся в юрисдикции РФ; имущество организации находится на территории РФ; нахождение в России органа управления, филиала или представительства иностранной компании; расположение центра основных интересов контролирующих должника лиц в России; значительная часть кредиторов – это российские граждане и юридические лица и другое [6]. Определенный перечень не является исчерпывающим и суды могут сами определять признаки, которые будут свидетельствовать о «тесной связи» исходя из специфики каждого дела.

Также Верховный суд указал, что важно определить «СОМІ-стандарт». Место его нахождения обуславливает введение одного из производств – либо «основное производство», либо «вторичное».

В определении Верховного суда также приведен неисчерпывающий перечень обстоятельств, по которым определяется центр основных интересов, например, место нахождения основного имущества и большинства кредиторов должника, место получения большей части прибыли, место осуществления предпринимательской деятельности и иные.

Если «СОМІ-стандарт» располагается в России, то будет вводиться основное производство. Важным последствием такого производства является то, что оно распространяется на все имущество должника и на всех кредиторов, независимо от места их нахождения, то есть действует во всех юрисдикциях.

Однако если «СОМІ-стандарт» располагается за рубежом, но должник имеет постоянное представительство или имущество на территории РФ, то суд вправе ввести вторичное производство. Такое производство имеет свое распространение только на кредиторов и имущество должника, которые находятся или связаны с Россией. Целью данного производства является «защита интересов российских кредиторов в отсутствие у них эффективного доступа к той юрисдикции, в которой должно осуществляться основное производство по делу о банкротстве» [7].

Резюмируя изложенное, ранее российский правопорядок исключал возможность проведения банкротства иностранного юридического лица. Но в последние два года, в отсутствие правового регулирования данного вопроса, появилась судебная практика, позволяющая провести такое банкротство. Для этого необходимо определить «тесную связь» должника с Россией и выявить «СОМІ-стандарт», который влияет на вид производства: основное и вторичное.

Литература

1. Предпринимательское право: учебник / отв. ред. В. Г. Голубцов. 2 изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. 482 с.
2. Определение Арбитражного суда города Москвы от 05.05.2017 по делу № А40-15873/17. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 03.05.2024).
3. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 22.04.2022 по делу № А76-31539/2021. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 03.05.2024).
4. Решение Арбитражного суда города Москвы от 24.04.2023 по делу № А40-5658/23-129-14 Б. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 03.05.2024).
5. Решение Арбитражного суда города Москвы от 04.10.2023 по делу № А40-112325/23-175-178Б. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 03.05.2024).
6. Решение Арбитражного суда города Москвы от 09.06.2023 по делу № А40-9555/23-18-24 «Б». URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 03.05.2024).
7. Определение Верховного суда Российской Федерации от 8.02.2024 по делу № А40-248405/2022. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.05.2024).

Д. Г. Саргсян
Магистрант ПГНИУ
Научный руководитель: А. Б. Афанасьев

ИММУНИТЕТ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ НА ЗАЛОГОВОМ СЧЕТЕ ОТ ВЗЫСКАНИЯ: ВОЗМОЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье анализируются проблемы, связанные с защищенностью денежных средств, находящихся на залоговом счете, от взыскания по инкассовым поручениям налоговых органов и исполнительным документам третьих лиц. В частности, не исключено заключение должником фиктивного договора залога прав по договору банковского счета для защиты своих денежных средств от обращения на них взыскания по требованиям иных кредиторов, помимо залогодержателя. В статье предложены возможные механизмы противодействия подобным злоупотреблениям.

Ключевые слова: залоговый счет, залог прав по договору банковского счета, иммунитет от взыскания.

D. G. Sargsyan
Master's student, Perm State University
Supervisor: A. B. Afanasyev

IMMUNITY OF MONEY ON PLEDGE BANK ACCOUNT AGAINST RECOVERY: POSSIBLE PROBLEMS

The article is dedicated to the problems which arise due to the existing immunity of money on pledge bank account against recovery by collection orders and enforcement documents of third parties. In particular, under the current legislation it is impossible to exclude situations when a debtor concludes a fictitious contract of the pledge of receivables under a bank account agreement in order to protect his money against recovery by claims of other creditors than the pledge holder. The author provides possible mechanisms of counteracting such abuse of pledge bank accounts.

Keywords: pledge bank account, the pledge of rights under a bank account agreement, immunity against recovery.

Одной из важнейших особенностей залогового счета является защищенность находящихся на нем денежных средств от взыскания по инкассовым поручениям налоговых органов и исполнительным документам, представленным не залогодержателем, а иными лицами.

Данная особенность правового режима залогового счета следует из пункта 9 статьи 358.9 ГК РФ, а также части 1 статьи 72.1 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». На основе указанных правовых

норм в отношении денежных средств на залоговом счете возникает исполнительский иммунитет в размере обеспеченного залогом обязательства в отношении требований по обязательствам, кредиторами по которым являются иные лица, помимо залогодержателя.

При этом, как подчеркивается в судебной практике, сам по себе залоговый счет не порождает иммунитета от взыскания, если при этом отсутствует договор, на основании которого возникает залог прав по такому банковскому счету [1].

Существование такого иммунитета обуславливает возможность злоупотребления конструкцией залогового счета [2, с. 25]. Так, должник, зная, что в отношении него вынесено судебное решение о взыскании с него определенной денежной суммы, может открыть залоговый счет и заключить фиктивный договор залога прав по договору указанного счета с аффилированным лицом, после чего денежные средства, находящиеся на таком счете, будут защищены от взыскания [3, 63]. На существование рисков подобных злоупотреблений обращают внимание многие авторы [4, с. 15].

Возможным механизмом защиты кредиторов лица, открывшего залоговый счет, от подобных злоупотреблений, как представляется, может являться обращение взыскателя в суд с иском о применении последствий ничтожности договора залога прав по договору банковского счета как притворной сделки, заключенной исключительно для того, чтобы искусственным образом защитить денежные средства от взыскания, при этом сохранив должнику возможность полноценно пользоваться залоговым банковским счетом вместо расчетного счета, принимать на него оплату от клиентов, оплачивать свои текущие расходы, переводить денежные средства своим контрагентам, продолжая совершенно беспрепятственно осуществлять свою хозяйственную деятельность и не выплачивая при этом задолженность по исполнительным документам ввиду существования особого правового режима такого счета и находящихся на нем денежных средств, фактически защищенных от взыскания. Тем не менее, доказать притворность подобной сделки достаточно сложно, о чем свидетельствует судебная практика [1].

Так, в одном из дел суд отказал в признании недействительным договора залогового счета, договора залога прав по договору банковского счета, не усмотрев со стороны залогодателя подобных злоупотреблений. Истцы полагали, что Банк не вправе был открывать АО «СУ № 1» залоговый счет, поскольку Банку было известно, что к расчетному счету данного клиента, которым он пользовался на постоянной основе до этого, уже было предъявлено несколько исполнительных листов, по которым взыскателями являются истцы. При этом на основном расчетном счете ответчика с момента предъявления к нему исполнительных листов от истцов денежные средства не появлялись, в то время как на залоговый счет, как стало в дальнейшем известно одному из истцов, ответчиком периодически зачислялись денежные средства, по данному счету совершались различные операции,

что свидетельствовало о фактическом использовании ответчиком залогового счета не по своему прямому назначению, а в недобросовестных целях – он пользовался данным счетом в качестве расчетного счета, имея в наличии денежные средства, которые могли бы быть направлены как минимум на частичное погашение его задолженности перед истцами, но вместо этого использовались ответчиком по собственному усмотрению. При этом истцы были лишены возможности обратиться с иском на эти средства ввиду их нахождения на залоговом счете, особый правовой режим которого обуславливает защищенность находящихся на нем средств от взыскания. По мнению истцов, в сложившихся условиях банку должно быть очевидно, что открытие залогового счета, как и договор залога прав по нему, носят притворный характер, и предназначены исключительно для создания ответчиком, с очевидностью действующим недобросовестно, механизма защиты своих денежных средств от взыскания со стороны третьих лиц, перед которыми у него имеется задолженность. Тем не менее, суд не усмотрел каких-либо нарушений в действиях банка и отказал в иске о признании данной сделки притворной, обратив внимание на то, что закон не запрещает банку открывать залоговые счета клиентам, к расчетным счетам которых уже предъявлены исполнительные документы [5].

Представляется, что закрепление в ГК РФ подобного ограничения позволило бы частично предотвратить злоупотребления, связанные с заключением фиктивных договоров залога прав по договору банковского счета в целях создания иммунитета для денежных средств, находящихся на залоговом счете, и использования указанного банковского счета вместо расчетного счета. В данной связи представляется необходимым дополнить п. 3 ст. 358.9 ГК РФ абзацем вторым следующего содержания: «Не допускается открытие банком клиенту залогового счета при наличии предъявленных третьими лицами к расчетным счетам клиента и неисполненных исполнительных документов».

Литература

1. Решение Арбитражного суда города Москвы от 10.10.2022 по делу № А40-134482/2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/YqUMb7tkrwIN/> (дата обращения: 20.04.2024).
2. Макушкин В. О. Залог прав по договору банковского счета и залоговый счет: актуальное состояние и перспективы развития // Юридические исследования. 2018. № 4. С. 21–31.
3. Лагунова Е. А. Залоговые счета как новый инструмент обеспечения исполнения обязательств // Новый университет. Серия: Экономика и право. 2016. № 5 (63). С. 62–71.
4. Пшеничников А. Г. Залог прав по договору банковского счета: актуальные проблемы и правовое решение // Банковское право. 2017. № 5. С. 13–18.
5. Решение Арбитражного суда города Москвы от 16.10.2017 по делу № А40-132989/2016 [Электронный ресурс]: <https://sudact.ru/arbitral/doc/yAkTRIXbwqbh/> (дата обращения: 20.04.2024).

И. П. Тюленев
Магистрант ПГНИУ
Научный руководитель: А. В. Богданов

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматриваются проблемные вопросы, связанные с действующим правовым режимом транснациональных корпораций. Обозначены пробелы правового регулирования транснациональных корпораций. Сформулированы предложения к совершенствованию законодательства о транснациональных корпорациях.

Ключевые слова: транснациональная корпорация, юридическое лицо.

I. P. Tiulenev
Master's Student, Perm State University
Supervisor: A. V. Bogdanov

TO THE QUESTION OF SOME PROBLEMS OF THE LEGAL REGULATION OF TRANSNATIONAL CORPORATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with the problematic issues related to the current legal regime of multinational corporations are considered. Gaps in the legal regulation of multinational corporations are identified. Proposals have been formulated to improve legislation on transnational corporations.

Keywords: multinational corporation, legal entity.

Транснациональные корпорации в настоящее время являются основными участниками международного экономического взаимодействия. Основные лидеры промышленности, маркетинга и финансов со временем превратились в транснациональные корпорации, которые существенно влияют на мировую экономику, определяя ее развитие. Они имеют определенные особенности, как в доктринальном отношении, так и в правовом регулировании этого института.

При этом в Российской Федерации правовое регулирование транснациональных корпораций вызывает определенные вопросы, начиная в отсутствии законодательного закрепления данного понятия, заканчивая отсутствием отдельных норм, регулирующих особенности формирования, управления и развития таких юридических лиц.

Понятие «корпорация» в современном российском юридическом контексте впервые возникло, вероятно, с выходом Постановления Верховного Совета

РСФСР от 11.10.1991. Этот документ регулировал создание и деятельность различных объединений предприятий и организаций на территории РСФСР, включая ассоциации, концерны и корпорации [1]. Однако данное постановление не давало определения понятию «корпорация», что оставляло его сущность нераскрытой.

Один из известных ученых-юристов Е. А. Суханов считает, что корпорация – это юридическое лицо, созданное участниками на основании договора с целью достижения общей цели [2, с. 5]. Это может быть как коммерческая, так и некоммерческая организация. Имущественные взносы участников объединяются и совместно используются для достижения этой цели. Главное в этом процессе – наличие членства, которое определяет участие каждого участника в управлении корпорацией и распределении прибыли.

Другие ученые дают иное определение корпорации, описывая ее через ряд признаков. Согласно В. В. Долинской, корпорация – это юридическое лицо, которое имеет членство, обособленное имущество и специализированную систему управления [3, с. 59]. Кроме того, исследователь выделяет еще несколько дополнительных признаков, в том числе, связанных с ограничением предпринимательского риска, оформлением, осуществлением и защитой законных интересов различных групп в имущественной и нематериальной сферах, делением уставного капитала компании на доли между учредителями и наличием определенной формы коллективной предпринимательской деятельности.

Возвращаясь непосредственно к термину «транснациональная корпорация», стоит отметить, что в международном законодательстве с участием Российской Федерации, а именно в Модельном законе о социальном партнерстве, принятом на 27 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, под транснациональной корпорацией понимается финансово-промышленная группа [4].

Еще в одном международном нормативном документе – Конвенции о транснациональных корпорациях, подписанной в Москве 06.03.1998, – установлено, что под понятием «транснациональная корпорация» следует понимать «юридическое лицо (совокупность юридических лиц), имеющее в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество на территориях двух и более Сторон; образованное юридическими лицами двух и более Сторон; зарегистрированное в качестве корпорации в соответствии с Конвенцией» [5]. Конвенция определяет транснациональную корпорацию как разнообразные международные структуры, в которые входят финансово-промышленные группы, компании, концерны, холдинги, совместные предприятия и акционерные общества с зарубежным участием. Однако постановлением Правительства РФ от 24.06.2003 № 364 сообщено о намерении Российской Федерации не стать участником настоящей Конвенции, соответственно данное определение не может быть общепринятым на территории России [6].

Правовое регулирование управления российских транснациональных корпораций представлено комплексом правовых документов:

1. Конституция РФ, определяющая основные права граждан, в том числе на свободное предпринимательство, и устанавливает основы государственного устройства.

2. Гражданский кодекс РФ, регулирующий вопросы, связанные с созданием, деятельностью, реорганизацией и ликвидацией юридических лиц, а также определяет правила заключения сделок и договоров.

3. Федеральный закон «Об акционерных обществах», устанавливающий правила создания и деятельности корпораций, в том числе ТНК, регулирует вопросы корпоративного управления и прав акционеров.

4. Налоговый кодекс РФ, устанавливающий правила налогообложения для транснациональных корпораций.

5. Международные договоры и соглашения, определяющие правила сотрудничества между странами в области экономики, торговли и инвестиций.

6. Законы и нормативные акты субъектов РФ, регулирующие вопросы, связанные с деятельностью транснациональных корпораций на территории конкретного региона. На сегодняшний день это в основном соглашения об осуществлении международных и внешнеэкономических связей.

7. Локальные нормативные акты транснациональных корпораций, устанавливающие правила и процедуры в отношении управления, контроля, учета и отчетности конкретной ТНК.

При этом стоит отметить, что анализ действующего законодательства показывает низкий уровень его развития относительно именно статуса транснациональных корпораций, которые в основном просто приравниваются к другим юридическим лицам и не имеют отдельных законодательных актов. Соответственно и процесс управления в таких корпорациях регулируется по принципу акционерных обществ или обществ с ограниченной ответственностью, что является не совсем неверным, поскольку транснациональные корпорации включают в себя, в том числе зарубежные дочерние компании, которые должны управляться с учетом иностранного законодательства.

Кроме того, исследователями в процессе анализа работы российских транснациональных корпораций были обнаружены некоторые сложности для их стабильного управления и функционирования [7]:

- слабо развитое российское законодательство и система налогообложения, которые не успевают за реальными процессами;
- нечеткое определение понятия ТНК среди специалистов;
- большой объем времени и усилий, которые иностранные инвесторы тратят на открытие предприятий в России;

- отсутствие комплексного организационно-правового механизма для создания и работы ТНК на российском рынке;

Большинство из указанных проблем должно решаться вначале путем совершенствования действующего российского законодательства, а уже затем какими-то внешними действиями и внутренними преобразованиями.

Подводя итог изучению правового регулирования управления российских транснациональных корпораций, можно сделать вывод, что действующее законодательство не содержит в своих нормах необходимого процесса управления российских транснациональных корпораций. Российское законодательство практически приравнивает ТНК к другим юридическим лицам, действующим на российском рынке и в рамках только российского законодательства, что вызывает различные проблемы в развитии и функционировании российских ТНК.

Для решения указанных проблем необходимо совершенствование действующего законодательства с учетом современной обстановки и ее развития, что возможно путем формирования отдельного центра, который будет заниматься анализом текущих и будущих проблемы деятельности российских транснациональных корпораций, разрабатывать необходимые законодательные и регулятивные механизмы для таких компаний.

Литература

1. Об упорядочении создания и деятельности ассоциаций, концернов, корпораций и других объединений предприятий на территории РСФСР: Постановление ВС РСФСР от 11.10.1991 № 1737-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 24.10.1991. № 43. ст. 1373.
2. Суханов Е. А. Понятие и виды корпораций в зарубежном и российском праве // Хозяйство и право. 2013. № 11(442). С. 3–23.
3. Долинская В. В. Изменения в арбитражном процессуальном законодательстве и право корпораций // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 10. С. 58–62.
4. О модельном законе «О социальном партнерстве»: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 16.11.2006 № 27-14. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902050941?marker>.
5. Конвенция о транснациональных корпорациях. URL: <https://docs.cntd.ru/document/8312960>.
6. О намерении Российской Федерации не стать участником некоторых международных договоров, подписанных в рамках Содружества Независимых Государств: Постановление Правительства РФ от 24.06.2003 № 364 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 26. ст. 2661.
7. Жуков П. В. Ключевые проблемы развития и управления в деятельности транснациональных корпораций в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 3. С. 23–27.

А. Е. Федотовская
Студент ПсковГУ (г. Псков)
Научный руководитель: А. Г. Филимонова

ПРАВОВОЕ ПОНИМАНИЕ ПОНЯТИЯ «РЕКЛАМА» В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Неотъемлемой частью современных коммерческих отношений выступают цифровые технологии. В частности, применение рекламы в сети «Интернет» позволяет расширить аудиторию потенциальных клиентов, что ведет к увеличению прибыли производителей. Но также появляется риск злоупотреблений со стороны недобросовестных участников рынка. Для поддержания здоровой конкуренции, и защищая права потребителей, государство вводит правовое регулирование данной сферы. В работе затрагиваются актуальные проблемы, с которыми столкнулся законодатель при включении в ФЗ «О рекламе» статьи 18.1.

Ключевые слова: информация, реклама, Интернет, контекстная реклама, видеоблогинг, нативная реклама.

A. E. Fedotovskaya
Student, Pskov State University
Supervisor: A. G. Filimonova

LEGAL UNDERSTANDING OF THE CONCEPT OF "ADVERTISING" ON THE INTERNET

Digital technologies are an integral part of modern commercial relations. In particular, the use of advertising on the Internet allows you to expand the audience of potential customers, which leads to an increase in profits for manufacturers. But there is also a risk of abuse by unscrupulous market participants. To maintain healthy competition and protect consumer rights, the state introduces legal regulation in this area. The work touches on current problems that the legislator faced when including Article 18.1 in the Federal Law "On Advertising".

Keywords: information, advertising, Internet, contextual advertising, video blogging, native advertising

Вопрос о разграничении понятия рекламы и другой информации существовал и раньше. В судебной практике, ввиду довольно абстрактного определения, приведенного в пункте 1 статьи 3 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе», не сложилось единого восприятия судами спорных конструкций. В реальности часто встречаются ситуации, когда аналогичные объявления оцениваются по-разному.

Так, Арбитражным судом Свердловской области от 05.12.2019 по делу № А60-40403/2019 было принято решение о демонтаже рекламной конструкции магазина «Красное&Белое», представляющей собой металлический короб, окрашенный в корпоративные цвета (красный и белый), с объемными выделенными буквами из

композитного материала с внутренней подсветкой, содержащей изображение зарегистрированного товарного знака. Окружным судом решение оставлено в силе.

Однако Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 21.10.2019 № Ф05-17694/19 по делу № А40-293206/2018 вывески с изображением коммерческого обозначения и зарегистрированного товарного знака «Магнит» не были признаны рекламой, хотя также располагались на фасаде многоквартирного жилого дома.

По мнению А. Алексеева, озвученном им в своей работе «Информация или реклама?», судебную практику по оценке спорных конструкций могло бы скорректировать более частое обращение судов к разъяснениям ФАС России [1].

Из Письма Федеральной антимонопольной службы от 27.12.2017 № АК/92163/17 «О разграничении понятий вывеска и реклама» можно сделать выводы, что объектом рекламы может быть только индивидуализированный товар, который его производитель намеренно выделяет среди других однородных с целью продвижения на рынке путем продажи или иного введения в гражданский оборот. Но если нет указания на именование организации, названий товаров (работ, услуг), то данная информация не содержит объекта рекламирования. Именно поэтому не признаются рекламой размещенные на вывеске изображения без индивидуализированных признаков (например, фотографии еды с целью украшения ресторана), выражения «Добро пожаловать», «Свежий хлеб» и т. д., сведения о профиле организации (зеленый крест над аптекой).

Развитие информационных технологий и переход товарных отношений в цифровую среду закономерно перенесли проблему разграничения рекламы и в сеть «Интернет». Государственное регулирование в данной сфере осуществилось путем принятия изменений в ФЗ «О рекламе». С 1 сентября 2022 г. в настоящий Закон была включена статья 18.1 под названием «Реклама в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет"».

Настоящей статьей устанавливается обязательность маркировки любой рекламы, поступающей в сеть, как «рекламные сведения», она должна содержать пометки о рекламодателе или ссылку на его сайт (ч. 16–17 ст. 18.1 Закона о рекламе). Весь поток сведений о размещенной рекламе направляется в Единый реестр интернет-рекламы (ЕРИР). Данные нововведения призваны обеспечить государственный контроль в сфере рекламы для обеспечения норм законности, порядка, поддержки здоровой и честной конкуренции, защиты прав потребителя.

Но как освободить данный механизм от злоупотреблений со стороны недобросовестных участников коммерческих отношений? Как осуществить в Интернет пространстве то, что, ввиду отсутствия единообразия судебной практики и абстрактности предписаний закона, не удалось осуществить на практике физических объектов?

Отчасти регулирование рекламных объявлений в Интернете имеет ряд преимуществ по сравнению с аналогичным регулированием наружных вывесок, объявлений, изображений. Это цифровизация. Именно она позволяет производить

те же самые действия в разы оперативней, повышается эффективность государственного управления, нарушение закона обнаруживается быстро, а недобросовестный производитель рекламы не успевает набрать клиентскую базу, продвигнуть свой товар ввиду «запоздалости» правовых санкций.

Но вместе с новыми преимуществами обнаруживаются и новые недостатки принятых изменений. В связи с этим 21 ноября 2022 г. ФАС уточнила, какая информация признается рекламой в сети Интернет.

Общий смысл ФЗ «О рекламе» и Письма ФАС «О разграничении понятий вывеска и реклама» сохраняется, так: «рекламой не считается информация о товарах и услугах, размещенная на официальном сайте, страницах или в социальных сетях их производителя или продавца», что можно разъяснить как предоставление потребителю необходимой информации о товаре без цели продвижения его на рынке. По своей сути, информация на официальном сайте производителя о его собственном товаре аналогична той же информации, которая предоставлялась бы клиенту в реальном магазине, так как прежде всего в данной ситуации осуществляется право потребителя на информацию об изготовителе (исполнителе, продавце) и о товарах (работах, услугах), указанное в статье 8 Закона РФ «О защите прав потребителей». от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023). Предоставление информации о товаре в данном случае является обязанностью производителя и прямо не сопряжено с его продвижением на рынке.

Но существуют ситуации, когда официальный сайт с информацией о товаре помечается в поисковой системе как «реклама», и, можно также заметить, что ссылка на данный сайт предоставляется пользователю одной из первых. Данное явление считается «спецразмещением», условия такого размещения для каждой поисковой системы свои. По своему смыслу размещение ссылки на свой сайт прежде других преследует цель продвижения на рынке. Действительно, пользователь скорее обратит внимание на верхние ссылки, что подтверждается современными научными исследованиями, например, айтрекинг-исследованием 2008 года, которое произвели немецкие ученые Харальд Вайнрайх, Хартмут Обендорф, Элко Хердер и Маттиас Майер [2]. Так как ссылки в порядке «спецразмещения» с предложениями приобрести конкретный товар предоставляются, обычно, в зависимости от содержания поискового запроса, такая практика получила название «контекстной рекламы».

Маркировка контекстной рекламы как «рекламы» при ее предоставлении пользователю имеет правовые основания. Так, вновь обращаясь к ФЗ «О рекламе», ее основной целью является продвижение на рынке, и, обращаясь к информации, предоставленной ФАС в качестве разъяснения смысла статьи 18.1: «отдельному товару уделяется особое внимание, о нем дается избыточная и положительно эмоционально окрашенная информация, есть призывы приобрести товар, в том числе с указанием адресов магазинов» [3].

В своем разъяснении ФАС не обходит стороной и популярную среди видеоблогинга тему обзоров на товары разных производителей. Основным критерием,

по которому такие обзоры не могут быть признаны рекламой, признается отсутствие в основной цели продвижение какого-либо товара на рынке. Но если блогеры, выпуская свои «честные и непредвзятые обзоры», будут руководствоваться тайными соглашениями с производителями обзираемых товаров, как тогда обеспечить условия для здоровой конкуренции?

Сложно сказать, возможно ли решение данного вопроса на современном этапе цифрового и правового развития. Так как нет обширной практики законодательного регулирования в данной сфере, и объективность выпускаемых блогерами обзоров, по сути, основывается на их личной непредвзятости и добросовестности.

Особую сложность представляет собой классификация рекламной интеграции. В Информации ФАС вводится понятие «ограниченная интеграция», которая рекламой не признается. Она носит дополнительный характер, не выходит на передний план в своих преимуществах и характеристиках, но не может быть изъята из сюжета видеоролика или поста без ущерба для его смысла. Товар может упоминаться со средствами его индивидуализации, но контекст произведения не содержит при этом рекламного характера. Однако если внимание аудитории «акцентируется на данном товаре, в том числе за счет описания его характеристик, свойств или высказывания положительного отношения блогера к нему» [3], в продолжение вышеуказанных разъяснений, такой товар тоже может быть признан рекламой.

Понятие «ограниченная интеграция» – новое для российского законодательства и его положение требует дальнейшего изучения и разработки. Грань, которая пока что проходит между ограниченной интеграцией и рекламной интеграцией, во многом тонка и не защищена от злоупотреблений. Можно сделать вывод, что законодательного регулирования так называемой «нативной рекламы», в России пока не установлено. Из анализа информации, предоставляемой ФАС, видно, что государство понимает проблему, однако механизма противодействия ей не разработано.

Таким образом, можно сделать вывод, что правовое регулирование в сфере размещения рекламы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» имеет пробелы ввиду отсутствия теоретических положений и, как таковой практики, такого регулирования. Интернет меняет жизнь общества, те законы, которые применялись прежде к схожим отношениям, становятся неактуальными, требуют значительных доработок и изменений. При этом развитие цифровых технологий способствует наращиванию темпов коммерческого оборота, поэтому правовое регулирование новых явлений, приходящих в нашу жизнь с каждым днем, не должно от него отставать, чтобы обеспечивать стабильное функционирование общества.

Литература

1. Алексеев А. Информация или реклама? // Адвокатская газета, № 24, декабрь 2021 г.
2. Weinreich H., Obendorf H., Herder E., and Mayer M. Not Quite the Average: An Empirical Study of Web Use // ACM Transactions on the Web. Vol. 2, no. 1 (February 2008), article #5.
3. ФАС России «ФАС уточнила, какая информация признается рекламой» с сайта. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_432232/ (дата обращения: 24.10.2023).

А. А. Францева
Магистрант ПГНИУ
Научный руководитель: Н.В. Сыропятова

РАЗГЛАШЕНИЕ ВРАЧЕБНОЙ ТАЙНЫ ПО ЗАПРОСУ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ПОДХОДЫ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

В статье рассмотрены основные подходы судов при рассмотрении споров о разглашении врачебной тайны по запросу коммерческих организаций. Проанализированы нормы российского законодательства о врачебной тайне.

Ключевые слова: врачебная тайна, разглашение врачебной тайны.

A. A. Frantseva
Master's Student, Perm State University
Supervisor: N. V. Syropiatova

DISCLOSURE OF MEDICAL SECRECY AT THE REQUEST OF COMMERCIAL ORGANIZATIONS: APPROACHES IN COURT PRACTICE

The article discusses the main approaches of the courts in considering disputes on the disclosure of medical secrecy at the request of commercial organizations. The norms of the Russian legislation on medical secrecy are analyzed.

Keywords: medical secrecy, disclosure of medical secrecy.

Многие действия человека оставляют информационный след. Обращение за медицинской помощью – не исключение. Факт обращения за медицинской помощью, информация о состоянии здоровья и диагнозе человека, любые иные сведения, которые были получены при медицинском обследовании и лечении являются врачебной тайной согласно части 1 статьи 13 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1] (далее – Федеральный закон № 323). Таким образом, врачебная тайна не ограничивается только информацией медицинского характера. Она может стать известной третьим лицам только при исполнении трудовых, должностных, служебных и иных обязанностей, а также при обучении и в случаях, предусмотренных законом.

По общему правилу, разглашение тайны не допускается, в том числе после смерти человека. Вместе с тем, законодателем предусмотрен ряд исключений из общего правила: во-первых, разглашение врачебной тайны возможно при нали-

чии письменного согласия пациента; во-вторых, разглашение допустимо по запросу супруга (супруги), близких родственников либо иных лиц, указанных в письменном согласии пациента на разглашение врачебной тайны или в информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство, в случае смерти пациента и при отсутствии его запрета на разглашение таких сведений; в-третьих, в пункте 4 статьи 13 Федерального закона № 323 предусмотрен исчерпывающий перечень случаев, при которых разглашение врачебной тайны осуществляется без согласия человека.

Практика же показывает, что не все суды однозначно решают вопрос о недопустимости разглашения врачебной тайны в случае соответствующего запроса от коммерческих организаций. Как правило, судами признается ограниченный режим доступа к врачебной тайне и поддерживается отказ в предоставлении медицинских документов или сведений в отношении пациента по запросу коммерческих организаций в случаях, не указанных в статье 13 Федерального закона № 323.

К примеру, в споре страховой компании и банка, обратившегося за страховым возмещением в счет погашения задолженности заемщика в связи с его смертью, Верховный суд РФ [2] пришел к выводу, об отсутствии у банка законного доступа к некоторым документам, необходимым для установления страхового события и получения возмещения, в силу режима охраняемой законом тайны (врачебная тайна, тайна следствия, тайна, предусмотренная законодательством об актах гражданского состояния).

Нередко страховые компании самостоятельно направляют в профильные организации запросы о предоставлении медицинских и иных документов, содержащих врачебную тайну, относительно своих клиентов, отказ в предоставлении которых становится предметом судебного разбирательства.

Так, после смерти клиента страховая направила запрос о предоставлении информации об обращениях гражданина в медицинские организации для получения медицинской помощи в Территориальный фонд обязательного медицинского страхования (далее – фонд). Отказ последнего послужил поводом для обращения страховой компании в арбитражный суд с требованиями о признании незаконным бездействия, связанного с непредставлением сведений, запрошенных в запросе, а также об обязанности представить запрашиваемые сведения. Суды первой [3] и апелляционной инстанций [4] отказ фонда поддержали по следующим основаниям. Во-первых, фонд не обладает согласием пациента на разглашение врачебной тайны конкретной страховой организации. Во-вторых, добровольное письменное согласие клиента на получение, сбор и передачу сведений, составляющих врачебную тайну, предоставленное страховой организации, следует рассматривать в качестве согласия пациента на обработку персональных данных, относимых к врачебной тайне, в целях осуществления страховой выплаты. В-третьих, предо-

ставление сведений, относящихся к врачебной тайне, по запросу страховых организаций без согласия пациента не относится к перечню исключений, определенных частью 4 статьи 13 Федерального закона № 323.

В рамках другого дела суд признал законным отказ фонда в предоставлении страховой компании сведений и документов об обращении гражданина в медицинские учреждения и диагностированных заболеваниях. В обоснование решения суд указал, что обработка специальных категорий персональных данных, к которым относятся сведения о состоянии здоровья в соответствии с частью 1 статьи 10 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [6], осуществляется строго при наличии письменного согласия субъекта персональных данных. Оператором, осуществляющим обработку персональных данных о состоянии здоровья гражданина (передачу, распространение, предоставление, доступ) является фонд, а не страховая компания. Гражданин согласие на обработку его персональных данных фонду не предоставлял. Дополнительно суд обратил внимание на тот факт, что часть 4 статьи 13 Федерального закона № 323 не содержит указаний на правомочность страховых компаний получать без согласия гражданина сведения, относящиеся к нему и являющиеся врачебной тайной.

Аналогичный вывод содержится в Постановлении Восьмого арбитражного апелляционного суда от 07.09.2023 № 08АП-7313/2023 [7].

Иное мнение высказал Седьмой кассационный суд общей юрисдикции [8], не нашедший оснований для отмены решений судов нижестоящих инстанций, возлагающих на медицинское учреждение обязанность предоставить медицинские документы пациента по запросу банка.

Судом было установлено, что при заключении кредитного договора и присоединении к программе коллективного страхования гражданин в соответствии с пунктом 3 статьи 13 Федерального закона № 323 дал согласие «любому лечебному учреждению и/или врачу предоставлять страховщику или банку любые сведения, связанные с ней и составляющие врачебную тайну». Но запросив в медицинском учреждении копию выписки из медицинской карты пациента с указанием заболеваний, дат их диагностирования и лечения, банк получил отказ со ссылкой на врачебную тайну.

Судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции полностью согласилась с выводами судов первой и апелляционной инстанций, в том числе с утверждением, что согласие, предоставленное гражданином банку без указания конкретного медицинского учреждения, является правомерным основанием для получения банком документов, содержащих врачебную тайну гражданина, так как банк является заинтересованным в получении таких документов лицом. Вместе с тем в статье 13 Федерального закона № 323 такого основания разглашения врачебной тайны как «заинтересованность лица» нет.

Наличие нескольких подходов при рассмотрении споров свидетельствует об отсутствии единообразного толкования норм о врачебной тайне. Наиболее правильным представляется подход, в основе которого лежит следование общему правилу о недопустимости разглашения врачебной тайны при отсутствии обстоятельств, указанных в ст. 13 Федерального закона № 323. При этом считаем, что позиция, согласно которой согласие на разглашение врачебной тайны должно предоставляться непосредственно лицу, которому известна врачебная тайна человека, соответствует букве и духу закона. Таким образом, признание судом приоритета врачебной тайны и ее соблюдение – основополагающая гарантия реализации конституционных прав граждан в сфере здравоохранения: права на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также права на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны.

Литература

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета, № 263, 2011.
2. Определение Верховного Суда РФ от 19.07.2018 № 305-ЭС18-9658 по делу № А40-194064/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Решение Арбитражного суда Московской области от 01.12.2023 по делу № А41-70097/23 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 07.02.2024 № 10АП-26503/202 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 25.09.2023 г. № А29-17214/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О персональных данных: Федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) // Российская газета, № 165, 29.07.2006.
7. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 07.09.2023 № 08АП-7313/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.08.2023 № 88-13325/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А. М. Хафизов

Студент ПГНИУ

Научный руководитель: Е. В. Любимова

ОСОБЕННОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО СПОРАМ О ПРИВЛЕЧЕНИИ КОНТРОЛИРУЮЩЕГО ДОЛЖНИКА ЛИЦА К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями распределения бремени доказывания по спорам о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве, процессуальные обязанности истца и ответчика в рамках этой категории юридически дел.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), субсидиарная ответственность, бремя доказывания, должник, контролирующее должника лицо.

A. M. Khafizov

Student, Perm State University

Supervisor: E. V. Lubimova

PECULIARITIES OF DISTRIBUTION OF THE BURDEN OF PROOF IN DISPUTES ON BRINGING A PERSON CONTROLLING THE DEBTOR TO SUBSIDIARY LIABILITY IN BANKRUPTCY CASES

The article deals with issues related to the disputes on bringing a person controlling the debtor to subsidiary liability in bankruptcy cases, plaintiff's and defendant's obligations in this category of legal cases.

Keywords: insolvency (bankruptcy), subsidiary liability, burden of proof, debtor, person controlling the debtor.

Согласно Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (далее – АПК РФ) [1], а именно статье 65, неотъемлемым компонентом принципа состязательности судебного процесса является доказательственная деятельность лиц, участвующих в деле. Основой механизма состязательности, является правило о том, что для суда нет средств доказывания, которым бы заранее отдавался приоритет в сравнении с другими средствами доказывания. Любой источник информации проверяется судом на предмет относимости, допустимости, достоверности и достаточности, а также классифицируется в зависимости от способа формирования и характера связи с искомым юридическим фактом. В результате такой аналитической проверки доказательственной базы суд приходит к выводу об установлении обстоятельств по делу. Немаловажно и то, что только лица, участвующие в деле, могут приводить доказательства в обоснование своей позиции (то есть

этапы выявления и сбора доказательств находятся в области процессуальных прав и обязанностей лиц, участвующих в деле, а не суда): при этом, суд, в свою очередь, исследует и оценивает собранные доказательства. Поскольку процедура сбора доказательств отдана на откуп сторон, постольку повышенное значение имеют нормы о распределении бремени доказывания.

Законодательно установлено следующее бремя доказывания: истец обязан доказывать обстоятельства, на которых основывается выбранный им способ защиты субъективного гражданского права. При доказывании необходимо соблюсти структурные составляющие иска и дополнительно ко всему доказать, что у истца действительно есть право на подачу такого искового заявления в отношении ответчика, который, по его мнению, нарушил его законные интересы и права [2] (то есть предпосылки и условия обращения в суд).

Переходя к бремени доказывания по спорам о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве, отметим, что ежегодно количество таких споров в делах о несостоятельности (банкротстве) возрастает, а вместе с тем появляется достаточно большое количество вопросов, т. к. субсидиарная ответственность является исключительным механизмом защиты прав кредиторов в рамках споров о банкротстве должника. И, как показывает сложившаяся практика, до сих пор в судебных процессах возникает неопределенность относительно распределения бремени доказывания.

В 2016 году Верховный Суд Российской Федерации в Определении от 06.04.2016 № 307-ЭС16-1977 по делу № А66-8421/2013 пришел к выводу о том, что бремя доказывания добросовестности и разумности действий контролирующего должника лица возлагается на этих же лиц, поскольку причинение ими вреда должнику и его кредиторам презюмируется [3]. Дополнительно судом указано на то, что «нелюбое подтвержденное косвенными доказательствами сомнение в отсутствии контроля должно толковаться против ответчика, такие сомнения должны быть достаточно серьезными, то есть убедительно подтверждать факт возможности давать прямо либо опосредованно обязательные для исполнения должником указания».

Подробно изучая мнение Верховного суда Российской Федерации по данному вопросу, считаем, что такая позиция была изложена не просто для конкретизации норм процессуального права, а была предназначена для установления единой и определенной судебной практики в отношении института ответственности контролирующего должника лица, что действительно необходимо в нынешних реалиях. Этой же точки зрения ранее придерживался и Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, отразив ее в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» [4].

Анализируя судебную практику Верховного Суда Российской Федерации и ранее действовавшего Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в совокупности с применяемыми нормами процессуального законодательства, можно уже сейчас сделать однозначный вывод – в большинстве своем бремя доказывания является обязанностью истца. Именно ему нужно полно и развернуто доказать тот факт, что ответчик, в отношении которого заявлены требования, является контролирующим должника лицом (факты пассивной легитимации).

Однако есть и дополнительные правила. Нельзя забывать о том, что существует установленная законодательством презумпция. Она содержится в статье 61.10 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и звучит она следующим образом: «лицо является контролирующим должника, если оно попадает под одно из следующих трех признаков:

- лицо являлось руководителем должника или управляющей организации должника, членом исполнительного органа должника, ликвидатором должника, членом ликвидационной комиссии;

- лицо имело право самостоятельно либо совместно с заинтересованными лицами распоряжаться пятьюдесятью и более процентами голосующих акций акционерного общества, или более чем половиной долей уставного капитала общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью, или более чем половиной голосов в общем собрании участников юридического лица либо имело право назначать (избирать) руководителя должника;

- лицо извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в пункте 1 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации» [4].

В указанных трех случаях истец имеет полное право не доказывать факт того, что определенное лицо является контролирующим должника, т. к. это условие уже содержится в нормах Закона о несостоятельности (банкротстве) и не требует дополнительного подтверждения со стороны заинтересованного лица. Между тем нельзя не заметить особенность анализируемой правовой конструкции: при незначительности периода руководства должником, периода владения долей в уставном капитале ответчик имеет высокие шансы опровергнуть причинно-следственной связи между его статусом и неплатежеспособностью должника.

Также интересный подход к распределению бремени доказывания нашел отражение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [6].

Конституционный Суд РФ подчеркнул, что к дискреции суда отнесен вопрос об изменении решений о распределении процессуальных обязанностей по исполнению бремени доказывания в случае, когда при дальнейшем рассмотрении

дела будет выявлена недобросовестность кредитора. Полагаем, что такая возможность о переносе бремени доказывания будет являться мерой процессуального воздействия на лицо, препятствующее осуществлению правосудия. Поскольку у суда отсутствует процессуальная обязанность разъяснить или хотя бы озвучить сторонам предмет доказывания при рассмотрении конкретного дела, постольку не всегда ясно распределение бремени доказывания. В связи с этим для сторон наиболее лучшей стратегией является активное использование процессуальных прав и выработка четкой процессуальной позиции. Так кредиторам можно просить о содействии суда на этапе сбора доказательств посредством подачи запросов и ходатайств. А лица, которые привлекаются к субсидиарной ответственности, должны направлять в суд письменные пояснения по заявленным требованиям, должны прикладывать доказательства добросовестности и разумности своих действий [7].

В заключение отметим что, выводы судов по данной категории дел лишь относительно недавно стали приобретать консенсуальную системность и унифицировано применяться при рассмотрении этой категории дел.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Комлева Т. Д. Общие правила распределения обязанностей доказывания в арбитражном процессе // Евразийский научный журнал. 2021. №1. С. 34–36.
3. Определение Верховного Суда РФ от 06.04.2016 № 307-ЭС16-1977 по делу № А66-8421/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс.
4. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.
5. О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица: Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 8. Ст. 1414.
7. Артемьева М. А., Ветров Д. М. Распределение бремени и стандарт доказывания по делам о привлечении к ответственности ответчиков (контролирующих лиц) по долгам юридического лица // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1. С. 38–42.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРАВА КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ

Рассматриваются процессуальные права контролирующих должника лиц. Поднимается вопрос о достаточности специальных процессуальных прав контролирующих должника лиц, предусмотренных существующим законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: контролирующее должника лицо, субсидиарная ответственность, банкротство.

A. D. Chizhov
Student, Perm State University
Supervisor: A. V. Syatchikhin

PROCEDURAL RIGHTS OF PERSONS CONTROLLING THE DEBTOR

The procedural rights of persons controlling the debtor are considered. The question is raised about the sufficiency of special procedural rights of persons controlling the debtor provided for by the existing legislation of the Russian Federation.

Keywords: person controlling the debtor, subsidiary liability, bankruptcy.

Количество рассматриваемых судами дел о банкротстве остаётся стабильно высоким на протяжении всей истории существования данного института и со временем только растёт. Так на основе статистики «Федресурс» за 2023 год было открыто 7400 процедур конкурсного производства.

Несмотря на количество банкротств, требования кредиторов удовлетворяются не в полном объёме. На основании той же статистики реестра «Федресурс» [1], доля дел, в которых кредиторам не удалось ничего получить от должника, за 2023 год составила 54,7 %. Это говорит о том, что более половины процедур заканчиваются не в пользу кредиторов.

В связи с этим всё больше растёт количество заявлений на привлечение к субсидиарной ответственности, поскольку это последний и эффективный способ восстановить права кредиторов.

Под субсидиарной ответственностью понимается появление, помимо основного, дополнительного должника, который обязан возместить недостающую сумму долга при наличии соответствующего решения суда.

Привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц является всё более частым явлением. Так по статистике «Федресурс» в 2019 году было подано более 4,3 тыс. заявлений на привлечение к субсидиарной ответственности, а в 2023 году 6,5 тыс.

Несмотря на приведённую статистику, а также цель института субсидиарной ответственности в банкротстве, которая состоит в расширении прав кредиторов, на данный момент можно считать уязвимой стороной данных правоотношений именно контролирующих должника лиц.

Вне зависимости от того, что субсидиарная ответственность по своей правовой природе фактически является санкцией за совершение определённых действий, контролирующее должника лицо должно иметь право на защиту.

Правовая природа субсидиарной ответственности является спорным вопросом законодательства ввиду неопределённости понятий «субсидиарная ответственность» и, в особенности, «контролирующее должника лицо» [2].

Как указывает В. Г. Голубцов, оценочные понятия являются необходимым атрибутом гражданского права, который применяется при конструировании норм ввиду невозможности учёта всех частных случаев применения того или иного понятия [3].

Поскольку институт субсидиарной ответственности в процедуре банкротства представляет из себя относительное новшество и ещё не имеет достаточного количества теоретических и практических закреплений каких-либо положений, достаточно устоявшегося толкования правовых норм, затрагивающих этот институт, фактически контролирующее должника лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности, остаётся бесправным.

Данный институт имеет определённое развитие, но изначально нормы обсуждались в Конституционном Суде РФ, поскольку статья 46 Конституции РФ [4] каждому гарантирует судебную защиту его прав и свобод, которое контролирующее должника лицо в начале пути становления института субсидиарной ответственности реализовать практически не могло.

Например, возможность оспаривания судебных актов в деле о банкротстве у некоторых контролирующих должника лиц отсутствовала. Этот вопрос решался Конституционным Судом РФ по конкретному делу [5], когда лицо было привлечено к субсидиарной ответственности, но поскольку лицо являлось лишь участником обособленного спора, то, несмотря на статус контролирующего должника, не могло обжаловать судебные акты, в том числе включение в реестр требований кредиторов, которые лицо считало необоснованными.

Особое внимание в данной работе хочется уделить именно специальным правам контролирующего должника лица.

Проанализировав теоретический фундамент, а также нормативную базу, был сделан вывод, что специальные права контролирующего должника лица на текущий момент предусмотрены лишь ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», при этом не все из них действительно можно назвать специальными.

Начать хотелось бы со статьей 61.16, которая содержит в себе право контролирующего должника лица обжаловать определение о привлечении к субсидиарной ответственности, что нельзя полностью отнести к специальным правам данного субъекта, поскольку фактически правом на обжалование судебного акта лицом, права которого он затрагивает, предусмотрено и самим Арбитражным процессуальным кодексом РФ.

Далее рассмотрим пункт 9 статьи 61.11, который тоже является спорным, поскольку фактически предоставляет арбитражному суду право уменьшить размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица, если это лицо докажет, что фактически не оказывало определяющего влияния на деятельность юридического лица (действовало номинально), и если благодаря предоставленным этим лицом сведениям установлено фактически контролировавшее должника лицо и (или) обнаружено скрывавшееся последним имущество должника и (или) контролирующего должника лица.

То есть на основании указанной выше статьи можно сделать вывод, что контролирующее должника лицо имеет право на уменьшение размера субсидиарной ответственности, и стоит отметить условия, необходимые для предоставления арбитражному суду права на уменьшение размера субсидиарной ответственности.

Особо интересным моментом является тот факт, что если лицо доказывает указанные в статье обстоятельства, то возможно снижение размера субсидиарной ответственности, но ведь если лицо докажет, что не оказывало определяющего влияния на деятельность юридического лица, то насколько можно данное лицо считать контролирующим должника, ведь оно перестаёт соответствовать признакам контролирующего должника лица, если исходить из буквального толкования статьи 61.10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Специальные права контролирующего должника лица указаны и в пунктах 1 и 3 статьи 61.15. Согласно пункту 1 указанной статьи, такое лицо может участвовать в деле о банкротстве первоначального должника при рассмотрении иных вопросов, которые указаны в абзаце 2 пункта 4 статьи 34 этого же федерального закона, без подачи ходатайств о привлечении к участию в деле, что появилось только в 2022 году.

Пункт 3 статьи 61.15 также содержит в себе именно специальное право контролирующего должника лица, благодаря которому оно может подать обратное требование (регресс) к основному должнику в размере выплаченной суммы после полного погашения требований всех остальных кредиторов.

Несмотря на теоретическую полезность наличия данного права, не приходится в данном случае говорить о практической полезности, ведь по статистике удовлетворяются лишь 6,8% требований кредиторов.

В дополнение к озвученным выше правам контролирующего должника лица, стоит заметить содержание других норм, касающихся института субсидиарной ответственности, в которых содержится внушительное количество оснований, презумпций и т.п., что «помогают» кредитором в признании того или иного лица контролирующим должника.

Таким образом, субсидиарная ответственность безусловно является эффективным способом защиты прав кредиторов, но в силу ориентации исключительно на права кредиторов, институт субсидиарной ответственности сейчас в значительной мере преуменьшает права контролирующих должника лиц и «развязывает руки» для недобросовестных кредиторов, которые имеют множество способов и возможностей для злоупотребления правом. На данный момент совокупность норм по субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц можно назвать полностью противоречащей понятию предпринимательской деятельности, которое содержит в себе признак предпринимательского риска, а при текущем положении дел законодатель фактически пытается убрать фактор риска для кредиторов, путём расширения их прав, а также увеличения количества способов удовлетворения требований.

Литература

1. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству // Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности «Федресурс». 2024. URL: <https://fedresurs.ru/news/24f5de15-1c42-470f-aa2c-13919c026cse> (дата обращения: 20.04.2024).
2. Сятчихин А. В., Стороженко Д. И. Доктринальный и нормативный подходы к понятию аффилированности // *Ex jure*. 2021. №4. С. 57.
3. Голубцов В. Г. Оценочные понятия в российских кодификациях гражданского права // *Lex Russica*. 2019. №8 (153). С. 46.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.11.2021 по делу о проверке конституционности статьи 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 34 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».
6. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // *Российская газета*, №209-210. 02.11.2002.

А. А. Шмырина
Студент ПГНИУ
Научный руководитель: А. В. Бормотов

К ВОПРОСУ О ПРИВЛЕЧЕНИИ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ЕГО ДО БАНКРОТСТВА

В статье анализируются критерии, при наличии которых участники общества с ограниченной ответственностью или лица, которые имеют право давать обязательные указания для ООО, могут быть привлечены к субсидиарной ответственности по долгам общества в случае наступления его банкротства.

Ключевые слова: банкротство, общество с ограниченной ответственностью, условия привлечения к субсидиарной ответственности.

A. A. Shmyrina
Student, Perm State University
Supervisor: A. V. Bormotov

ON THE ISSUE OF HOLDING PARTICIPANTS OF A LIMITED LIABILITY COMPANY LIABLE FOR BRINGING IT TO BANKRUPTCY

The article analyzes the criteria under which participants in a limited liability company or persons who have the right to give mandatory instructions to an LLC can be held vicariously liable for the debts of the company in the event of its bankruptcy.

Keywords: bankruptcy, limited liability company, conditions for bringing to subsidiary liability.

Из смысла статьи 2 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [1] (далее – Закон, ФЗ «Об ООО») следует, что участники общества, по общему правилу, не отвечают по обязательствам ООО и несут риск убытков, которые возникли в результате деятельности общества, в пределах стоимости принадлежащих им долей в уставном капитале. При наступлении банкротства общества по вине его участников или по вине других лиц, которые имеют право давать обязательные для ООО указания либо иным образом имеют возможность определять его действия, на указанных участников или других лиц в случае недостаточности имущества общества может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам. Данное положение законодательно закреплено в статье 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Это означает, что в случае, если банкротство компании вызвано действиями ее участников или иных контролирующих лиц, они могут быть обязаны выплатить дополнительные средства для покрытия долгов компании.

Субсидиарная форма ответственности в отношении участников общества возможна, законодатель устанавливает это в приведенной статье 3 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». Утверждение возможности привлечения к субсидиарной ответственности участников ООО связано с тем, что не только руководитель или контролирующие общество лица могут довести хозяйствующий субъект до банкротства, но и участники, которые своими действиями и (или) решениями могут повлиять на деятельность общества. При этом в норме оговорено, что участники либо дают обязательные для ООО указания, либо иным образом имеют возможность определять его действия, которые в результате приводят общество к банкротству.

Для привлечения участников к субсидиарной ответственности необходимо установить наличие четырех условий: 1) совокупность юридически значимых действий, совершенных подконтрольной организацией; 2) результат в форме несостоятельности (банкротства) ООО; 3) наличие вины участников; 4) причинно-следственная связь между использованием участниками своих прав и (или) возможностей в отношении контролируемого хозяйствующего субъекта и наступившим банкротством. Эти условия вытекают из системного толкования п. 2 ст. 56 Гражданского кодекса Российской Федерации [2], п. 3 ст. 3 Закона, а также ст. 61.11 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3].

Пунктом 3.1 статьи 3 ФЗ «Об ООО», закреплено, что исключение общества из единого государственного реестра юридических лиц в порядке, установленном Федеральным законом о государственной регистрации юридических лиц для недействующих юридических лиц, влечет последствия, предусмотренные Гражданским кодексом Российской Федерации для отказа основного должника от исполнения обязательства.

В данном случае, если неисполнение обязательств общества обусловлено тем, что лица, указанные в пунктах 1–3 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, действовали недобросовестно или неразумно, то по заявлению кредитора на таких лиц может быть также возложена субсидиарная ответственность по обязательствам этого общества.

По смыслу пункта 3.1 статьи 3 ФЗ «Об ООО» следует, что виновные действия указанных участников включают в себя в том числе недобросовестные и неразумные действия, которые приводят к неисполнению обязательств перед кредиторами. Недобросовестные действия участника могут выражаться как в совершении конкретных действий, так и в даче указаний, являющихся обязательными для общества. Такие действия приводят к неисполнению обязательств перед контрагентами или к неисполнению таких обязательств в части (то есть недобросовестный участник заранее предполагает или знает, что ООО или контрагент понесет убытки в результате таких действий).

Под неразумными действиями следует понимать предложения, управленческие решения и указания, которые не соответствуют уровню риска, который хозяйствующий субъект может себе позволить, то есть вероятность потери имущества в результате рискованной сделки неоправданно высока. Чаще всего неразумные действия выражаются в их экономической нецелесообразности, а совершаемая в результате таких обязательных для исполнения указаний сделка или принимаемое решение выходят за рамки разумного предпринимательского риска.

Критерий вины участников означает, что доведение до банкротства наступило в результате их волевых, осознанных указаний. То есть участники понимали, что указание является либо недобросовестным, либо слишком рискованным в предпринимательском или управленческом отношении.

Условие наличия причинно-следственной связи между противоправным поведением участников и невозможностью исполнения должником обязательств перед кредитором связаны с необходимостью оценки хозяйственной деятельности ООО за прошедший период времени, что часто бывает затруднительно, так как высок риск утраты требуемых доказательств.

В Обзоре Судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 от 2016 года [4] разъясняется, что субсидиарная ответственность участников наступает лишь в том случае, если в результате поведения участников должнику был не только причинен имущественный вред, но он стал при этом банкротом, то есть лицом, которое не может удовлетворить требования кредиторов и исполнить публичные обязанности вследствие значительного уменьшения объема своих активов под влиянием контролирующего лица. Также суды должны в обязательном порядке устанавливать наличие причинно-следственной связи между распоряжениями участников и наступившим банкротством.

Таким образом, по общему правилу общество с ограниченной ответственностью не отвечает по обязательствам своих участников. Но в случае наступления банкротства участники ООО понесут субсидиарную ответственность лишь за те действия, в результате которых обществу был причинен имущественный вред, что сделало его банкротом.

Литература

1. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федер. закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 18.04.2024).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
3. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.
4. Обзор Судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 от 2016 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 3. С. 47–49.

О НАДЛЕЖАЩЕМ СПОСОБЕ ЗАЩИТЫ ПРИ РАЗДЕЛЕ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА, НАХОДЯЩЕГОСЯ В ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ

Анализируется судебная практика в части раздела земельного участка, связанного с прекращением права общей собственности на него. Рассматриваемый вариант раздела земельного участка подпадает под действие ст. 252 ГК РФ, положения которой подлежат субсидиарному применению при определении надлежащего способа защиты при недостижении сторонами соответствующего соглашения.

Ключевые слова: образование земельного участка, раздел земельного участка, порядок пользования земельным участком.

G. N. Eyrian
Associate Professor
Perm State University

ON THE APPROPRIATE METHOD OF PROTECTION FOR THE DIVISION OF LAND IN COMMON OWNERSHIP

The court practice with regard to the division of the land plot related to the termination of the common ownership of it is analyzed. The division of the land under consideration is covered by Section. 252 of the Civil Code of the Russian Federation, the provisions of which are subject to subsidiary application when determining the appropriate form of protection if the parties to the relevant agreement do not reach it.

Keywords: formation of a land plot, division of a land plot, procedure for using land, common ownership of land.

Анализ судебной практики показывает, что при рассмотрении споров о разделе земельных участков, находящихся в общей собственности, ряд вопросов вызывает определенные трудности. К числу последних, на наш взгляд, следует отнести определение надлежащего способа защиты при разделе земельного участка, связанного с прекращением права общей собственности.

Согласно пункту 1 статьи 11.2 ЗК РФ раздел земельного является одним из способов его образования. При этом в силу пункта 1 статьи 11.4 ЗК РФ при разделе земельного участка образуются несколько земельных участков, а земельный участок, из которого при разделе образуются земельные участки, прекращает свое существование, за исключением случаев, указанных в ЗК РФ и других федеральных законах. Порядок раздела земельного участка, находящегося в общей собственности, урегулирован в пункте 3 статьи 11.2 ЗК РФ. Установлено следующее правило:

при разделе земельного участка, находящегося в общей собственности, участники общей собственности сохраняют право общей собственности на все образуемые в результате такого раздела земельные участки, если иное не установлено соглашением между такими участниками. Другими словами, «земельное законодательство, в отличие от законодательства гражданского (ст. 252 ГК РФ), не рассматривает раздел общего земельного участка в качестве основания для прекращения права общей собственности. Напротив, по умолчанию вновь образованные участки будут находиться в общей собственности тех же сособственников» [1]. Отмеченное различие между положениями ЗК РФ (ст. 11.4) и ГК РФ (ст. 252) не всегда учитывается истцами при выборе надлежащего способа защиты в тех случаях, когда раздел земельного участка сопряжен с прекращением права общей собственности. В качестве примера приведем спор, рассмотренный Арбитражным судом Пермского края, по иску товарищества собственников жилья «Холмогорская, 2Д» к товариществу собственников жилья «Холмогорская, 2Г» и товариществу собственников жилья «Холмогорская, 2Е» о разделении земельного участка, определении границ земельного участка. Решением суда, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций [2], в удовлетворении заявленных требований отказано. Суды установили, что, обращаясь в арбитражный суд, истец ссылался на возникновение между собственниками жилых помещений разногласий по вопросу пользования общим имуществом, а именно детскими площадками, местами для парковки. При этом *с требованием об установлении порядка пользования земельным участком, находящимся в общей долевой собственности, так же, как и с требованием о выделе доли, стороны в суд не обращались*. Исходя из того, что, способ защиты прав должен соответствовать характеру нарушения и обеспечивать восстановление нарушенных прав, между тем, в результате принятия обжалуемого судебного акта по заявленному требованию о разделе земельного участка правовой конфликт не будет разрешен, учитывая, что в силу вышеуказанных норм при разделе земельного участка, находящегося в общей собственности, участники общей собственности сохраняют право общей собственности на все образуемые в результате такого раздела земельные участки, суды обоснованно признали заявленное требование ненадлежащим способом защиты, который не обеспечит восстановление нарушенных прав заявителя. Таким образом, судебный раздел земельного участка, связанный с прекращением права общей собственности (п. 3 ст. 11.4 ЗК РФ), должен включать в себя требование истца о выделе в натуре своей доли из общего имущества (п. 3 ст. 252 ГК РФ). Заметим, что выдел в натуре своей доли в праве общей собственности на земельный участок при его разделе следует отличать от выдела земельного участка как самостоятельного способа его образования (ст. 11.5 ЗК РФ).

В судебной практике также возник вопрос, вправе ли суд понуждать собственника к согласованию раздела земельного участка. Так, Решением Арбитражного суда Республики Бурятия [3], оставленным без изменения Постановлением Четвертого арбитражного апелляционного суда от 10.02.2021 [4], на ответчика возложена обязанность провести согласование схемы раздела земельного участка. Постановлением Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 02.05.2021 по делу № А10-5808/2019 [5] решение Арбитражного суда Республики Бурятия от 16.11.2020 по делу № А10-5808/2019 и постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 10.02.2021 по тому же делу отменены, дело направлено на новое рассмотрение в Арбитражный суд Республики Бурятия. Суд кассационной инстанции обоснованно указал, что действующим гражданским и земельным законодательством *не предусмотрена возможность обязания кого-либо предоставить согласие на совершение того или иного действия, в том числе обязания согласовать раздел земельного участка.* В случае возникновения спора при осуществлении раздела земельного участка заинтересованное в таком разделе лицо может обратиться в суд с требованием об осуществлении раздела участка. При рассмотрении этого требования суд оценивает соответствующие возражения ответчиков (их мотивы, послужившие причиной отказа в согласовании раздела) и принимает решение по существу имеющегося спора.

Применительно к рассматриваемому вопросу укажем также на позицию ВС РФ, который в одном из своих актов указал следующее. Принудительный раздел имущества судом не исключает, а напротив, предполагает, что сособственники не достигли соглашения и раздел производится вопреки желанию кого-либо из них, а при определенных условиях возможен не только раздел вопреки воле одного из сособственников, но и выплата ему денежной компенсации вместо его доли в имуществе [6]. Отметим, что необходимость решения судом спора о разделе земельного участка по существу прямо следует из положений пункта 3 статьи 252 ГК РФ.

Раздел земельного участка, связанный с прекращением права общей собственности, является одним из вариантов раздела как способа образования земельных участков. При этом в ЗК РФ содержится лишь оговорка о возможности такого варианта раздела при наличии соглашения между сособственниками земельного участка (п. 3 ст. 11.4 ЗК РФ). В то же время рассматриваемый вариант раздела земельного участка подпадает под действие ст. 252 ГК РФ, положения которой подлежат субсидиарному применению при определении надлежащего способа защиты при недостижении сторонами соответствующего соглашения.

Литература

1. Лапач В. А. Некоторые методические проблемы преподавания гражданского и земельного права // Гражданское право. 2009. № 1. С. 14–17.
2. Решение Арбитражного суда Пермского края от 22.10.2018 по делу № А50-19576/2018; Постановления: Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.01.2019 № 17АП-18633/2018-ГК; Арбитражного суда Уральского округа от 27.05.2019 № Ф09-2274/19 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Решение Арбитражного суда Республики Бурятия от 16.11.2020 по делу № А10-5808/2019 [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 10.02.2021 № 04АП-6837/2020 по делу № А10-5808/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 02.05.2021 № Ф02-1638/2021 по делу № А10-5808/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.02.2018 № 4-КГ17-66 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С. Ш. Юсупова
Студент ПГНИУ
Научный руководитель: В. В. Акинфиева

ОТКАЗ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРА ПРИ БАНКРОТСТВЕ

В статье рассмотрены варианты одностороннего отказа при банкротстве – со стороны конкурсного управляющего, а также со стороны контрагента по сделке. Проанализирована складывающаяся судебная практика при отказе от договора арендодателя во время банкротства арендатора. Поднимается проблема соблюдения баланса интересов контрагента по сделке и остальных кредиторов в деле о банкротстве.

Ключевые слова: односторонний отказ от исполнения договора, отказ от договора при банкротстве, баланс интересов кредиторов.

S. Sh. Yusupova
Student, Perm State University
Supervisor: V. V. Akinfieva

REPUDIATION OF A CONTRACT IN BANKRUPTCY

The article considers the options of unilateral refusal during bankruptcy - by the bankruptcy trustee, as well as by the counterparty to the transaction. The article analyzes the emerging judicial practice in the case of refusal from the contract of the lessor during the bankruptcy of the lessee. The problem of balancing the interests of the counterparty to the transaction and other creditors in the bankruptcy case is raised.

Keywords: unilateral refusal from fulfillment of the contract, refusal from the contract in bankruptcy, balance of creditors' interests

Банкротство не является самостоятельным основанием досрочного расторжения договора для должника. Согласно статье 102 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) [1] односторонний отказ конкурсного управляющего от сделок должника допустим лишь при одновременном соблюдении двух условий. Во-первых, сделка не исполнена полностью или частично. Во-вторых, сделка препятствует восстановлению платежеспособности должника или ее исполнение повлечет за собой убытки по сравнению с аналогичными сделками, заключаемыми при сравнимых обстоятельствах.

Причем данная норма не распространяется на сделки, обеспечивающие обязательства (например, банковскую гарантию, договор о залоге). Как указывает Верховный Суд РФ, сфера применения указанной выше нормы для предпринимательских сделок ограничивается возмездными договорами. В целях соблюдения

баланса прав сторон соглашения необходимо проверять совершенные к моменту отказа встречные предоставления.

В частности, отказ кредитной организации от ранее выданной банковской гарантии приводит к тому, что бенефициар лишается возможности получить удовлетворение своих требований путем включения их в реестр требований кредиторов гаранта при отсутствии иных механизмов восстановления нарушенных прав. Поэтому применение к банковской гарантии, равно как и к любой иной обеспечительной сделке, положений пункта 2 статьи 102 Закона о банкротстве является ошибочным [2].

Вместе с тем, банкротство не является препятствием для досрочного расторжения договора кредитором. Закон о банкротстве не содержит положения о том, что открытие процедуры конкурсного производства автоматически лишает кредитора права на односторонний отказ.

Кроме того, некоторые авторы считают, что банкротство контрагента можно рассматривать как существенное изменение обстоятельств, которое является самостоятельным, законным основанием отказа от договора. Так, А. А. Громов полагает, что если лизингодатель уведомил продавца о том, что товар приобретается для лизингополучателя, то последующая ликвидация или банкротство лизингополучателя могли бы рассматриваться как основание для предоставления лизингодателю права требовать расторжения договора купли-продажи с целью отказа от принятия товара [3].

Однако на практике могут возникать проблемы, связанные с правомерностью совершения одностороннего отказа во время конкурсного производства, поскольку такой отказ может нанести вред другим кредиторам, уменьшить конкурсную массу должника.

Так, в одном из рассматриваемых Верховным Судом РФ (далее – ВС РФ) дел конкурсный управляющий и кредитор были не согласны с односторонним отказом арендодателя от договора с должником-арендатором. Заявители ссылались на то, что право аренды земельного участка вошло в конкурсную массу должника, поскольку условия договора не содержали запрет арендатору на передачу прав и обязанностей по договору третьим лицам. Соответственно, действия арендодателя в таком случае необходимо считать злоупотреблением правом [4].

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной инстанции и округа, односторонний отказ от исполнения договора аренды признан недействительным. По мнению судов, отказ от исполнения договора аренды в конкурсном производстве препятствует реализации имущества должника (сельскохозяйственного предприятия). Министерство, являясь участником общества, такими действиями фактически осуществляет вывод ликвидного актива из конкурсной массы должника, чем причиняет вред его кредиторам.

Верховный Суд РФ не согласился с указанными выводами. В связи с тем, что арендатор продолжил пользоваться земельным участком по окончании срока, договор был возобновлен на неопределенный срок. Соответственно, каждая из сторон вправе отказаться от исполнения договора, предварительно уведомив другую сторону (п. 2 ст. 610 ГК РФ [5]). Кроме того, такое право предоставлено сторонам и по условиям спорного договора.

Как указал ВС РФ, закон не содержит положения о том, что банкротство арендатора автоматически лишает арендодателя права на досрочное расторжение договора, в том числе при наличии к тому оснований, установленных иными законами.

В рассматриваемом случае столкнулись разнонаправленные интересы. С одной стороны - интересы публичного собственника сданного в аренду имущества, наделенного правомочиями по распоряжению этим имуществом, с другой – интересы кредиторов, рассчитывающих на максимальное пополнение конкурсной массы.

ВС РФ подтвердил правомерность одностороннего отказа, указав, что имущественные права по договору аренды не могли быть включены в конкурсную массу должника и использованы в качестве его актива, поскольку арендодатель имущества выразил волеизъявление на возврат имущества собственнику.

Данный подход вызвал неоднозначную реакцию среди практикующих юристов [6]. Представляется, что в целях защиты интересов конкурсных кредиторов есть необходимость распространить действие института обеспечительных мер на все договорные правоотношения в виде запрета на расторжение договора, как, например, это предусмотрено статьей 201.3 Закона о банкротстве в отношении должника-застройщика.

Стоит отметить, что и названные положения не достаточны для защиты интересов конкурсных кредиторов. В частности, Р. С. Бевзенко отмечает, что отсутствие полного безусловного запрета на расторжение договора строительной аренды лишает застройщика возможности завершить строительство, соответственно, в такой модели нет места восстановлению платежеспособности застройщика [7]. Автор считает, что в такой ситуации справедливым решением было бы включение прав арендатора в конкурсную массу должника и пропорциональное удовлетворение требований кредиторов [8].

К слову, дореволюционный цивилист Г. Ф. Шершеневич писал о том, что справедливость не нарушается до тех пор, пока один кредитор не получает преимущества перед другим. Приводится пример: покупатель, исполнивший свои обязательства, не может требовать у продавца-банкрота деньги, но может заявить требования в конкурсную массу [9].

Таким образом, на сегодняшний день остается актуальным вопрос соблюдения баланса интересов контрагента должника и остальных кредиторов в деле о банкротстве при одностороннем отказе от договора, что требует внимания со стороны законодателя и правоприменителей.

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 19.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19.10.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Громов А. А. Существенное изменение обстоятельств как основание для изменения или расторжения договора // Закон. 2022. № 2. С. 18–27.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.2020 № 303-ЭС16-19972(2) по делу № А73-5433/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5, ст. 410.
6. Отказ от договора не признали злоупотреблением // Дело о банкротстве общества «Заря» // Zakon.ru: [сайт]. URL: https://zakon.ru/discussion/2020/11/23/otkaz_ot_dogovora_ne_priznali_zloupotrebleniem_delo_o_bankrotstve_obschestva_zarya (дата обращения: 10.05.2024).
7. Бевзенко Р. С. О целесообразности и желательности введения права застройки в российское право // Закон. 2016. № 6. С. 53–57.
8. Бевзенко Р. С. Судьба строительной аренды при банкротстве застройщика // Об одной грубой ошибке эк. коллегии верх. суда // Zakon.ru: [сайт]. URL: https://zakon.ru/blog/2020/11/15/sudba_stroitelnoj_arendy_pri_bankrotstve_zastrojschika_ob_odnoj_gruboj_oshibke_ek_kollegii_verh_sud (дата обращения: 10.05.2024).
9. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: в 4 т. Т. 4. Торговый процесс. Конкурсный процесс. М.: Издание Бр. Башмаковыхъ. 1912. С. 328–330.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА, ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

(ежегодник)

ВЫПУСК 7

predprin.psu.ru

Компьютерная верстка:

Т. А. БАСОВА

Подписано в печать 11.06.2024. Формат 60×84/16

Усл. печ. л. 10,93. Тираж 100 экз. Заказ 85

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Управление издательской деятельности

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

+7(342)239-66-36

Типография ПГНИУ

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15